

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ—1985

5

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 5

СЕНТ ЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

БАКУ—1985

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

© «Советская тюркология», 1985 г.

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*
Корректоры *А. Е. Сорокина, Г. В. Жилин*

Сдано в набор 6.11.85 г. Подписано к печати 29.01.86 г. ФГ 11080. Формат бумаги
70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 11539. Тираж 2525. Цена 1 руб. 10 к.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

М. Ш. ШИРАЛНОВ

ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

Разработка проблем, связанных с закономерностями развития азербайджанского языка, является достижением советского языкознания в Азербайджане.

В конце 30-х годов, в связи с введением на филологических факультетах вузов нового предмета «История азербайджанского языка», стали готовиться учебники и учебные пособия по этому курсу. С созданием в 1945 году Академии наук Азербайджанской ССР и в ее составе самостоятельного Института языка была начата научная разработка вопросов истории азербайджанского языка. Господствовавшая в тот период в советском языкознании теория стадияльного развития языка полностью игнорировала сравнительно-исторический метод его изучения. Подлинно научное изучение исторических закономерностей развития азербайджанского языка наметилось после известной языковедческой дискуссии (1950), итогом которой было признание необходимости широкого применения в лингвистических исследованиях сравнительно-исторического метода на основе привлечения материалов исторических памятников и родственных языков. Выделились две области сравнительно-исторического изучения языка — историческая грамматика и история литературного языка с уточнением объектов и методов исследования. Одновременно были продолжены исследования языковых особенностей письменных памятников азербайджанского языка.

Последующие годы ознаменовались рядом достижений в изучении истории азербайджанского языка и подготовкой к изданию вузовских учебников и учебных пособий.

В 70-е годы Институтом языкознания им. Насими была завершена трехтомная история азербайджанского литературного языка, третий том которой («История азербайджанского литературного языка советского периода») в связи с 60-летием Советской власти в Азербайджане был сдан в печать первым и в 1983 году вышел в свет. Выход второго тома (охватывающего историю языка периода XVIII и XIX веков) запланирован на 1987 год. Издание первого тома (охватывающего период XI—XVII веков) намечается в 1988 году. Готовятся к печати историческая грамматика и монография по истории дописьменного периода азербайджанского языка. Отдел истории языка в настоящее время приступил к составлению исторического словаря азербайджанского языка.

К числу важнейших вопросов истории азербайджанского языка относится и ее периодизация. По этому вопросу существуют различные мнения. Однако большей частью периодизация истории азербайджан-

ского языка связывается с периодизацией истории азербайджанской литературы. Были даже попытки использования терминов периодизации письменных памятников («древний», «средний», «новый» периоды) для периодизации истории языка.

Изучение истории азербайджанского языка с древнейших времен до наших дней показывает, что резких различий в фонетике и грамматике на разных этапах его развития не отмечается.

Исходя из закономерностей развития языков от племенных к народным и далее к национальным, историю азербайджанского языка следует подразделять на три периода: 1) донациональный (до 1875 года); 2) национальный (1875—1920); 3) советский.

Азербайджанский язык относится к числу наиболее древних тюркских языков. Сирийские, армянские, грузинские, персидские и другие источники IV—V веков н. э. сообщают, что в кавказском ареале наряду с кавказоязычными и персоязычными племенами жило и тюркоязычное население. По многочисленным топонимическим, лексическим и грамматическим данным этих источников, азербайджанский язык сформировался на территории Азербайджана на базе огузских и кыпчакских племенных языков в эпоху раннего средневековья (IV—V века н. э.).

Последующие неоднократные вторжения хазарских и огузских племен в Азербайджан расширили состав тюркоязычного населения Азербайджана, что содействовало широкому функционированию азербайджанского языка в данном ареале. С формированием и повсеместным распространением азербайджанского общенародного разговорного языка последний стал языком общения кавказоязычных и персоязычных народностей, населявших Азербайджан.

Первым письменным памятником азербайджанского общенародного разговорного языка стал эпос «Китаби Деде Коркуд», созданный в XI веке. Язык этого памятника, не будучи еще сложившимся литературным языком, по сути дела является наддиалектным койне.

Тщательный анализ словарного состава и грамматической системы самых ранних письменных памятников, а также некоторые другие косвенные факты позволяют заключить, что азербайджанский литературный язык сформировался значительно ранее XIII века. Об этом свидетельствуют произведения азербайджанских поэтов XI—XII веков Гатрана Табризи, Хагани Ширвани, Низами Гянджеви и других, созданные на персидском языке, в которых отмечается относительно стабильная орфография в написании азербайджанских слов.

Анализ дошедших до наших дней стихов азербайджанского поэта XIII века Гасаноглы, а также детальное изучение лексико-грамматических особенностей литературных памятников последующих веков показывают, что азербайджанский литературный язык уже к XIII веку был языком отработанным и отшлифованным. Многочисленные стихотворения известных азербайджанских поэтов XIV века Имадеддина Насими и Гази Бурханеддина, созданные на азербайджанском языке, отличаются не только высокими художественными достоинствами, но и активным употреблением азербайджанских определительных словосочетаний, вытеснивших персидскую изафетную конструкцию (ср. *pārišan zūlf* вместо персидского *zūlfī-pārišan* 'рассыпанные локоны', *evī juxylmuyš* вместо персидского *hapā-xāgab* 'несчастный' и др.).

Исследование языковых особенностей литературных источников XIII—XIX веков, наблюдения над процессом развития отдельных грамматических категорий, особенности стабилизации их форм и значений, а также дифференцированность существующих литературных стилей позволяют разделить дореволюционную историю развития азербайджан-

ского литературного языка на два основных периода: 1) с XIII века по XVIII век; 2) с начала XIX века до установления Советской власти в Азербайджане (1920).

Как в первый, так и во второй период азербайджанский литературный язык развивается на традиционно-классической литературной основе и на основе общенародного языка. В традиционно-классическом литературном языке наряду с древнетюркскими элементами значительное место занимали арабские и персидские заимствования, тогда как общенародный язык был сравнительно свободен от них.

До XVIII века в письменном литературном языке, представленном в основном тремя стилями — художественно-литературным, научным и административно-политическим, — доминировала традиционно-классическая линия развития. В литературе в это время ведущее место принадлежало поэтическому жанру. Язык литературных произведений этого периода характеризуется многочисленными лексическими и грамматическими параллелизмами (употреблением форм на *-alym/-älim*, *-avuz/-ävüz*, *-aly/-äli* для выражения повелительного наклонения в 1-м лице множественного числа; на *-ysar/-isär*, *-asy/-äsi*, *-a/-ä* и *-ažag/-äžäk* для передачи будущего категорического времени; афф. *-dan/-dän* и *-dyn/-din* — в значении исходного падежа; афф. *-u/-i*, *-u/-ü*, *-ny/-ni* и *-ju/-ji* — в значении винительного падежа), а также функционированием синонимичных слов (*gylmag//etmek* 'делать', *ajtmag//demek* 'говорить', *aryu//temiz* 'чистый', *uçmag//žennet* 'рай', *damu//žähäppäm* 'ад' и многие другие). Преобладающую часть научных, политических и особенно религиозных терминов составляли в основном арабские и реже персидские заимствования.

Употребление параллельных грамматических форм связано главным образом с традиционным сохранением в письменном литературном языке древнетюркских особенностей, сочетающихся с чисто азербайджанскими элементами; лексическая же синонимия усиливалась благодаря распространению арабских и персидских заимствований.

В устном литературном языке преобладала общенародная основа, то есть широко использовались исконно азербайджанские языковые элементы. Устный литературный язык, хотя и не был полностью свободен от лексико-грамматической синонимии, однако основным ее источником являлись диалекты и говоры азербайджанского языка.

В конце первого периода, то есть в XVIII веке, ведущее место в литературно-художественном стиле все еще занимали поэтические жанры, в которых преобладали общенародные формы (*goşma* — четверостишие с парными рифмами, *baĵaty* — песня-четверостишие и др.). Во второй половине XVIII века в письменный литературный язык начинают все больше проникать элементы общенародного языка. Общетюркские формы вытесняются исконно азербайджанскими, а лексические и грамматические параллелизмы возникают на базе общенародного языка. Заметно проявляется тенденция к вытеснению арабо-персидских слов и выражений, а функционирующие заимствования даже на письме «приспосабливаются» к фонетическим законам азербайджанского языка. Если до XVIII века в азербайджанском письменном литературном языке отсутствовала семантическая дифференциация узких и широких вариантов аффикса *-r*, то в XVIII веке она четко проявляется в показателях собственно настоящего времени (*-ur/-ir*, *-ur/-ür*) и будущего неопределенного (*-ar/-ar*). Показатель будущего категорического времени *-ysar/-isär* уступает место форме *-ažag/-äžäk*, показатель 1-го лица множественного числа *-z* в системе спряжения (*almyşyz* 'мы взяли', *almyz* 'мы берем', *alavuz* 'берем-ка мы', *alsavuz* 'если возьмем мы', *almalyvuz*

‘мы должны взять’) полностью вытесняется элементом *-g/-k* (*almyşyg* ‘мы взяли’, *alugyg* ‘мы берем’, *alag* ‘возьмем-ка мы’, *alsag* ‘если мы возьмем’, *almalyjyg* ‘мы должны взять’) и др.

Таким образом, XVIII век в истории азербайджанского языка является переломным рубежом, за которым развитие письменного литературного языка происходит на основе общенародного языка, важнейшие особенности которого закрепляются и становятся нормой национально-литературного языка. Завершение этого процесса следует отнести уже ко второй половине XIX — началу XX века.

В 1826 году Северный Азербайджан вошел в состав России. Этот исторический факт, сыгравший огромную роль в социально-экономическом и культурном развитии азербайджанского народа, обусловил ускорение преобразования общенародного азербайджанского языка в национальный. Со второй половины XIX века с развитием капиталистических отношений и национальной консолидацией народа азербайджанский литературный язык все более приобретает черты национального языка. Процесс его демократизации постепенно распространяется на художественную литературу, театр, прессу и т. д. К концу XIX века значительно уменьшается употребление лексических параллелизмов, и азербайджанская лексика становится доминирующей. Во второй половине XIX века начинают выходить газеты на азербайджанском языке («Экинчи» — «Пахарь» и некоторые другие), возникает новый стиль литературного языка — язык прессы, который в начале XX века наряду с литературно-художественным языком способствует совершенствованию письменного литературного языка. В художественной литературе интенсивно развиваются жанры комедии и драмы, языку которых в большой степени свойственны особенности общенародного разговорного языка.

Арабские и персидские заимствования перестают быть единственным источником создания новых терминов, особенно научных, ибо для обозначения новых научных понятий используются уже русские заимствования (ср. *театр, драма, газет, комедија, фанатик, начальник, пароход, самовар* и др.), а также исконно азербайджанские слова и словосочетания (ср. *јер гаты* ‘земной пласт’, *јер габыгы* ‘земная кора’, *јуваг* ‘альвеола’ и др.). Сфера функционирования азербайджанского языка значительно расширяется; на азербайджанском языке издаются учебники и книги по различным отраслям знания. В начале XX века формируется передовая реалистическая литература, возникает ряд сатирических и публицистических жанров, развивается драматургия. С развитием демократической прессы влияние общенародного разговорного языка на письменный литературный язык усиливается. Активизируется борьба передовых представителей общества за сближение письменного литературного языка с народно-разговорным, за его общедоступность и очищение от средневековой иноязычной архаики¹.

Подлинный расцвет азербайджанского языка становится возможным только после установления в Азербайджане Советской власти, когда национальный литературный язык впервые становится государственным языком республики. Плановая разработка вопросов его нормализации становится важным государственным делом, общее руководство которым осуществляют партия и правительство.

После установления Советской власти в Азербайджане на передний

¹ Подробнее об этом см.: М. Ш. Ширалиев, М. Ш. Рагимов. Азербайджанский язык. — В кн.: «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Внутривидовое развитие старописьменных языков», М., 1973, стр. 222.

план выдвигаются вопросы языкового строительства в республике — создание нового азербайджанского алфавита, разработка норм орфографии и терминологии. Без решения этих проблем невозможно было осуществить ликвидацию почти сплошной неграмотности населения.

Одним из препятствий на пути культурного строительства и широкого распространения азербайджанского литературного языка был арабский алфавит. Азербайджанская общественность 20-х годов стремилась к избавлению от пут арабской системы письма и к утверждению нового алфавита, способного отразить фонетические особенности азербайджанского языка и позволяющего осуществить разработку норм литературного языка. Этот вопрос обсуждался на Первом Всесоюзном тюркологическом съезде, состоявшемся в 1926 году в Баку и принявшем решение о создании нового алфавита на основе латинской графики. Этот алфавит был принят в 1930 году, а через десять лет, в 1940 году, был введен алфавит азербайджанского языка, разработанный на основе русской графики. Современный азербайджанский алфавит адекватно отражает фонемный состав азербайджанского литературного языка (32 фонемы — 32 графемы).

Важную роль в совершенствовании литературного языка играет его нормирование, разработка единых правил орфографии. Правила азербайджанской орфографии многократно обсуждались, уточнялись и окончательно были утверждены специальным постановлением Совета Министров Азербайджанской ССР в 1958 году. Они достаточно полно отражают звуковой состав и грамматический строй азербайджанского языка. На основе этих правил был создан «Орфографический словарь азербайджанского языка», изданный в 1960 году. Его дополненное и переработанное издание, включающее 58 тысяч слов, вышло в свет в 1975 году. В результате развития литературного языка и широкого внедрения в него общенародной разговорной речи обнаружилось некоторое несоответствие орфографических правил специфике и требованиям современного литературного языка. В настоящее время возникла необходимость пересмотра правил орфографии с точки зрения их совершенствования.

В связи с расширением теле- и радиопередач, пропаганды политических и научных знаний большое значение приобрело нормирование литературного произношения. Под влиянием разнонаправленных произносительных тенденций, диалектов, просторечия и книжной речи до сих пор орфоэпические нормы азербайджанского литературного языка не стабилизировались. С одной стороны, проявляется сильное тяготение к книжно-письменному произношению, то есть все слова произносятся так, как пишутся, с другой — напротив, практикуется диалектное произношение (например, в публичных выступлениях). В целях устранения разнобоя в литературном произношении, удовлетворения нужд в этом деле радио, телевидения, театра и т. д. были разработаны основы орфоэпии современного азербайджанского литературного языка и издан орфоэпический словарь азербайджанского литературного языка.

Бурное развитие в Азербайджане социалистического строительства и национальной по форме и социалистической по содержанию культуры способствует обогащению словарного состава азербайджанского литературного языка. Пополнение словаря новой лексикой и совершенствование грамматического строя происходит по внутренним законам азербайджанского языка.

Развитие науки и техники в годы Советской власти в Азербайджане потребовало создания научной терминологии. Очень важно было установить четкие научные критерии образования новых терминов. Основным источником создания новых терминов является словарный состав

языка, его лексические и грамматические ресурсы, богатство его словообразовательных моделей. Второй источник пополнения терминологии — это русский язык, через посредство которого в азербайджанский литературный язык вошли и интернациональные термины. Необходимость использования интернациональных терминов связано с отсутствием в лексике азербайджанского языка адекватных соответствий для выражения новых понятий, калькированный перевод которых только затемняет смысловое содержание научного термина. На основе этих принципов терминотворчества были составлены и изданы около ста терминологических словарей по различным отраслям науки.

В результате неустанного внимания партии и государства азербайджанский язык все более расширяет сферы своего функционирования и является одним из самых развитых тюркских языков, способных передавать новые понятия и реалии, отражающие развитие всех областей общественно-экономической и политической жизни.

В настоящее время все большее внимание уделяется совершенствованию азербайджанского литературного языка, воспитанию у широких слоев населения культуры речи, которая должна отражать национальную самобытность языка, обладать смысловой точностью, грамматической правильностью, богатством словаря и художественной выразительностью.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

А. МЕМЕТОВ

АРАБСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Среди значительного количества иноязычных слов в лексическом составе современного крымскотатарского литературного языка заметное место занимают арабские слова¹, проникновение которых объясняется известными историческими причинами.

Методом сплошной выборки нами были проанализированы различные по тематике тексты и путем этимологического анализа выявлены иранские, греческие, монгольские, арабские, русские и другие заимствования в крымскотатарском языке. Всего было исследовано около 78500 слов-знаков, составивших 12900 слов-лексем; в том числе: тюркских (под тюркскими подразумеваются и слова иноязычного происхождения, оформленные тюркскими словообразовательными аффиксами) — 7521 (58,3%), арабских — 2348 (18,2%), русских (под русскими заимствованиями подразумеваются также европеизмы и интернационализмы, вошедшие в основное через русский язык) — 2115 (16,4%), иранских — 787 (6,1%), греческих (имеются в виду только ранние грецизмы, вошедшие непосредственно из греческого языка) — 77 (0,6%), монгольских, итальянских и пр. — 52 (0,4%).

Заимствование арабской лексики тюркскими языками, как отмечают исследователи, началось после завоевания арабами Византии, Ирана, Средней Азии и других соседних государств. Известно, что на завоеванных территориях арабы прежде всего стремились распространить ислам. Для этого вместе с военными отрядами в походах участвовали и представители духовенства. Насильственная исламизация покоренных народов способствовала широкому распространению арабского языка².

В больших масштабах арабская лексика стала заимствоваться тюркскими языками Средней Азии, как отмечает Н. А. Баскаков, начиная с X века³, то есть после принятия ислама частью тюркоязычного населения, перешедшего к оседлой жизни⁴.

Распространение ислама на территории Крыма, следствием которо-

¹ Об арабизмах в тюркских языках см.: Н. К. Дмитриев. Арабские элементы в башкирском языке. — В кн.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 187—201; С. С. Майзель. Арабские и персидские элементы в турецком языке. М., 1945; С. Н. Иванов. Арабизмы в турецком языке. Л., 1973 и др.

² «История Узбекской ССР», т. I, Ташкент, 1967, стр. 327.

³ Н. А. Баскаков. Состав лексики каракалпакского языка и структура слова. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. IV. Лексика. М., 1962, стр. 76.

⁴ В. В. Бартольд. История Туркестана. Ташкент, 1922, стр. 16.

го было усиленное проникновение арабских элементов в лексический состав крымскотатарского языка, относится к XIII—XIV векам. Так, уже в XIII веке в Крым стали прибывать проповедники ислама из различных городов мусульманского мира, главным образом из Дамаска, сельджукской Конии, Бухары и Хорезма. Названия этих крупных средневековых городов встречаются в надписях на памятниках материальной культуры той эпохи—на зданиях мечетей, на надгробиях, огромное количество которых было найдено в Старом Крыму и в Отузах во время раскопок, проведенных археологическими экспедициями 1925—1926 и 1928 гг.⁵

Сооружение самых ранних мусульманских мечетей в Крыму относится ко второй половине XIII века. По сообщению турецкого историка Эвлия Челеби, посетившего Крым в XVII веке, одна из первых мечетей в Старом Крыму была построена выходцем из Бухары в сентябре-октябре 1263 года, о чем свидетельствует надпись, сделанная прописью по-арабски⁶. Средства на строительство другой мечети, воздвигнутой в Старом Крыму в 1287 году⁷, как считают историки, пожертвовал египетский султан Бейбарс, поддерживавший тесные контакты с Крымом.

Строительная надпись на мечети Узбека в Старом Крыму, прочитанная и опубликованная Н. Мурзакевичем, свидетельствует о сооружении здания в 1314 году⁸. Медресе при этой мечети было построено Инджи-беком (или Ильчи) Хатун в 1332—1333 годах, что также подтверждается строительной надписью и начертанными на надгробии именем и датой смерти (1371 г.) учредительницы этого медресе⁹.

Ценный материал о времени распространения и закрепления ислама в Крыму дает язык надписей на надгробиях. Так, на надгробных камнях (дюрбе) конца XIII века параллельно с надписями на старокрымскотатарском языке начинают встречаться арабские надписи, которые на памятниках XIV века уже преобладают. А на надгробиях XIV—XV веков уже редко встречаются тюркские имена, вытесненные мусульманскими, то есть арабскими.

Таким образом, учитывая время прибытия исламских миссионеров в Крым и сооружения там первых мусульманских мечетей, а также язык надписей на надгробных камнях и замену исконно тюркских личных имен арабскими, можно предположить, что ислам закрепился среди крымских татар только в XIV веке, следовательно, и интенсивное проникновение арабской лексики в крымскотатарский язык началось в этот же период. Если в первое время арабские элементы проникали в результате торгово-экономических связей крымских татар с арабами, то в дальнейшем, после принятия населением ислама, арабская лексика вошла в крымскотатарский язык вместе с мусульманской культурой: арабским письмом, богословской литературой, деятельностью духовных школ.

Одним из основных источников проникновения арабской лексики в крымскотатарский язык являлся и персидский литературный язык, о

⁵ См.: «Старо-Крымские и Отузские надписи XIII—XV вв.». — «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии», т. I (58-й), Симферополь, 1927, стр. 5—7.

⁶ «Evlîya Çelebi seyahatnamesi». (Турецкое издание, т. 1—10. Стамбул, 1897—1938 гг.), т. VII, стр. 663.

⁷ В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Османской порты до начала XVIII века. СПб., 1887, стр. 89.

⁸ Н. Мурзакевич. Эски-Крымская арабская надпись. — «Записки Одесского общества истории и древностей», т. II и III. Одесса, 1850, стр. 529.

⁹ См.: *Evlîya Çelebi*. Указ. раб., т. VII, стр. 639; И. Н. Бороздин. Солхат (Предварительный отчет о работах археологической экспедиции в 1925 г.). — «Новый Восток», М., 1926, № 13—14, стр. 298—299.

чем свидетельствуют многочисленные арабизмы с иранскими словообразовательными элементами. Так, например, в заимствованных производных словах *авес+кяр* 'любитель', *иле+кяр* 'хитрый, плут', *ватан+первер* 'патриот', *шаркъ+шынас* 'востоковед', *давет+наме* 'приглашение', *китап+хане* 'библиотека' первые компоненты арабского происхождения, вторые же словообразующие компоненты — персидские суффиксы и суффиксоиды.

Заимствованию арабской лексики в крымскотатарский язык в значительной степени способствовали также тюркские литературные языки домонгольского периода и послезолотоордынской эпохи, а затем и турецкий литературный язык.

Арабские слова по степени освоения их крымскотатарским языком делятся на две группы. Первую группу составляет подавляющее большинство арабизмов, прочно освоенных крымскотатарским языком. Эти арабизмы подверглись различным семантическим, фонетическим и морфологическим изменениям и широко употребляются как в литературном, так и в разговорном языке, например: *ава* 'воздух, погода, климат', *аят* 'жизнь', *беля* 'несчастье', 'беда', *гъам* 'горе, печаль', *сабыр* 'терпение', *урмет* 'уважение', *азиз* 'дорогой' и т. п. Арабизмы, входящие в эту группу, служат основой для образования новых слов, составляют синонимичные ряды, омонимичные и антонимичные пары как с исконными, так и с другими заимствованными словами.

Другая группа арабизмов не была глубоко освоена принимающим языком, почти не употребляется в разговорной речи и встречается главным образом в языке периодической печати, художественной литературы, научных работ. Например: *магълюбиет* 'поражение', *зафер* 'победа', 'триумф', *истикъамет* 'прочность, твердость', *мефтун* 'пораженный, восхищенный, очарованный', *мефкуре* 'мышление', *мутефеккур* 'мыслитель, философ' и т. п.

Различная степень освоенности арабизмов крымскотатарским языком, по-видимому, свидетельствует о том, что процесс их заимствования длился веками и пути проникновения этих слов были различными. В настоящее время крайне трудно точно определить время заимствования большинства арабизмов, тем не менее об употреблении ряда арабизмов в принимающем языке уже в XIII веке свидетельствует отражение их в памятнике половецкого языка «Codex Cumanicus»¹⁰.

В этом словаре зафиксировано около 140 арабских слов, основная часть которых употребляется и в современном крымскотатарском языке в том же значении и фонетическом оформлении (или же с незначительными семантическими и фонетическими изменениями); например: *ахмакъ* 'глупый, дурак' (39)¹¹, *ашыкъ* 'влюбленный' (44), *девлет* 'государство, богатство' (83), *гъам* 'горе, печаль' (97), *гъарип* 'беспомощный, бедняга, чужой, посторонний' (97), *джевап* 'ответ' (98), *макъсат* 'цель, намерение' (162) и т. п.

Арабизмы, функционирующие в современном крымскотатарском языке, можно классифицировать по нижеследующим тематическим группам.

1. Общественно-политическая жизнь: *мемлекет* 'страна, государство', *ватан* 'родина', *веляет* 'область, страна, государство', *укюмет*

¹⁰ А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1982, стр. 250.

¹¹ В скобках указаны страницы из «Codex Cumanicus», изданного К. Грёнбеком в Жопенгагене в 1942 году.

‘правительство’, *сиясет* ‘политика’, *векиль* ‘представитель’, *уполномоченный*, *реис* ‘председатель’, *меджлис* ‘собрание’.

2. Воспитание и обучение: *тербие* ‘воспитание’, *тертип* ‘порядок’, *талебе* ‘ученик’, *мектеп* ‘школа’, *китап* ‘книга’, *дерс* ‘урок’, ‘лекция’, *суаль* ‘вопрос’, *джевап* ‘ответ’ и т. п.

3. Наука и ее отрасли: а) языкознание: *ариф* ‘буква’, *эджа* ‘слог’, *сатыр* ‘строчка’, *межгъулиет* ‘упражнение’, *исим* ‘существительное’, *сыфат* ‘прилагательное’, *замир* ‘местоимение’, *зарф* ‘наречие’, *фииль* ‘глагол’, *нокъта* ‘точка’, *имля* ‘орфография’; б) литературоведение: *эдебият* ‘литература’, *шаир* ‘поэт’, *шаире* ‘поэтесса’, *эсер* ‘произведение’, *икляе* ‘рассказ’, *шиир* ‘стихотворение’, *къафие* ‘рифма’ и т. п.; в) география и астрономия: *шималь* ‘север’, *дженюп* ‘юг’, *шаркъ* ‘восток’, *гъарп* ‘запад’, *къутуп* ‘полюс’, *уфукъ* ‘горизонт’, *асыр* ‘век’, *саат* ‘час’; г) названия других наук: *фельсефе* ‘философия’, *тарих* ‘история’, *илим* ‘наука’.

4. Военное дело: *арбий* ‘военный’, *сила* ‘оружие’, *эмир* ‘приказ’, *джебе* ‘фронт’, *уджом* ‘нападение’, *мудафаа* ‘защита, оборона’, *теслим* ‘сдача, капитуляция’, *эсир* ‘пленный’, *аскер* ‘солдат’ и др.

5. Природные явления и стихийные бедствия: *нур* ‘свет, луч’, *зельзеле* ‘землетрясение’, *афат* ‘бедствие стихийное’, *сель* ‘поток воды, стекающий с гор после дождя’ и т. п.

6. Издательское дело: *матбуат* ‘типография’, ‘печать’, *нешир* ‘издание, печатание’, *джылт* ‘переплет’ и др.

7. Постройки, сооружения, предметы быта, мебель: *бина* ‘здание’, ‘сооружение’, *раф* ‘полка, ниша в стене (для хранения домашней утвари)’, *зембиль* ‘корзина’, *макъас* ‘ножницы’, *къаде* ‘рюмка’, *курсю* ‘табуретка, стул’, *софра* ‘стол’ и др.

8. Продукты питания, напитки: *эльва* ‘халва’, *хамыр* ‘тесто’, *шарап* ‘вино’, *шербет* ‘шербет (сладкий напиток, приготавливаемый из воды и сахара)’ и т. п.

9. Анатомические и духовные понятия: *кафа*//*къафа* ‘голова, череп’, *зафра* ‘желчь’, *къальп* ‘сердце, душа’, *акъыл* ‘ум, разум’, *ираде* ‘воля’, *истидат* ‘способность’, *гъайрет* ‘рвение, усердие’, *авес* ‘желание’.

10. Религия: *алла* ‘бог’, *дин* ‘религия’, *къоран* ‘Коран (священная книга мусульман)’, *молла* ‘мулла’, *теспи* ‘четки’, *эзан* ‘утренняя молитва’, *мукъаддес* ‘священный, святой’ и т. п.

11. Собственные имена — а) мужские: *Абдулла*, *Асан*, *Вели*, *Веби*, *Закир*, *Зекки*, *Идрис*, *Кязим*, *Мустафа*, *Раим*, *Селим*; б) женские: *Адиле*, *Ашиме*, *Весие*, *Зейнеп*, *Лютфие*, *Мерьем*, *Мунивер*, *Ремзие*, *Сабрие*, *Эмине* и др. Следует отметить, что в современном крымскотатарском языке подавляющее большинство собственных имен (более 90%) заимствовано из арабского и иранских языков, а личные имена тюркского происхождения встречаются крайне редко, например: *Бекташ*, *Дагъджы*, *Дерменджи*, *Памукъчы* и т. п.

Таким образом, арабизмы, функционирующие в современном крымскотатарском языке, связаны, в первую очередь, с общественно-политическим устройством, государственным управлением, различными отраслями наук, морально-этическими нормами и мусульманской культурой в целом.

Исследованный материал позволяет заключить, что семантическая структура определенной части арабизмов на новой языковой почве остается неизменной. Это относится в первую очередь к моносемантичным и к некоторым полисемантичным арабизмам. Так, например, слово *медениет* в принимающем языке, как и в языке-источнике, употребляется для обозначения понятия «культура»: *Районнынъ ёлбашчылары ме-*

дениет саасында япыладжакъ ишлер акъкъында айттылар (газ. «Ленин байрагы», 1983, № 60) 'Руководители района говорили о тех мероприятиях, которые будут осуществляться в области культуры'.

Не изменили своей первоначальной семантики в принимающем языке и такие монозначные арабизмы, как *къаби́ле* 'племя', *къати́ль* 'убийца', *дерс* 'урок', *аят* 'жизнь', *къабир* 'могила' и т. п.

В редких случаях отмечается сохранение у многозначных слов арабского происхождения полного объема значений. Так, слово *хабер* в языке-источнике имеет следующие значения: 1) «известие, весть», 2) «сообщение, новость», 3) грамм. «сказуемое». В принимающем языке *хабер* употребляется в тех же значениях: 1) *хош хабер* 'добрая весть, хорошее известие', *къара хабер* 'скорбная (черная) весть', 2) *сонъки хаберлер* 'последние сообщения', 3) *хабер фильнен ифаделенген* 'сказуемое выражено глаголом'.

Полисемантические арабизмы заимствованы крымскотатарским языком, как правило, в одном (реже в двух) значении, остальные же значения многозначного арабского слова передаются исконно крымскотатарскими или же другими заимствованными словами. Так, например, арабизм *тараф* в языке-источнике означает: 1) «конец»; «край, кончик», 2) «крайний пункт», 3) «окраина», 4) «бок, сторона», 5) анат. «конечность». Крымскотатарским языком слово *тараф* заимствовано только в четвертом значении — «сторона, направление»: *ёл тарафкъа кетти* 'он ушел в сторону дороги'. Заметим, что арабизм *тараф* в крымскотатарском языке образует синонимичную пару с исконно тюркским словом *бет*, также многозначным. Основные значения слова *бет* в крымскотатарском языке: 1) «лицо»: *бетинден къар ягъа* букв. 'с его лица идет снег', то есть «хмурый, угрюмый»; 2) «страница»: *китапнынъ бети* 'страница книги', 3) «сторона, направление»: *денъиз бетке* 'в сторону моря'. Следовательно, объем значений слова *бет* значительно шире объема значений заимствованного арабизма *тараф*, что, по-видимому, и послужило причиной заимствования последнего слова.

Заимствованное крымскотатарским языком арабское полисемантическое слово *саифе* в языке-источнике имеет следующие значения: 1) «лицо», 2) «страница», 3) «поверхность, зеркало (воды)». В принимающем языке слово *саифе* употребляется только во втором значении — «страница»: *китапнынъ бешинджи саифеси* 'пятая страница книги'. Этот арабизм образует синонимичную пару с крымскотатарским полисемантическим словом *бет* во втором значении (пример см. выше). Для передачи первого значения арабизма *саифе* 'лицо' в принимающем языке параллельно употребляются исконно тюркские слова *юз* и *бет*, а третье значение — «поверхность» в крымскотатарском языке передается также исконно тюркским словом *усть*: *сув устюнде* 'на поверхности воды'.

Таким образом, заимствованные арабские слова *тараф* и *саифе* входят в тесные семантические взаимоотношения с исконно тюркскими словами принимающего языка. Причиной заимствования данных лексических инноваций, вероятно, является недостаточная дифференциация семантического поля слова *бет* в крымскотатарском языке и постоянная потребность литературного языка в синонимах.

Слово *нокъта*, имеющее в арабском языке шесть значений: 1) «точка, пункт», 2) «пост (милицейский)», 3) грамм. «точка», 4) «капля», 5) спорт. «очко», 6) мед. «апоплексия», в принимающем языке значительно сузило объем семантики и используется как знак препинания «точка»: *Джумленинъ сонъуна нокъта къоймагъа унутманъыз* 'Не забудьте поставить точку в конце предложения'. Арабизм *нокъта* в при-

нимающем языке совпал по звучанию с заимствованным из монгольского языка словом *нокъта* 'недоуздок, уздечка'. Следовательно, появление в языке омонимов не мешает процессу заимствования.

У ряда арабизмов на новой языковой почве произошло смещение семантики. Так, например, арабизм *кафа*//*къафа* в языке-источнике означает: 1) «затылок», 2) «оборотная сторона, изнанка», а в принимающем языке это слово употребляется для обозначения головы, черепа. Заимствованный арабизм *леззет* 'сладость, приятность; наслаждение, удовольствие' в принимающем языке означает «вкус»: *леззетли аиғ* 'вкусная еда'. Арабизм *такъат* 'выносливость, терпение' в крымскотатарском языке означает «сила». Изменение значений заимствованных слов свидетельствует о глубоком семантическом освоении арабизмов крымскотатарским языком. Семантические поля заимствованных арабизмов приспособились к семантическим условиям принимающего языка: арабские слова входят в определенные синонимические ряды, изменяется валентность исконного и заимствованного элементов и т. п.

Фонетическое освоение арабизмов крымскотатарским языком. В процессе заимствования и усвоения арабские слова в принимающем языке претерпели определенные фонетические трансформации, обусловленные различиями фонетических структур дающего и принимающего языков.

Фонетическая система арабского языка характеризуется наличием специфических долгих гласных *ā, ī, i;* межзубных *θ, ð*, переднеязычных эмфатических *t, d, s, z*, верхнефарингального *айн* (ع) и гортанного **хамза** (ء) согласных, не имеющих эквивалентов в крымскотатарском языке. Поэтому при усвоении арабских слов, в составе которых имеются эти звуки, они заменялись близкими по артикуляции фонемами или же просто выпадали из состава слова.

Фонетические изменения в области гласных сводятся к следующим: араб. *ā* > ктат. *a, ä, e*: араб. آدم *ādam* > ктат. *адам* 'человек', араб.

صابون *sābūn* > ктат. *сабун* 'мыло', араб. مزار *mazār* > ктат. *мезар* 'могила', араб. مقرا *safrā* > ктат. *зафра* 'желчь', араб. جزا *'jazā* > ктат. *джеза* 'наказание, возмездие', араб. مكان *makān* > ктат. *мекан* (лит.-орф. *мемян*) 'место', 'жилище, обиталище', араб. بلا *balā* > ктат. *белä* (лит.-орф. *беля*) 'беда, несчастье', араб. فقرا *fuqarā* > ктат. *фукъаре* 'бедный, нуждающийся';

араб. *a* > ктат. *a, ä, e*: عادل *'adālat* > ктат. *адалет* 'справедливость', араб. خبر *habar* > ктат. *хабер* 'весть, известие, сообщение', араб. مملكة *tamlakat* > ктат. *мемлекет* 'страна, государство', араб. دولة *davlat* > ктат. *девлет* 'государство, богатство', араб. لكن *lakin* > ктат. *läkin* (лит.-орф. *лякин*) 'но, однако', араб. مثلاً *maṭṭalan* > ктат. *меселä* (лит.-орф. *меселя*) 'например'. Переходу *a* > *e* способствовало, следует полагать, характерное для крымскотатарского языка сужение гласных в составе слова. Субституция *a* > *ä* (я) объясняется прогрессивной и регрессивной гармонией гласных в составе слова, а также мягкостью предыдущего *l*;

араб. *ī* > ктат. *u* (y), *ü* (ю): араб. ناموس *nāmūs* > ктат. *намус* 'честь, совесть', араб. قانون *qānūn* > ктат. *къанун* 'закон', араб. مجبور *maǧbūr* > ктат. *меджбур* 'вынужденный, принужденный', араб. حكومة *hukūmat* > ктат. *укюмет* 'правительство', араб. مكتوب *maḳtūb* > ктат. *мектюп* 'письмо', араб. جسر *ǧasūr* > ктат. *джесюр* 'смелый, отважный';

араб. *u* > ктат. *u* (y), *ü* (ю): араб. عنوان *'unvān* > ктат. *унван* 'зва-

ние', араб. سلطان sultān > ктат. султан 'правитель, султан', араб. تبسم tabassum > ктат. тебессум 'улыбка'. В редких случаях арабский гласный *u* заменяется крымскотатарскими *o*, *e*: араб. سفرة sufra > ктат. софра 'стол', араб. فلان fulān > ктат. фелян 'такой-то';

араб. *i* > ктат. *i* (и), *y* (ы): араб. قديم qadi:m > ктат. къадим 'старый, древний', араб. سياست si:āsāt > ктат. сиясет 'политика', араб. نتيجة pati:ža > ктат. нетидже 'результат', араб. فقير faqi:r > ктат. факъыр 'бедный, нуждающийся', араб. خمير хами:r > ктат. хамыр 'тесто', араб. اخير 'axi:r > ктат. ахыр 'конец, конечный, последний'. Субституция *i* > *y* в словах факъыр и ахыр происходит под влиянием глубоководноязычного *q* и нижефарингального *x*. В указанных словах эту замену можно, по-видимому, объяснить также и прогрессивной ассимиляцией гласных на основе закона сингармонизма;

араб. *i* > ктат. *i* (и), *y* (ы), *ü* (ю): араб. ارادة 'irāda > ктат. ираде 'воля', араб. اشتراك 'ištirāk > ктат. иштирак 'участие', араб. ظالم zālim > ктат. залым 'жестокый, тиран', араб. متخصص mutaxaṣṣis > ктат. мутехассыс 'специалист', араб. خدمة xidmat > ктат. хызмет 'служба', араб. صفة šifat > ктат. сыфат 'качество, свойство, прилагательное', араб. مشكل muškil > ктат. мушкюль 'трудный, тяжелый, запутанный', араб. ممكن mumkin > ктат. мумкюн 'можно, возможно'. Субституция *i* > *y* в словах залым и мутехассыс объясняется прогрессивной ассимиляцией, а в слове сыфат — регрессивной ассимиляцией гласных. Замена *i* > *y* в слове хызмет происходит, по-видимому, под влиянием нижефарингального *x*, после которого обычно следуют гласные заднего ряда. Передача *i* лабиализованным *ü* в словах мушкюль и мумкюн происходит под воздействием прогрессивной губной гармонии гласных принимающего языка.

Таким образом, в арабизмах отмечаются следующие фонетические соответствия гласных звуков: $\bar{a} > a$, $\bar{ä}$, e ; $a > a$, $\bar{ä}$, e ; $\bar{ü} > u$, $\bar{ü}$; $u > u$, $\bar{ü}$, o , e ; $i > i$, y ; $i > i$, y , $\bar{ü}$.

В области согласных наблюдаются нижеследующие трансформации.

1. Арабские имена существительные и отглагольные образования заимствованы крымскотатарским языком, как и другими тюркскими языками, без их специфического окончания *-un*: араб. مجلس mažlisun > ктат. меджлис 'собрание, заседание', араб. دولة davlatun > ктат. девлет 'государство, богатство'.

2. После утраты арабских окончаний звонкие согласные в исходе слов (*v* — регулярно, *d* — нерегулярно) оглушаются и заменяются соответствующими глухими: *p*, *t*: араб. مكتب maktab > ктат. мектеп 'школа', араб. كتاب kitāb > ктат. китап 'книга', араб. شاهد šāhid > ктат. шаат 'свидетель', араб. مقصد maqṣad > ктат. макъсат 'цель, намерение, стремление'. Передача конечных звонких *b*, *d* глухими *p*, *t* в арабизмах объясняется тем, что для крымскотатарского языка нехарактерно употребление звонких в конце слова.

При наращивании аффиксов с начальным гласным звонкость конечных согласных в таких словах восстанавливается, в соответствии с фонетическими законами принимающего языка, например, мектеп — мектебим 'моя школа', джевап — джевабы 'его ответ', макъсат — макъсадымыз 'наша цель' и т. п.

3. Некоторые характерные для арабского языка различные со-

гласные звуки в принимающем языке утратили фонологические особенности и унифицировались:

а) арабские согласные ذ (ḏ), ز (z), ض (d), ظ (z) передаются во всех позициях одним крымскотатарским з (z): араб. ذهّن dīhn> ктат. *зеин* 'ум, рассудок', араб. مراكمة mūdākaḡa> ктат. *музакере* 'обсуждение'; араб. زمان zamān> ктат. *заман* 'время, период, эпоха', араб. مركز maḡkaz> ктат. *меркез* 'центр'; араб. ضمير dami:r> ктат. *замир* 'местоимение', араб. ضيافة di:āfat> ктат. *зияфет* 'угощение, банкет'; араб. ظرف zaḡf> ктат. *зарф* 'нарекание', араб. وظيفة vaḡi:fa> ктат. *вазифе* 'задание, обязанность';

б) арабские согласные ث (ṭ), س (s), ص (ṣ) в начале, середине и в конце слов передаются одним крымскотатарским с (s): араб. ثمرة ṭamaḡa> ктат. *семере* 'плод', араб. ميراث mi:rāṭ> ктат. *мирас* 'наследство'; араб. سبب sabab> ктат. *себен* 'причина', араб. انسان insān> ктат. *инсан* 'человек'; араб. صبر ṣabr> ктат. *сабыр* 'терпение', араб. قفص qafas> ктат. *кѡафес* 'клетка';

в) арабские согласные ت (t), ط (ṭ) во всех позициях передаются одним крымскотатарским т (t): араб. تقدير taqdi:r> ктат. *такѡдир* 'судьба, рок, предопределение', араб. افترا iftirā> ктат. *ифтира* 'клевета', араб. دقة diqqat> ктат. *дикѡкѡат* 'внимание'; араб. طرق ṭaraḡ> ктат. *тараф* 'сторона', араб. نطق nuṭq> ктат. *нутукѡ* 'речь, выступление';

г) арабские согласные ح (ḥ), ه (h) в современном крымскотатарском литературном языке не произносятся, в заимствованных арабизмах эти звуки выпадают: араб. حركة ḡarakat> ктат. *арекет* 'движение', араб. حرارة ḡaraḡat> ктат. *арарет* 'температура', араб. هوا havā> ктат. *ава* 'погода, воздух, климат'; араб. زحمة zaḡmat> ктат. *замет* 'стеснение, затруднение', араб. حبة ṣuḡbat> ктат. *субет* 'беседа, разговор', араб. شبه šubha> ктат. *шубе* 'сомнение, подозрение', араб. مشهور mašhūr> ктат. *мешюр* 'известный, знаменитый'; араб. صباح ṣa-bāḡ> ктат. *саба* 'утро', араб. سلاح silāḡ> ктат. *сила* 'оружие', араб. الله allah> ктат. *алла* 'бог, всевышний'. Выпадение согласных ḡ, h в интервокальной позиции приводит к стяжению двух гласных в середине слова, например, араб. محيط muḡi:ṭ> ктат. *муит* 'среда, обстановка', араб. خوة ṡihat> ктат. *джеэт* 'сторона, направление', араб. مهم mu-ḡim> ктат. *муим* 'важный, значительный', араб. قهر qaḡr> ктат. *кѡаарь* 'гнев, расстройство'. Особо следует остановиться на выпадении h в слове *кѡаарь*. На первый взгляд кажется, что в этом слове произошло не выпадение, а замена согласного h гласным a. На самом же деле здесь происходит сложное фонетическое явление, а именно для ликвидации стечения двух согласных в конце слова между ними появляется гласный a и первоначально это слово в принимающем языке произносилось qaḡar. Далее происходит выпадение (а не вокализация) звука h, в результате чего образуется вторичная долгота гласного a.

Отметим, что звук h и теперь иногда встречается в речи носителей языка старшего поколения. Отсутствие этого звука в современном крымскотатарском языке объясняется тем, что при переходе с латинской графики на кириллицу буква h, передающая этот звук, не была заменена соответствующим знаком.

4. Специфичные для арабского языка согласные *айн* и *хамза*, обозначаемые в транскрипции соответственно знаками ' и ', несвойственны фонетической системе принимающего языка, поэтому в заимствованных арабизмах эти звуки выпадают: а) в начале слова: араб. عقل 'aql>крат. акъыл 'ум, разум', араб. عسكر 'askar>крат. аскер 'солдат', араб. عالم 'ālim>крат. алим 'ученый', араб. إثبات iḥbāt>крат. исбат 'подтверждение, доказательство'; б) в середине слова: араб. تميم ta-mi:ḡ>крат. тамир 'ремонт', араб. دعوت da'vat>крат. давет 'приглашение', араб. تامين tā'amī:n>крат. тамин 'обеспечение', араб. سؤل su'al>крат. суаль 'вопрос'; в) в конце слова: араб. موضوع mavzū>крат. мевзу 'тема', араб. منبع manba>крат. менба 'источник', араб. جزا ẓazā>крат. джеза 'наказание'.

Выпадение согласных *айн* и *хамза* в интервокальной позиции, так же как и *h*, *h*, приводит к стечению гласных в середине слова: араб. ساعة sā'at>крат. саат 'часы, час', араб. تعجب ta'aẓẓub>крат. тааджип 'удивительный', араб. فعالية fa'āli:jat>крат. фаалиет 'деятельность', араб. سؤل su'al>крат. суаль 'вопрос'. (Ср. с соответствующим явлением в турецком языке: араб. ma'arif>тур. maarif 'просвещение, образование', араб. mu'ezzin>тур. müezzin 'муэдзин'¹²).

5. Другие арабские согласные — губно-губные *м*, *в*, губно-зубной *ф*, переднеязычные *н*, *дж*, *ш*, *л*, *р*, среднеязычные *к*, *й*, язычковые *қ*, *ғ*, *х* по своей артикуляции близки соответствующим крымскотатарским звукам. Поэтому в крымскотатарских арабизмах эти звуки во всех позициях передаются без существенных изменений.

Вставка гласных. В результате отпадения арабских окончаний в конце некоторых слов возникает стечение двух согласных. Это нехарактерное для принимающего языка явление устраняется, как и в турецком языке¹³, путем эпентезы, то есть вставки гласных *и*, *ы*, *у*: араб. دور davḡ>крат. девир 'период, время, эпоха', араб. فكر fikr>крат. фикир 'мысль, идея', араб. علم 'ilm>крат. илим 'наука', араб. اسم 'ism>крат. исим 'имя', араб. صبر šabr>крат. сабыр 'терпение', араб. صنف šinf>крат. сыныф 'класс', араб. قطب quṭb>крат. къутуп 'полюс', араб. نطق putq>крат. нутукъ 'речь'.

В ряде заимствованных из арабского языка слов полногласия, то есть вставки гласных между двумя конечными согласными, не происходит, например, араб. غرب ʕarḡb>крат. ғъарп 'запад', араб. درس dars>крат. дерс 'урок', араб. فرق faḡq>крат. фаркъ 'разница', араб. شرط šarṭ>крат. шарт 'условие', араб. خلق ḡalq>крат. халкъ 'народ'. Это объясняется тем, что в исконных словах принимающего языка возможно стечение в конце слова сонорного и глухого согласного, например, сырт 'спина', арт 'зад, задняя сторона', къарт 'старик' и т. п.

Таким образом, различия в звуковом строе арабского и крымскотатарского языков явились причиной фонетических изменений усвоенных крымскотатарским языком арабизмов. Специфичные для арабского языка гласные и согласные звуки, не имеющие эквивалентов в принимающем языке, в составе заимствованных слов были заменены в большинстве случаев близкими по артикуляции звуками. В некоторых заимствованных арабизмах гласные подверглись прогрессивной: залым, ха-

¹² С. Н. Иванов. Указ. раб., стр. 8.

¹³ Там же, стр. 9.

мыр или регрессивной: *векиль*, *зембиль* ассимиляции на основе закона сингармонизма принимаемого языка. Этот процесс охватил незначительное количество арабизмов. В большей части заимствованных арабских слов отмечается несингармоничность в области гласных.

Определенное влияние на изменения гласных в составе заимствованных арабизмов оказали также и согласные звуки. Так, мягкие согласные *дж*, *к*, *л* способствовали сужению гласных: *дередже*, *мекан*, *кэбабиле*. В арабизмах переднерядные гласные под воздействием глубоководнеязычных и нижнефарингального согласных, в соответствии с законами принимающего языка, превратились в заднерядные, например, *кыймет*, *хызмет* и т. п.

Стечение двух согласных в исходе слова (после отпадения окончания *-ип*) устраняется путем вставки гласных: *зулум*, *вакыит* и др.

Морфологическое освоение арабизмов крымскотатарским языком. Значительную часть арабизмов в крымскотатарском языке составляют отглагольные именные образования: масдары (имя действия) разных пород и типов. Среди заимствованных арабизмов имеются также причастия действительного и страдательного залогов, имена прилагательные (качественные и относительные), имена места, имена деятеля, имена орудия, наречия, служебные части речи.

Масдары (имена действия). Заимствованные масдары в принимающем языке употребляются самостоятельно, в большинстве случаев как имена существительные (иногда как имена прилагательные), и служат основой для образования производных существительных, прилагательных и глаголов.

Масдар I породы в арабском языке имеет более сорока типов, однако в принимающем языке представлены лишь некоторые из них.

1. Тип 1 *а/е* 2 *ы/и* 3:¹⁴ *сабыр* 'терпение', *хатыр* 'память', *несиль* 'потомство, поколение', *кесир мат* 'дробь' и т. п.

2. Тип 1 *ы/и* 2 *ы/и* 3: *сыныф* 'класс', *фикир* 'мысль' и др.

3. Тип 1 *у/ю* 2 *у/ю* 3: *кэутуп* 'полюс', *нутукъ* 'речь, доклад, выступление', *укюм* 'власть, господство'. Следует отметить, что в принимающем языке начальный *һ* в слове *укюм* выпал. Во всех трех типах звуки *у*, *и*, *ю* и между вторым и третьим согласным в языке-источнике отсутствуют.

4. Тип 1 *а/е* 2 *е* 3: *кэалем* 'ручка, карандаш', *кэафес* 'клетка', *себеп* 'причина', *давет* 'приглашение' и т. п.

5. Тип 1 *а/е* 2 *а* 3: *заман* 'время, период, эпоха', *кэарар* 'решение', *рактам* 'цифра', *девам* 'продолжение', *джевап* 'ответ'.

6. Тип 1 *а/е* 2 3: *фаркэ* 'разница, различие', *сарф* 'трата, расход', *кэальп* 'сердце, душа', *зевкэ* 'радость, удовольствие'. Этот тип отличается от первого типа тем, что между вторым и третьим согласными нет вставочного гласного как в арабском, так и в крымскотатарском языках.

7. Тип 1 *а/е* 2 *а/е* 3 *ет*: *арекет* 'движение', *саадет* 'счастье', *джесарет* 'смелость, отвага'. В принимающем языке в начале слова *арекет* отпал звук *һ*, а в середине слова *саадет* не произносится согласный *айн*.

8. Тип 1 *а/е* 2 *а* 3 *ет*: *тиджарет* 'торговля', *кэыамет* 'шум, скандал', *сиясет* 'политика', *джинает* 'преступление', *зиярет* 'посещение' и т. п.

9. Тип 1 *а/е* 2 3 *ет*: *такэлет* 'облик, внешний вид', *невбет* 'очередь', *девлет* 'государство', 'богатство', *нефрет* 'отвращение, ненависть'. В при-

¹⁴ Здесь и далее арабскими цифрами 1, 2, 3 условно обозначаются три коренных согласных «правильного» арабского корня. Такое обозначение заимствовано нами из упоминавшейся выше работы С. Н. Иванова (стр. 15).

нимающем языке в слове *асрет* выпал начальный *h*; в словах *рамет* и *дешет* звук *h* после первого слога также не произносится.

10. Тип 1 *y/ю* 2 3 *et*: *гъурбет* 'изгнание, чужбина', *рухсет* 'разрешение', *къудрет* 'сила', 'мощь' и т. п. В принимающем языке в начале слова *урмет* 'уважение, почет', в середине слов *субет* 'беседа, разговор' и *шурет* 'слава' выпадает согласный *h*.

Арабизмы, являющиеся по форме масдаром I породы, функционируют в принимающем языке как имена существительные с процессуально-предметным или собственно предметным значением. Некоторые из них служат основой для образования:

а) новых имен существительных при помощи продуктивных аффиксов принимающего языка *-лыкъ/-лик*: *сатыр* 'строчка, строка' — *сатырлыкъ* 'в... строк, строки', *джевап* 'ответ' — *джеваплыкъ* 'для ответа' (*джеваплыкъ сёз* 'слова для ответа');

б) имен прилагательных при помощи крымскотатарских продуктивных аффиксов *-лы/-ли*; *-сыз/-сиз*: *эсап* 'счет, подсчет' — *эсаплы* 'считанный, подсчитанный', *зарар* 'вред, ущерб' — *зарарлы* 'вредный, ущербный' — *зарарсыз* 'безвредный, сносный' и т. п.;

в) производных глаголов синтетического типа, путем присоединения крымскотатарских продуктивных глаголообразующих суффиксов *-ла/-ле*, *-лан/-лен*, *-лаш/-леш*: *хатыр* 'память' — *хатырла* 'вспоминать', *кедер* 'печаль, горе' — *кедерлен* 'печалиться, горевать', *хабер* 'весть, новость' — *хаберлеш* 'уведомлять друг друга, сообщать друг другу (о чем-либо)' и др.;

г) сложных глаголов аналитического типа. При этом грамматикализированным (вспомогательным) словом в принимающем языке обычно выступает глагол *этмек*, реже — *алмакъ*, *япмакъ*, *бермек* и др.: *сабыр* 'терпение' — *сабыр этмек* 'терпеть, выносить', *нефес* 'вдох, дыхание' — *нефес алмакъ* 'дышать', *уджюм* 'атака, нападение' — *уджюм япмакъ* 'атаковать, нападать', *эсап* 'счет, подсчет, отчет' — *эсап бермек* 'отчитываться' и т. п.

Масдар II — формула *t a/e 1 2 y/и 3*: *тасдыкъ* 'подтверждение, утверждение', *такъдим* 'представление, вручение', *такъсим* 'деление, разделение', *тасвир* 'изображение, описание', *теслим* 'сдача, капитуляция', *тертип* 'порядок' и др. Основное значение масдара II породы — «делать что-либо постоянно, часто или много» — в той или иной степени проявляется при образовании в крымскотатарском языке на этой основе глаголов: *тасдыкъла* 'подтвердить, утвердить', *тасвирле* 'изобразить, описать', *тебрикле* 'поздравить', *такъсим этмек* 'делить, разделить', *тешкиль этмек* 'создать, организовать', *теслим олмакъ* 'сдаться, капитулировать'.

Масдар III — формула *му 1 а 2 а/е 3 а/е (т)*: *мунакъаша* 'обсуждение, дискуссия, дебаты, прения', *мусабакъа* 'соревнование', *музакере* 'обсуждение', *мушавере* 'совещание', *мунасебет* 'отношение' и т. п. В крымскотатарских арабизмах *мураджаат* 'обращение', *мудафаа* 'оборона, защита' вторичная долгота гласного а образовалась в связи с выпадением третьего коренного согласного *айн*. В словах *муаребе* 'война, сражение' и *муакеме* 'обсуждение' выпал первый коренной согласный *h*.

Основное значение масдара III породы в крымскотатарском языке — значение совместности и взаимности действия, совпадает с их семантикой в арабском языке. От масдара III породы в принимающем языке при помощи крымскотатарских аффиксов и вспомогательных глаголов

образуются глаголы и сложные глаголы: *мдсабакъалаш-* 'соревноваться', *музакереле-* 'обсудить', *мураджаат этмек* 'обращаться'.

Масдар IV — формула *и 1 2 а 3*: *имдат* 'помощь, содействие', *инсаф* 'справедливость, совесть', *ифтар* рел. 'прекращение поста, разговение', *ихтар* 'примечание'.

Масдар IV породы употребляется в принимающем языке самостоятельно как имя существительное (примеры см. выше) и в составе сложных глаголов, например, *имдат бермек* 'содействовать, помогать', *исбат этмек* 'доказывать, аргументировать', *инкяр этмек* 'отрицать, отрекаться, не признавать'.

Масдар V — формула *м а/е 1 а/е 22 у/ю 3*: *тешеккюр* 'благодарность', *тешеббюс* 'инициатива', *тасавур* 'представление, воображение', *тебессюм* 'улыбка'. В крымскотатарском языке в словах *тасавур* 'представление, воображение', *тенефюс* 'перемена, перерыв' выпал второй коренной удвоенный согласный.

Масдар V породы употребляется также и в составе сложных глаголов: *тешеккюр бильдирмек* 'благодарить', *тасавур этмек* 'предположить, вообразить' и т. п.

Масдар VI — формула *т е 1 е 2 у/ю 3*. По этой формуле масдаров в современном крымскотатарском языке нами не обнаружено. Однако в старых текстах встречаются, например, *тенесюн* 'соразмерность, пропорциональность', *тебедюль* 'обмен' и т. п.

Масдар VII — формула *и н 1 ы/и 2 а/я 3*: *инкишаф* 'развитие, расцвет', *инкъилияп* 'революция', *интикъам* 'мсть'. На основе масдаров этой породы в принимающем языке образуются существительные, например, *интикъам-джы* 'мститель', *инкъилияп-чы* 'революционер' и сложные глаголы, например, *инкишаф этмек* 'развиваться'.

Масдар VIII — формула *и 1 т и 2 а 3*: *истисал* 'производство', *ихтимал* 'возможность', *иштирак* 'участие', *интизам* 'порядок', *икътисат//икътисад* 'экономика'. При помощи словообразовательных аффиксов от формы масдара этой породы в крымскотатарском языке образуются существительные, например, *иштирак* 'участие' — *иштирак-чи* 'участник', *икътисат* 'экономика' — *икътисат-чы* 'экономист', глаголы, например, *иштирак этмек* 'участвовать', *икътисат этмек* 'экономить'.

Масдар X — формула *исти 1 2 а 3*: *истисмар* 'эксплуатация', *истикъбаль* 'будущее, грядущее' и т. п.

Таким образом, в современном крымскотатарском литературном языке наиболее употребительны арабизмы, представляющие собою по форме масдары I, II, III, IV, V и VIII пород. Масдары VII и X пород в принимающем языке представлены единичными примерами.

Причастия арабского языка либо функционируют в крымскотатарском языке как имена прилагательные, либо же субстантивируются. Арабские причастия подразделяются на действительные, например: *аким* 'правлящий, господствующий, правитель', *алим* 'знающий, ученый', *джаиль* 'невежда', *кямиль* 'совершенный' и страдательные, например: *малюм* 'известный, знаменитый', *мектюп* 'письмо', *меджбур* 'вынужденный' и т. п.

В крымскотатарском языке от заимствованных арабских причастий при помощи глаголообразующих аффиксов и вспомогательных глаголов принимающего языка могут быть образованы простые глаголы, например: *азыр* 'готовый' — *азырла-* 'приготовить, сделать готовым', *мектюп* 'письмо' — *мектюплеш-* 'переписываться' и сложные, например: *мемнюн* 'довольный' — *мемнюн олмакъ* 'быть довольным' и др.

Арабские прилагательные, заимствованные крымскотатарским языком, можно разделить на две группы:

1) качественные, образованные по формуле 1 а/е 2 ы/и 3: *зальым* 'злой, вредный, деспот, тиран', *факъыр* 'бедный, нищий', *нефис* 'чистый, изящный, прекрасный', *къадим* 'старый, древний';

2) относительные, образованные путем присоединения к именам существительным окончаний *-ий* или *-вий*: *гъарп* 'запад' — *гъарбий* 'западный', *ахлякъ* 'нравственность, мораль' — *ахлякъий* 'нравственный, моральный'; *кутъле* 'масса' — *кутълевий* 'массовый' и т. п.

Имя деятеля как в арабском, так и в принимающем языке обозначает профессию, постоянное занятие, должность (например, *рессам* 'художник', *джеллят* 'палач, живодер', *къасап* 'мясник' и др.).

Имя места представлено в крымскотатарском языке арабизмами *мектеп* 'школа', *меджлис* 'собрание, меджлис', *медресе* 'место обучения, медресе', *мемлекет* 'страна, государство'.

Имя орудия, имеющее в арабском языке различные структурные типы, весьма редко встречается в крымскотатарском языке, например: *макъас* 'ножницы', *мешребе*//*мешрепе* 'кружка' и т. п.

Наречие. В принимающем языке имеется значительная группа наречий арабского происхождения, образованных от масдаров и имен существительных в винительном падеже, например: *эсасен* 'в основном, по существу', *затен* 'в сущности, вообще', *акъикъатен* 'в действительности, поистине', *гъафлетен* 'оплошно, небрежно'.

Некоторые арабские наречия на почве принимающего языка утратили конечное *н*, как и в турецком языке¹⁵, например: *даима* 'постоянно, всегда', *мытлакъа* 'непреренно, обязательно' и др.

Среди служебных частей речи арабского происхождения в крымскотатарском языке имеются: *послелог*, например, *къадар* 'около, до' — с основным или направительным падежом; *эвель* 'до, прежде' — с исходным падежом; *акъкъында* 'о чем-либо, относительно чего-либо' — с основным или родительным падежом; *гъайры* 'кроме, исключая что-либо' — с исходным падежом; **союзы**, например, соединительный *ве* 'и', противительные — *лякин* 'но, однако', *амма* 'но', *факъат* 'только' и **модальные слова**, например, *мумкюн* 'возможно', *лязим* 'нужно, необходимо'.

Таким образом, арабизмы глубоко усвоены лексической системой крымскотатарского языка, они активно участвуют в словопроизводстве, образуя целые пучки производных слов, относящихся к различным частям речи. При помощи суффиксов крымскотатарского языка на базе арабизмов возникли большие группы имен существительных, прилагательных, глаголов. В сфере имен существительных особую активность проявляют аффиксы *-джы/-джи/-чы/-чи*, *-лыкъ/-лик*, в именах прилагательных *-лы/-ли*, *-сыз/-сиз*, в глаголах *-ла/-ле*, *-лан/-лен*, *-лаш/-леш*.

В настоящее время происходит постепенный процесс замены арабизмов исконными словами крымскотатарского языка (например, арабизм *лисан* вытеснен общетюркским словом *тиль* 'язык', арабизм *небат* уступил место крымскотатарскому слову *осюмлик* 'растение'), а также словами, заимствованными из русского языка (например, арабизм *инкъиляп* заменяется словом *революция*, арабизм *аскер* заменяется словом *солдат*, арабизм *кятип* заменяется словом *секретарь* и т. п.).

¹⁵ С. Н. Иванов. Указ. раб., стр. 51.

Л. Ш. АРСЛАНОВ

О ТУРКМЕННО-ТАТАРСКОМ ЯЗЫКОВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НА ТЕРРИТОРИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

Туркменско-татарскому языковому взаимодействию способствовали внутрирегиональные перманентные языковые контакты, имевшие место в основном в Ставропольском крае и частично в Наримановском районе Астраханской области. В силу ряда внутрилингвистических и экстралингвистических причин результаты этих контактов были здесь различными, поэтому они в данной статье рассматриваются отдельно для каждой из указанных территорий.

Туркменско-татарские языковые контакты зародились и продолжают по настоящее время в пределах Туркменского (село Куликовы Копани) и Ипатовского (село Малый Барханчак) районов Ставропольского края.

Туркмены появились в Ставрополье в начале XVII века [1, с. 1—5; 2, с. 110] и в течение последующих столетий находились в контакте с ногайцами и татарами, что оказало определенное влияние не только на язык ставропольских туркмен, но и на их быт и культуру [1, с. 15]. Как отмечается исследователями, особенно большое воздействие на туркменский язык в этом регионе оказали языки ногайцев и казанских татар [3, с. 148, 161; 1, с. 27], что было обусловлено постоянными тесными этническими, экономическими и культурными контактами носителей этих языков [4, с. 31].

Начало туркменско-татарских языковых контактов в Ставропольском крае относится к концу XVIII — началу XIX века. Впервые казанские татары стали селиться в этих местах в 1782—1790 годах [5, с. 25—26; 2, с. 111, 113, 115, 194]. Так, в 1790 году к туркменам, кочевавшим по Куме, присоединились 64 семьи туркмен и 80 семей киргизов, бежавших из киргиз-кайсацкой орды, которые образовали особый род «казакчиев», в дальнейшем именовавшихся «казанцами» и расселившихся на южном побережье Кумы [2, с. 111]. Речь здесь идет, разумеется, не о казахах, а о казанских татарах — «каракалпаках», переселившихся из Букеевской орды. В официальных документах род «казакчиев» был причислен к туркменским родам. Так, при роде игдыр было 100 семей «казакчи» [2, с. 113].

Несмотря на то, что туркмены составляют значительную часть населения тех районов, где проживают татары, влияние их языка на говор ставропольских татар незначительно; из туркменского языка заимствовано всего несколько слов. Влияние же татарского языка на язык туркмен, в частности на говор жителей сёл Большой Барханчак и Верхний Барханчак Ипатовского района, было достаточно сильным, чему способ-

ствовали, на наш взгляд, сравнительно более высокий культурный и экономический уровень тогдашнего татарского населения, его оседлый образ жизни, широкое распространение среди туркмен татарского языка. Немаловажное значение имел, по-видимому, также демографический фактор, который привел к этногенетическому взаимодействию туркмен и татар. Так, по данным А. И. Якобий [6, с. 40—41], у туркмен Ставропольского края мужская часть населения по численности намного превосходила женскую: «У туркменов по последнему счету 10428 мужчин и 7321 женщина, т. е. на 100 мужчин приходится 70,2 женщины». Тогда как в ауле Малый Барханчак процентное соотношение мужчин и женщин составляло «высшую цифру 90%» [6, с. 40—41]. Следствием этого явился рост числа смешанных браков, что также способствовало взаимодействию туркменского языка с татарским и ногайским.

Таким образом, татарские элементы в туркменский говор Ставрополя проникали двумя путями: а) как следствие культурно-экономических контактов, б) в результате смешанных браков, то есть как татарское суперстратное явление. Некоторую роль в данном процессе сыграл, очевидно, и фактор социально-экономический. Туркмены вели преимущественно кочевой образ жизни, а татары жили с самого начала оседло. По данным источников, первые медресе у народов Северного Кавказа (у ногайцев, туркмен и татар) появились именно в татарских селениях, учителями в них, естественно, были татары, и обучение велось ими на татарском языке. Сфера употребления татарского языка была, таким образом, значительно шире, нежели туркменского.

Вопрос о взаимодействии туркменского и татарского языков специально не исследовался. Однако совершенно очевидно, что туркменский говор ставропольских туркмен находился в сложном взаимодействии с ногайским и татарским языками. В связи с тем, что последние языки имеют много общего в морфологической структуре, не всегда просто определить язык-источник, заимствованный в туркменских элементах. Наиболее достоверные результаты в данном случае может дать анализ лексики.

Туркменские элементы в татарских говорах, как уже отмечалось, незначительны. К ним относятся несколько слов: *төкән* 'магазин', *ауа* 'да', *ойәм* 'сестра'. В области морфологии — отрицательная форма будущего времени на *-мар*, *-мәр*: *билмәрсің* 'не узнаешь' [7, с. 145—147]. В области фонетики¹ проследить влияние татарского языка особенно сложно, ибо туркменский говор Ставрополя до появления там казанских татар и мишарей взаимодействовал с ногайским языком, поэтому фонетическое влияние на него следует рассматривать как смешанное.

По данным С. Куренова [1, с. 8—9] и Н. А. Баскакова [3, с. 162], под влиянием ногайского и татарского языков в фонетической системе туркменского говора образовались следующие особенности:

- 1) непоследовательность в сохранении долгот гласных: *йол* в м., *йо:л* 'дорога'; *ташла* в м., *да:шла* 'бросай' и т. д.;
- 2) отсутствие межзубных *с* и *з*, вытесненных согласными звуками *с* и *з* ногайского и татарского языков;
- 3) непоследовательность в озвончении *т > д* в позиции между гласными в тех словах, в которых в туркменском языке в той же позиции выступает звонкий *д*: *этип* в м., *эдип* 'сделав', *йэти* в м., *йиди* 'семь' и т. д.;
- 4) спирализация согласных *п > вв*, *к > гх*: *тавып* в м., *тавып* 'найдя', *тэвве* в м., *дэпэ* 'холм', *чыгхэар* в м., *чыкэар* 'выводи' и т. д.;

¹ Специальных исследований о татарских элементах в туркменском говоре Ставрополя нет. Нами привлечены материалы С. Куренова [1], Н. А. Баскакова [3] и в основном «Диалектологического словаря туркменского языка» [8].

5) непоследовательность в сохранении звонких *гъ* и *г* в начальной позиции в слове и замещение в большинстве случаев туркменских *гъ*, *г* глухими *къ*, *к*: *къара* вм. *гъара* 'смотри', *къыйз* вм. *гъыйз* 'девушка' и т. д.

В области морфологии:

1) наличие двух вариантов аффикса множественного числа *-лар*, *-ларь*; *-нар*, *-нарь* при одном варианте в туркменском;

2) наличие формы *барадыран* от ногайского *барадыган* 'идуший';

3) параллельное употребление огузских и кыпчакских вариантов родительного и дательного-направительного падежей: *гарыпның//гарыбың* 'бедного', *сизниң//сизиң* 'ваш', *бизге//бизе* 'нам' и т. д.;

4) активное употребление собирательных числительных с аффиксом *-әш*, *-әш*: *икәш* 'двое', *үчәш* 'трое', *бәшәш* 'пятеро' и т. д. (в этом явно сказалось татарское влияние);

5) образование конкретного настоящего времени изъявительного наклонения при помощи вспомогательного глагола *йат* 'лежать': *байатыр//барайатыр* 'идет'; в современном туркменском литературном языке *барйар*;

6) образование причастия конкретного настоящего времени с добавлением вспомогательного глагола *йат* 'лежать': *барайатан//байатан* 'идущий человек';

7) ведущая роль инфинитива на *-у*, *-ү*: *өйләну* 'жениться' (очевидно, татарское влияние) и т. д.

Туркмены Ставрополя в течение трех веков (время их появления в Ставрополе датируется 1653 годом) находились в тесных контактах с ногайцами и татарами. Поэтому элементы ногайского и татарского языков в их лексике весьма значительны, что подтверждается данными «Краткого диалектологического словаря туркменского языка» [8]. К татарским заимствованиям могут быть отнесены, например: *акча* 'деньги', *авыл* 'село', *айакчы* 'слуга', *айык* 'трезвый', *кенетан* 'вдруг' (тат. *кинәт-тән*), *осол* 'злой' (тат. *усал*), *чывын* 'комар', *алып йөрү* 'взять с собой', *анду* 'ожидать', *бек* 'очень', *бет* 'лицо', *гону* 'ночевать', *дастар* 'платок', *орман* 'лес', *ором* 'улица', *ужуз* 'дешевый', *челек* 'ведро' и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. С. Куренов. Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополья). Автореф. канд. дисс., Ашхабад, 1959.
2. И. Л. Щеглов. Туркмены и ногайцы Ставропольской губернии. Ставрополь, 1910.
3. Н. А. Баскаков. Об особенностях говора северо-кавказских туркмен. — В кн.: «Языки Северного Кавказа и Дагестана. Сборник лингвистических исследований», вып. 2, М.—Л., 1949.
4. Н. Г. Волкова. Вопросы двуязычия на Северном Кавказе. — «Советская этнография», 1967, № 1, стр. 27—40.
5. Л. Ш. Арсланов. О влиянии ногайского языка на татарские говоры Ставропольского края. — «Советская тюркология», 1972, № 5.
6. А. И. Якобий. Тюрки Северного Кавказа. СПб., 1901.
7. Р. Г. Ахметьянов. Ставрополь татарларының тел үзенчәлекләре. — В кн.: «Материалы по татарской диалектологии», Казань, 1974, кн. 3, стр. 145—147.
8. С. Аразкулыев, С. Атаныязов, Р. Бердиев, Г. Сапарова. Туркмен дилиниң диалектологик сөзлүги. Ашхабад, 1977.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Р. АРЗИБЕКОВ

О ГЕНЕЗИСЕ И ТИПОЛОГИИ РУБАИ

Рубаи одна из старейших форм классической восточной поэзии. Появившись в глубокой древности, рубаи развивался, совершенствовался и ныне, наполненный новым идейным содержанием, органично вошел в современную поэзию.

По словам Гафура Гуляма, «рубаи — предполагает высокое мастерство, умение выразить жемчужины мысли в четырех строках; воплотить в единой капле целый океан смысла, а в искре — сияние солнца. Именно в этом заключается сущность рубаи» [1, с. 42].

История восточной литературы знает многих выдающихся поэтов, творивших исключительно в жанре рубаи.

Рубаи издавна привлекал внимание восточных ученых. Так, Кабул Мухаммад, ссылаясь на высказывание своего предшественника Кайса Рози (XIII в.), дает следующее определение рубаи: «Знай же, что по составу рубаи представляет собой стихотворение из двух бейтов, в нем гармонически сочетаются размер и рифма во всех четырех строках. У него большей частью рифмуются (между собой) первая, вторая и четвертая строки. Если подрифмовывается и третья строка, то тогда получается форма, именуемая „рубойи тарона“; размером рубаи, говоря коротко, является „хазадж“» [2, с. 46].

Вахид Табризи, говоря о рубаи, выделяет форму «дубайти», которая, сохраняя указанный порядок рифмовки, отличается от рубаи метрически (размером аруза). Возникновение рубаи в письменной литературе и его метрику он связывает с именем Рудаки [3, с. 89].

Известны высказывания о рубаи и ряда современных турецких и иранских литературоведов.

Дойи Джавад, например, пишет: «В рубаи содержание всего стихотворения укладывается в четыре строки. Хотя он и похож на „дубайти“, но отличается от него размером аруза. Особенность стихотворения этого вида в том, что в нем первые три строки подготавливают слушателя или читателя к восприятию главной, четвертой, строки, выражающей итоговую мысль, которая называется „моддаи рубаи“» [4, с. 316—317].

А вот мнение Муаллима Ноджи: «Рубаи является стихотворением, состоящим из двух бейтов, написанных в разновидностях „ахрам“ и „ахраб“ размера „хазадж“. Первая, вторая и четвертая строки рубаи рифмуются. В третьей строке рифма большей частью отсутствует. Если же третья строка рубаи тоже рифмуется, то тогда рубаи называется „рубаи мусарра“. Есть двадцать четыре вида размеров рубаи, которые подразделяются на две группы под названиями „ахрам“ и „ахраб“»

[5, с. 172]. Если третий слог начальной стопы хазаджа короткий, то размер будет «ахраб», если же долгий, то — «ахрам». В тюркоязычной поэзии для рубайи в основном используются размеры генеалогии «ахраб». Размеры генеалогии «ахрам» более сложны по структуре и во многом не соответствуют природе тюркских языков и поэтому используются реже.

А. Хаджихамедов, изучавший структуру размеров рубайи Алишера Навои, обнаружил, что поэт использовал только один раз размер «ахрам», тогда как «ахраб» даже в одном рубайи использовал два-три раза.

На основании анализа источников ученые, исследовавшие рубайи XV—XVI веков, пришли к выводу, что третья строка в рубайи обычно имела иной, отличный от остальных строк, размер. Узбекские поэты XVI—XIX веков Бабур, Мунис и Огахи по традиции писали первую, вторую и четвертую строки своих рубайи одним размером, а третью — другим.

Советским литературоведам удалось свести в определенную научную систему все определения рубайи, сформулированные в различных источниках, и составить полную характеристику этой формы, раскрыв его композицию, тематику и содержание, а также указав отличия от других четверостиший.

«Термин „рубай“, — пишет М. Юнусов, — составленный из арабских слов „арбаатун“, „рубаййатун“ (четыре, четверостишие) понимался поэтами Аджама как лирическое произведение, состоящее из четырех строк, рифмующихся по схеме *ааба* и выражающих самостоятельное содержание... Обычно первая строка рубайи — это тезис, т. е. своеобразная заявка поэта на мысль, которую он берется раскрыть далее. Вторая строка — антитеза первой, т. е. по духу и смыслу как бы противопоставляется первой, но по сути служит раскрытию первоначально поставленного тезиса. Третья строка, лишенная рифмы, называется „моддаи рубоия“. Поэт готовится сделать вывод, и эта строка выполняет роль связующего звена, приводящего к главному выводу. Наконец, последняя строка в четкой ясной форме завершает и синтезирует все содержание» [6, с. 76].

А. Хайитметов пишет: «Основная особенность рубайи заключается в том, что поэт, обращаясь к этому жанру, большей частью сосредоточивает свое внимание на духовной жизни человека, на его переживаниях и выражает свои мысли и наблюдения в лаконичных, но исполненных глубокого смысла и облеченных в совершенную художественную форму строках. При этом ясно чувствуется решающая роль содержания и основная цель, преследуемая поэтом: в яркой форме подтвердить или опровергнуть какую-либо мысль и, используя богатый арсенал поэтических средств, донести сущность высказывания до сознания читателя... раскрыть смысл какого-либо события или явления и выразить свое отношение к нему» [7, с. 60].

И. С. Брагинский, характеризуя рубайи, называет его «философско-лирической миниатюрой» [8, с. 81].

Таким образом, суммируя и резюмируя сказанное, можно прийти к следующему заключению. Рубайи как жанр обладает специфическими признаками, отличающими его от других стихотворных жанров, известны две его разновидности «ахрам» и «ахраб» размера «хазадж» со схемой рифмовки *ааба* или *аааа*, обычно отличается своеобразной композицией, преимущественно имеет философское, дидактическое или любовно-лирическое содержание.

По своей структуре и схеме рифмовки различаются обычно два

вида стихотворений этого жанра: а) рубаи или хоси; б) рубаи мусарра (тарона или рубаия).

В рубаи первого вида между собой рифмуются 1, 2 и 4 строки по схеме *ааба*. Абсолютное большинство рубаи во всех восточных поэзиях, в том числе и в узбекской, рифмуются по этой схеме. Во втором виде рубаи рифмуются все четыре строки, по схеме *аааа*. И именуется этот вид, как отмечалось, «рубаии тарона», «рубаия» или «рубаии мусарра». Термин «рубаия» был впервые введен Навои. Современные литературоведы, пишущие о рубаи, используют все три приведенных термина, являющихся фактически синонимами.

Наиболее ранние образцы «рубаи мусарра» встречаются в творчестве Рудаки. В дальнейшем их писали также Абу Али Ибн Сина, Омар Хайям, Насими и другие поэты. Так написаны все 260 рубаи из «Назмуд жавохир» и 116 из 133 рубаи «Гаройиб-ус сигар» Навои.

Остановимся несколько подробнее на отношении рубаи к другим четверостишиям, в первую очередь к «дубайти» и «тарона», а также на истории возникновения рубаи в качестве жанра лирической поэзии вообще.

Классическая форма *мурабба* (один из видов мусаммата) состоит из ряда строф-четверостиший, раскрывающих единое содержание. Ей присущи соответствующие порядок рифм и метрика аруза. В заключительных строках (как у газелей и мустазадов) упоминается *тахаллус* (псевдоним) поэта. Эти особенности отличают данную форму от рубаи, туюгов, кытѡа, дубайти и тарона, то есть от всех других форм четверостиший, каждое из которых также характеризуется индивидуальным порядком рифмовки, метрикой, тематикой и т. д. Если рубаи не написан в своем каноническом, упоминавшемся выше, поэтическом размере, то он считается *кытѡа*. Таким образом, не каждое четверостишие может считаться рубаи, а только написанное в характерном для него размере.

То же самое можно сказать и об особенностях четверостиший, относящихся к другим жанрам. Некоторые исследователи, не придавая должного значения характерным, специфическим формальным признакам того или иного четверостишия, а исходя только из числа его строк и композиции, относят поэтическое четверостишие либо к рубаи, либо к кытѡа. Поэтому иногда рубаи путают с четверостишиями-туюгами, лишенными таджниса, или же с кытѡа, дубайти и тарона. Так, например, в изданиях произведений Лютфи его туюги без таджниса именуются «рубаи» [9, с. 176].

Каково отличие «дубайти» и «тарона» от рубаи? На этот счет имеются две точки зрения. По первой из них «дубайти» и «тарона» это то же самое, что и рубаи, и что эти термины являются фактически синонимами термина «рубаи» [10; 20, с. 240]. Некоторые ученые считают что «рубаи» отличаются от «дубайти» и «тарона» метрикой аруза [3, с. 89; 4, с. 98; 11; 12, с. 12—13].

Известно, что уже в XIII веке в стихотворном и музыкальном искусстве Востока были распространены три жанра: *суруд*, *чома* и *тарона*. Тарона первоначально состоял из трех строк, затем — четырех. Эта последняя форма тарона, ставшего четверостишием, стала называться «дубайти». Тарона и дубайти исполнялись с музыкальным сопровождением. В дальнейшем они, все больше совершенствуясь, стали называться «рубаи».

Однако определенные специфические различия между ними продолжали существовать. Поэтому в истории поэзии сохранились все три термина и считать их все рубаи было бы неверно. «На самом деле, — пишет Н. Караматуллаева, — дубайти отличается от рубаи поэтиче-

ской метрикой. Но это не вскрывает всю суть вопроса. Их различие надо видеть в задачах, которые выполняют эти жанры поэзии. Дубайти больше присущи созерцательность и эмоциональность, непосредственность и сердечность в выражении чувства любви. Для рубаи же характерна прежде всего философская направленность» [12, с. 13].

Углубленное изучение этих форм показывает, что в дубайти по сравнению с рубаи отмечается определенная свобода в обращении с метрикой аруза. Дубайти позволяет использовать размер «хазаджи мусаддаси максур» или «махфуз (*ма-фо-й-лун, ма-фо-й-лун, фо-и-лун*)», а также размер «мушокил». При создании же рубаи поэты должны строго следовать соответствующим канонам — бахра хазадж, ахраб и ахрам.

Отличаются дубайти от рубаи и рифмовкой. Если схема рифмовки в рубаи *ааба* или *аааа*, то в дубайти — *абаб* или *аабб*. К тому же каждый из этих жанров характеризуется спецификой темы и содержания.

Что же касается тарона, то многие ученые связывают его с музыкальным искусством. «Тарона» — это значит мелодия или напев. При исполнении тарона нередко использовались стихи, написанные в форме рубаи или части газелей (в четыре строки). Среди текстов тарона встречаются и обычные народные стихи и песни, которые не укладываются в метрику аруза [13, с. 182].

Кабул Мухаммад называет «тарона» те рубаи, все четыре строки которых созвучны по своей мелодике и рифмуются между собой.

До сих пор дискутируется вопрос об истоках зарождения жанра рубаи. Ряд известных специалистов в области персидско-таджикской литературы [14], опираясь на высказывания ученых прошлого, считает, что рубаи — один из специфических жанров персидско-таджикской поэзии. Такого же мнения придерживаются и некоторые узбекские ученые. В частности, Х. Зарифов, исследовавший рубаи Алишера Навои, пишет: «Эта форма, первоначально называвшаяся „дубайти“, а впоследствии „рубаи“, была присуща персидско-таджикской литературе, затем перешла от персов в литературы соседних народов, в том числе и в узбекскую... Во всяком случае, рубаи одна из древних форм фольклора. Несомненно, четверостишия из древнего фольклора персидских и таджикских народов послужили ее основой» [14, с. 95]. Такие ученые, как Фуад Кёпрюлюзаде, Т. Ковальский, М. Хамраев, Э. Рустамов, М. Юнусов и другие, утверждают, что и в тюркоязычных литературах существовала древняя традиция рубаи, что этот жанр восходит к древним тюркским фольклорным произведениям [6, с. 79; 15, с. 142—143; 17, с. 16; 19, с. 77]. Ян Рипка, отмечая наличие двух разных мнений по вопросу происхождения рубаи, признает, что «рубаи древняя доисламская народная форма» [16, с. 386].

Польский литературовед Т. Ковальский пишет: «До сего времени считавшийся оригинальным персидским творением, рубаи не знает ничего достоверного о своем происхождении. Он появляется в литературе одновременно с другими формами (касыда, газель, маснави) в IX столетии, достаточно неожиданно, не имея прецедентов в предшествующей литературе, — ни в арабской, ни в персидской. Надо полагать, что это — вот именно отсутствие первоисточников в арабской литературе, и склонило к предположению о том, что рубаи самобытное у персов явление. Не допускалась возможность иных, кроме арабского, влияния, но почему бы не поставить вопроса о взаимоотношениях турецких четверостиший и персидских рубаи» [17].

Действительно, восходящая к глубокой древности история четверостиший в литературах тюркских народов, которые к тому же рифму-

ются так же, как рубай (*ааба*), их устойчивая позиция в фольклоре и в древней письменной литературе дают основание для подобной постановки вопроса. Это отмечает и Е. Э. Бертельс: «Монорифмичность касыды и газели — конечно от арабов. Но парная рифма арабам вообще не была известна, неизвестно им было и рубай. Однако рубай с очень давних пор был излюбленной формой в фольклоре различных тюркских народов Средней и Центральной Азии. Нельзя не признать также, что форма, называемая арабским термином мурабба, т. е. строфическая форма с рифмой в каждой строфе по формуле *а-а-а-б*; *в-в-в-б*; *г-г-г-б* и т. д., не что иное, как встречающийся крайне часто в фольклоре очень многих тюркских народов тортлюк... Возникает вопрос, какая же из двух литератур могла иметь большее распространение среди широких масс иранских народов — литература арабская или тюркский фольклор? Нам кажется, ответ ясен: арабский язык никогда в народные массы населения Средней Азии не проникал, он всегда был для них языком чужим, языком привилегированного класса. Что же касается разных тюркских языков, то широкое распространение их среди таджикского населения достаточно хорошо известно. И можно думать, что это явление имеет корни в очень отдаленном прошлом» [18, с. 88].

Э. Рустамов, развивая эту мысль Е. Э. Бертельса, считает, что четверостишия, приведенные Махмудом Кашгари, будучи посвященными изображению любви, вина и природы, являются ранними образцами четверостиший наподобие рубай на тюркских языках. Но они написаны размером бармак, как соответствующим природе этих языков [19, с. 77]. Эти высказывания подтверждаются также произведениями, создававшимися в жанре баяты и мохни в тюркской и, в частности, азербайджанской литературе. Именно в этих жанрах народной поэзии, имеющих форму четверостиший, явственно видны признаки сходства с рубай. Можно утверждать, что подобные стихи благодаря глубине содержания, своей лаконичности и системе рифмовки сыграли определенную роль в формировании рубай как жанра.

Что же касается вопроса о том, в какой литературе рубай появились раньше, то, с нашей точки зрения, древние образцы этого жанра, независимо от своей поэтической метрики, сформировались на основе фольклорных четверостиший персоязычных и тюркоязычных народов. И лишь в ходе дальнейшего общего литературного процесса четверостишия дифференцировались в самостоятельные формы: «рубай», «дубайти» и «тарона». В хронологическом отношении персидско-таджикские рубай как самостоятельный жанр сформировались, по-видимому, раньше тюркоязычных и оказали несомненное влияние на тюркские рубай.

Ф. Кёпрюлюзаде в своей работе о древних формах рубай сопоставляет стихотворения, написанные на арабском, персидском и староузбекском языках, и приходит к выводу, что в тюркской литературе первые образцы рубай в классической форме начали появляться с XII века [20, с. 121].

Итак, появление и формирование формы рубай в тюркских литературах, в том числе и в узбекской, восходит к традициям национальных литератур и к фольклорным источникам. Взаимовлияние фольклоров народов ближневосточного региона и их письменных литератур привело к созданию авторских рубай, написанных в классической метрике аруз, причем традиционным для рубай стал хазадж с его ответвлениями. Несомненно и то, что персидские поэты первыми начали писать рубай метрикой аруз.

Факты показывают, что в создании и совершенствовании жанра рубаи большую роль наряду с поэтами сыграли ученые и философы. В книгах Фараби и Ибн Сины имеются написанные ими рубаи, отличающиеся глубиной мысли и совершенством формы. Да и сам Омар Хайям получил известность не только как поэт, но и как крупный для своего времени математик и философ. Свыше двухсот рубаи были им написаны на полях его математических сочинений. Именно эти рубаи прославили его как крупнейшего поэта Востока, непревзойденного мастера этого жанра.

«Хайямовское четверостишие, — пишет литературовед А. Козмоян, — скачок в истории персидско-таджикского рубаи в области философского свободомыслия, впитавшего в себя элементы античной философии. Это — сочетание черт новаторства как в области идейно-тематической на базе восточного аристотелизма, а также в области формально-эстетической (отказ от традиционной описательности и прямолинейности высказывания). Дух настоящей сатиры пронизывает (в отличие от поношения) рубаи Хайяма» [21, с. 15].

Глубокое философско-социальное содержание и мятежный дух рубаи Хайяма оказали весьма существенное влияние и на узбекскую классическую поэзию. Хорезмский поэт Пахлаван Махмуд, Алишер Навои, Захириддин Мухаммад Бабур создали немало стихов, близких по духу к хайямовским рубаи.

Первые образцы рубаи в узбекской литературе были созданы Сайфи Саройи (XIV в.). Однако нельзя считать, что письменные рубаи в узбекской литературе появились только в XIV—XV веках. Четверостишие в форме рубаи, как уже отмечалось, издавна существовали в фольклоре тюркоязычных народов, в том числе и узбекского. Отмечалось также, что в «Кутадгу билиг» среди стихов в форме маснави имеется свыше двухсот четверостиший, рифмующихся по типу рубаи [22, с. 19].

В сборнике посланий «Муншоот» Алишера Навои им приводится следующее дидактическое четверостишие автора «Хиббатул хакойик» Адиба Ахмада (XI в.), которое, несомненно, является подлинным образцом тюркского рубаи:

*Атодин хато келса, кўрма хато,
Савоб бил хато килса доғи ато,
Отангинг хатосини билгил савоб,
Сени юз балодин кутқарғай худо.* [23, с. 93].

‘Если отец допустит ошибку, не считай это за ошибку,
За благо считай даже ошибку отца.
Даже за ошибку не упрекай отца,
И от сотен бед спасет тебя бог’.

Впоследствии и Рабгузи (XIV в.) в одной из глав сочинения «Киссаи Рабгузи» приводит четверостишие, рифмовка которого напоминает рубаи (хотя написано оно не в традиционном размере этого жанра):

*Сабо эснаюрда йиғоч бонг солар.
Булут йиғлаюрда чечаклар кулар,
Бустон ичинда кириб да имо,
Сенинг бирла кўнглум овунмоқ тилар* [24, с. 84].

‘Ветер бушует, ветви шумят, бушуют,
Облака плачут, цветы же улыбаются,
Хочется всегда быть в цветнике,
И вместе с тобой душой утешаться’.

Навои и Бабур, а позднее Мунис и Огахи, основываясь на фольклорных и литературных традициях персоязычных и тюркоязычных на-

родов, создали разнообразные по форме рубаи. Особенно интересны рубаи Навои, проявившего себя замечательным мастером этой формы. У Навои около семисот рубаи, причем почти половина из них «рубаи мусарра» (с четырехстрочной рифмой), украшенных еще и редифом, заслуживших восторженное признание его современников [25, с. 34].

Следует отметить также, что в «Фаройиб-ус сигар» Навои свыше ста тридцати рубаи расположены в порядке арабского алфавита, причем на каждую букву им написано несколько рубаи [26, с. 751—764]. Поэтому названное произведение Навои может считаться его «диваном рубаи», что было новым для того времени. К главнейшим особенностям, отличающим рубаи Навои от аналогичных произведений других авторов, относятся: во-первых, то, что большинство из них затрагивает важнейшие вопросы человеческого бытия, духовной жизни человека и, во-вторых, многие рубаи связаны с конкретными событиями, которым поэт был свидетелем [27, с. 82]. Рубаи Навои отличаются глубиной содержания и совершенством формы. Выражаемая в них идея нагнетается от строки к строке, достигая в последней из них своей кульминации:

*То хирсу хавас хирмани барбод ўлмас,
То нафсу хаво қасри барафтод ўлмас,
То зулму ситам жониға бедод ўлмас,
Эл шод ўлмас, мамлакат обод ўлмас.*

‘Доколе жадная корысть истреблена не будет,
Доколе власть дурных страстей погребена не будет,
Доколе злоба темных сил изведена не будет,
Дотоле радостью людей цвести страна не будет’.

Некоторые рубаи Навои, независимо от их тематики, звучат как афоризмы и мудрые речения, в них органически включаются народные пословицы и поговорки. Малый объем рубаи в сочетании с афористичностью выражения придает стихотворению исключительную выразительность и эмоциональность.

В нижеследующем рубаи поэтом мастерски использована пословица: «Человек дорог там, где он нужен»:

*Олам бор эмиш, Навоӣ, шўр ангиз,
Оламдаги эл боштин-аёғ ранг омиз.
Ишқ истар эмиш сени одам мисри сори,
Борғилки — «эр тилаган ерда азиз».*

‘Раз существует этот суетный мир, Навои,
То и судьба народа должна быть прекрасной извечно.
И если в какой-то город влечет тебя возвышенная любовь,
Знай, что «человек дорог там, где он нужен»’.

К этому приему в дальнейшем успешно прибегали и другие узбекские поэты, в том числе кокандский поэт и каллиграф Сулейманкул Роджи (1871—1924) и его современник Ходжента Нозил (XIX в.).

Навои придавал огромное значение метрике стихотворения, его мелодичности, богатству содержания и разнообразию рифм:

*Жондин сени кўп севармен, эй умри азиз,
Сондин сени кўп севармен, эй умри азиз,
Ҳар неники севмоқ ондин ортиқ бўлмас,
Ондин сени кўп севармен эй умри азиз.*

‘Сильней души моей тебя люблю я, жизнь,
Сильней любви своей тебя люблю я, жизнь,
Бывает ведь любовь, сильней которой нету,
И все ж еще сильней тебя люблю я, жизнь’.

Строгое соблюдение избранного размера, сложный редиф и богатая рифма в данном рубаи — еще одно свидетельство высокого поэтического

го мастерства поэта. В лирике Бабура (1483—1530) второе место после газелей занимают рубайи. В них лирический герой предстает перед нами то горячо влюбленным, то глубоким мыслителем, то человеком, чутко воспринимающим все события в современном ему обществе: он то радуется, то страдает, то преисполнен оптимизма, то предается тоске и отчаянию. «Поэзия Бабура, — пишет Айбек, — расцвела в лучах солнца поэзии Навои, но тем не менее она является цветником, обладающим своими богатыми красками и ароматами... Рубайи вершина его поэзии. До Бабура и после него многие узбекские поэты писали в форме рубайи. Но следует признать, что ни один из них не достиг в жанре рубайи мастерства Бабура. В жанре рубайи Бабура является узбекским Хайямом. Его рубайи, точно так же, как рубайи Хайяма, богаты философской мыслью, они лишены узости религиозного мышления, жизнеутверждающи по своему духу, изящны и созершенны по форме» [28, с. 282]. Отражение конкретных жизненных событий, осмысление и обобщение их является особенностью рубайи Бабура:

*Толти йўқи жонимға балолиғ бўлди,
Ҳар ишники айладим хатолиғ бўлди,
Ўз ерин қуйиб ҳинд сари юзландим,
Ераб, нетайин, не юз, қаролиғ бўлди* [29, с. 127].

‘Я в жизни счастье не встречал, с несчастьем связан стал,
Во всех делах просчет, за все я всем обязан стал.
Покинув родину свою, побрел я в Индустан,
И черною смолой стыда навек измазан стал’.

Для рубайи Бабура характерны глубина содержания, доходчивость языка, изящество использованных художественных приемов. В отдельных рубайи поэтом применяется и чрезвычайно редко встречающийся в этом жанре прием авторизации — упоминание тахаллуса.

Среди рубайи Бабура встречаются и образцы *нома-рубайи* (рубайи-послание), представляющие собою как бы миниатюрные письма, адресованные близким людям:

*Азм айла сабо, ул гули хандонимға,
Не гулки қўшдек махи тобонимға,
Етгил дағи иштиёк илэ Бобирдин,
Зинхор дегил: салом тукқонимға* [29].

‘Эй, ветер, лети к моей любимой,
Не только в цветники, лети к подобной луне и солнцу.
Прилети и сокровенное души Бабура
Открой и сразу же передай привет моей родной’.

Подобные рубайи-послания встречаются и у Лютфи, и у Навои, и с своим мотивам и простоте формы они близки к народным песням.

Вслед за Бабуром наибольшее количество стихов этого жанра оставили поэты Мунис и Огахи (XIX в.). Они были не только талантливыми поэтами, но и видными историками, переводчиками, общественными деятелями, просветителями. Именно в жанрах рубайи и кытъя они могли выражать свои взгляды и суждения [30; 31].

В дальнейшем развитие жанра рубайи характеризовалось упрочением его связи с жизнью, усилением элементов народности, упрощением языка, развитием выразительных средств и т. д.

В узбекской советской поэзии имеются превосходные образцы стихотворений, написанных в форме рубайи. Однако, к сожалению, нередко за рубайи, туюг, даже фард выдаются поэтические миниатюры, напоминающие эти формы лишь количеством строк и порядком рифмовки.

Тогда как четверостишие может считаться рубай только в том случае, если оно наряду с полным соответствием формальным требованиям этого жанра выражает, как правило, глубокую философскую мысль в законченной, совершенной и афористичной форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ғафур Ғулом*. Асарлар. 8 т., Тошкент, 1976.
2. قبول محمد، مفعلة قلزم، لکهنو، ۱۲۳۰
3. *Вакид Табризи*. Джемъи мухтасар. Трактат о поэтике. М., 1959.
4. واحیدی جواد زیباییهای سخن یا علم بدیعی در زبان فارسی. اسفهان، ۱۲۲۵.
5. *Muallim Nogij*. Istilohoti adabijja. Istambul, 1307 h.
6. *М. Юнусов*. Классик ва ҳозирги замон поэзиясида рубойи. — В кн.: «Барҳаёт анъаналар», Тошкент, 1969.
7. *А. Ҳайитметов*. Навоий лирикаси. Тошкент, 1961.
8. *И. С. Брагинский*. Очерки из истории таджикской литературы. Душанбе, 1956.
9. *Лутфий*. Девон. Гул ва Наврӯз. Тошкент, 1965.
10. *Алишер Навоий*. Асарлар. 14 т., Тошкент, 1967, стр. 8; *Бобир*. Мухтасар. Тошкент, 1971, стр. 55; *Muallim Nogij*. Istilohoti adabijja. Istambul, 1307 h., стр. 172.
11. *Атаullo Ҳусайни*. Бадоеъ-ус саноеъ. Душанбе. 1974, стр. 203; *М. Шайхзода*. Асарлар. IV т. Тошкент. 1973, стр. 341—342; *И. Ҳаққулов*. Рубойи ҳақида баъзи мулоҳазалар. — В журн.: «Ўзбек тили ва адабиёти», Тошкент, 1974, № 6, стр. 17, 22.
12. *Н. К. Караматуллаева*. Дубайти и их форма в таджикской письменной литературе. Автореф. канд. дис. Душанбе, 1972.
13. *И. Ражабов*. Макомлар масаласига доир. Тошкент, 1963.
14. *Х. Мирзозода*. Рудаки ва тақомулот шакли назми рубойи. — В кн.: «Рудаки ва замони ӯ», Душанбе, 1958; *Ҳоди Зариф*. Алишер Навоийнинг рубойи ва туюқлари ҳақида. — В кн.: «Ғозиллар ғазилати», Тошкент, 1969, стр. 95.
15. *М. Ҳамраев*. Основы тюркского стихосложения. Алма-Ата, 1966, стр. 142—143.
16. *Ян Рипка*. История персидской и таджикской литературы. М., 1970.
17. *Т. К. Ковальский*. К вопросу формального изучения поэзии турецких народов. — «Известия восточного факультета АзГУ им. С. М. Кирова. Т. I, Востоковедение», Баку, 1928.
18. *Е. Э. Бертельс*. История персидско-таджикской литературы. М., 1960.
19. *Э. Рустамов*. Узбекская поэзия первой половины XV века. М., 1963.
20. *М. Fuat Köprülüzade*. Türk klasik adabijyatında hususi nazm şaklları. — «Türk dili ve edebijyatı hakkında araştırmalar», Istambul, 1920, стр. 240.
21. *А. К. Козмоян*. Формирование рубай в классической поэзии на фарси (X—XII вв.). Автореф. канд. дис. М., 1976.
22. *К. Каримов*. Некоторые вопросы композиции, метра и жанра «Кутадгу билик». — «Советская тюркология», 1973, № 2.
23. *Алишер Навоий*. Асарлар. 13 т., Тошкент, 1963.
24. «Ўзбек адабиёти». 1 т., Тошкент, 1959.
25. *Хондамир*. Макоримул ахлоқ. Тошкент, 1948.
26. *Алишер Навоий*. Ҳазойин-ул маоний. 1 т., Тошкент, 1959.
27. «Ўзбек адабиёти тарихи», 2 т., Тошкент, 1978.
28. *Ойбек*. Асарлар. 13-й том. Тошкент, 1979.
29. *Бобир*. Танланган асарлар. Тошкент, 1958.
30. *Мунис*. Сайланма. Тошкент, 1980.
31. *Оғажий*. Асарлар. Олти жилдлик. 2-ж., Тошкент, 1972.

О Н О М А С Т И К А

Г. Ф. САТТАРОВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПОЛИСОНИМА «КАЗАНЬ»

Правильное объяснение этимологии полисонима «Казань» представляет, несомненно, значительный научный интерес. В настоящее время известно двенадцать толкований этого названия, что объясняется, по-видимому, полисемантичностью слова *казан*, ставшей причиной возникновения ряда научных толкований и народных этимологий.

1. Татарская народная легенда возводит название города Казань к древнетюркскому слову *qazan* 'котел'. Легенда повествует о том, что старший сын последнего булгарского хана Габдуллы Алтынбек, спасаясь от преследования монголов, оказался на берегу неизвестной реки. Алтынбек приказал своему слуге принести в золотом котле воды. Берег реки был очень крут и слуга, пытаясь зачерпнуть воду, уронил в нее котел (*qazan*). Поэтому река стала называться *Qazan*. Так стали называть и город, возникший на берегу этой реки.

2. Существует мнение, что название города Казань связано с особенностями ландшафта местности, с наличием котловин (тат. *казан*, *казанлык* 'котловина') на месте расположения Старой Казани. Такого мнения придерживались В. В. Радлов¹, М. Худяков², А. Н. Сергеев³ и А. И. Герцен⁴. Однако на месте расположения Старой Казани на самом деле никаких котловин нет. Поэтому В. А. Никонов считает подобную этимологию сомнительной⁵. Известно, что котловины присущи, как правило, горному рельефу и образуются главным образом между высоких гор. Названия населенных пунктов (ойконимы), связанные с географическим номенклатурным термином *казанлык* или его синонимами тюркского происхождения, отмечаются обычно в горных районах. Например, Казанлык — город в Болгарии, Казанджик — город в Туркмении, Верхний Казанлык, Нижний Казанлык — кумыкские деревни в Буйнакском районе Дагестанской АССР, Казан-Кутган — киргизская деревня в Нарынском районе Тянь-Шаньской области Киргизской ССР, Казан-Чункур — казахская деревня в Жарминском районе Семипалатинской области Казахской ССР и др.

3. Более двухсот лет тому назад П. И. Рычков впервые высказал предположение, что название города Казань взято от названия реки Казан[ки], а «ей придано оно, может быть, от многих котловин или омутов, то есть глубоких ямин, каких рек в здешних местах весьма много»⁶.

В наши дни Е. Г. Бушканец также высказал предположение, что название Казань первоначально относилось к реке, в которой много котловин и омутов, а затем распространилось и на возникшее на этой реке поселение⁷. Сторонники этой версии, по-видимому, правы, когда свя-

зывают возникновение названия Казани с названием реки Казан[ки]⁸. Однако объяснение происхождения названия реки Казан[ки] наличием в ней множества омутов-котловин не совсем убедительно, ибо, как известно, омуты, котловины или «глубокие ямины» свойственны многим рекам, а физико-географические объекты в большинстве случаев получают названия по собственным отличительным признакам.

4. По второму предположению П. И. Рычкова происхождение полисинима Казань связано с именем золотоордынского хана Казан-Солтана или другого татарского принца, носившего имя Казан⁹, построившего город и назвавшего его своим именем. Такого же мнения придерживались многие ученые XIX века (К. Фукс, А. С. Дубровин, Ш. Марджани, Н. П. Загоскин и др.).

У древних тюрков существовал обычай нарекать новорожденных мальчиков именем, в основе которого лежало слово, обозначающее предмет, чаще всего сделанный из металла, например: *тимер* 'железо', *балта* 'топор', *казан* 'котел, казан', *кылыч* 'меч, сабля, клинок' и др. Известно, что среди золотоордынских ханов был хан Казан-Солтан¹⁰, назвавший, как утверждают некоторые историки, основанный им город своим именем. Но так ли это?

Известный татарский ученый Шигабутдин Марджани и Н. Ф. Прокофьев¹¹ считают, что основателем Старой Казани был потомок Батыя — Казан-хан. «Если предположить, что город получил свое название по имени его основателя, — пишет Ш. Марджани, — то можно сказать, что основал его хан Сарайский Казан-хан, сын Туган-хана, сына Батый-хана»¹². Действительно, в Чагатайском улусе Золотой Орды в 1343—1348 годах правил Казан-Солтан-хан или Казан-хан. Его имя чеканили на монетах. Историки считают, что Старая Казань возникла в середине XIII века, то есть более чем за сто лет до правления этого золотоордынского хана. Таким образом, Старая Казань не могла быть основана Казан-ханом. В другом своем труде Ш. Марджани называет основателем Старой Казани Сартака, сына Батый-хана¹³. Однако известно, что Сартак-хан умер через год после смерти своего отца, то есть в 1256 году¹⁴. Поэтому данное предположение тоже оказывается несостоятельным.

Известный профессор Казанского университета Н. П. Загоскин полагал, что золотоордынский хан Туда-Менгу именовался также и Казан-ханом. Этот вывод он делает исходя из исторического очерка Ш. Марджани, в котором говорится, что в Золотой Орде был Казан-хан. Но в именнике золотоордынских ханов такое имя не встречается. Н. П. Загоскин ссылается также на сочинение немецкого ученого И. Гаммера «История Золотой Орды» (Пештское издание, 1840). В этой работе И. Гаммер пишет, что Туда-Мангу носил прозвище *Казган* 'котел', а его брат Менгу-Тимер имел прозвище *Килка* 'разукрашенное покрывало'. При этом И. Гаммер отмечает, что прозвище Туда-Менгу-хана Казган имело хождение лишь в народной среде, а монеты с этим именем не чеканились. Однако Н. П. Загоскин, ссылаясь на то, что в кабинете Казанского Общества археологии, истории и этнографии имеется джучидская монета с надписью «Казан-хан», заключает, «что город этот (Старая Казань. — Г. С.) основан около 1288 года ордынским ханом Туда-Менгу. Он же Казган-хан»¹⁵. Здесь следует подчеркнуть, что ни в одном музейном каталоге не зафиксирована монета с вычеканенным на ней именем «Казан-хан».

Между тем ряд фактов свидетельствует о том, что Старая Казань была основана до 1288 года и что там проживало булгарское население.

В 1951 году на этой территории был найден могильный камень с датой смерти похороненного здесь в 1280 или 1281 году человека¹⁶.

Кроме того, Туда-Менгу в Золотой Орде правил в 1282—1287 годах, после смерти своего брата Менгу-Тимура (1265—1282), а в 1287 году он уже отрекся от престола в пользу сына своего брата Туля-Буга¹⁷. В 1288 году (этот год Н. П. Загоскин считает годом основания Старой Казани) в Золотой Орде царствовал уже другой хан. У Туда-Менгу не осталось никакой власти, чтобы основать город на севере.

Правда, в 1295—1304 годах в ирано-азербайджанском государстве правил хан по имени Газан (Казан) — сын Аргун-хана из рода Чагатай. Некоторые историки, а также поэт и ученый XVIII века Габдрахман Утыз Имяни, на основании того, что имена «Газан» и «Казан» созвучны, полагали, что Казань основал Газан-хан. Ш. Марджани опроверг эту версию, так как исторические источники не сообщают о пребывании Газан-хана в Волжской Булгарии¹⁸. Таким образом, нет никаких оснований полагать, что основателем Казани был Газан-хан.

5. В архиве известного башкирского лингвиста Дж. Г. Киекбаева, занимавшегося также тюркской топонимикой, сохранилась запись, в которой происхождение названия *Казан* связывается со словом *каен* 'береза'¹⁹. Дж. Г. Киекбаев для подтверждения своей гипотезы ссылается на название башкирской деревни *Казанлы* (в различных районах Башкирии имеется четырнадцать деревень с названием *Казанка*), полагая, что оно восходит к слову *каенлы* 'березовый, местность, где растет много берез'.

В шорском языке, а также в койбальском и сагайском диалектах хакасского языка слово *каен* употребляется в форме *казың*, фонетически близкой к *казан*. Этот факт, однако, как нам кажется, не дает достаточных оснований для вывода о том, что название *Казан* происходит от слова *казың* 'береза'.

Древние топонимы Татарии, в состав которых входит слово *каен* 'береза', образованы при помощи ираноязычного аффикса *-сар*. Например, *Каенсар* — названия татарских деревень Арского, Кукморского и Балтасинского районов Татарской АССР. Формант *-сар* заимствован булгаро-татарами из какого-то древнеиранского языка и синонимичен с тюркскими формантами *-лы* и *-лык*, имеющими значение обобщения: *Каенсар* — 'местность, где растет много берез' (*Каенлык*); *Карамасар* — 'местность, где растет много вязов' (*Карамалык*); *Чыбыксар* — 'местность, где растет много молодых ив; ивняк' (*Чыбыклык*) и др.

Заслуживает внимания и тот факт, что в бассейне реки Казан[ки] не встречаются топонимы в форме *Казанлы* или *Казанлык*.

Не исключено, что название деревни Казанлы в Башкирии было образовано в связи с переселившимися сюда в XVI—XVIII веках и обосновавшимися здесь казанскими татарами. Название деревни Касанлы Вагайского района Тюменской области подтверждает это предположение. В этой деревне в основном живут казанские татары-переселенцы, с которыми и связано возникновение данного топонима. Сибирские татары называют казанских татар «касанлы», то есть «казанские».

В восточных районах Татарии, граничащих с Башкирией (например, в Актанышском, Муслюмовском, Азнакаевском, Бавлинском), до сих пор жителей ряда деревень подразделяют на три группы: *типтәр*, *башкорт*, *казан кешесе* 'казанский человек' или *казанлы татар* 'казанский татарин'. Эти группы заселяют определенные улицы деревень и имеют отдельные кладбища (так, например, обстоит дело в деревне Мелля-Тамак Муслюмовского района ТАССР).

Кирей Мерген связывает название башкирских деревень Казанчы с названием коренного башкирского рода, а название Казанлы с казанскими татарами²⁰.

6. Этнограф Г. В. Юсупов высказал мнение о возможности возникновения топонима *Казан* от этнонима *казан*. Это предположение основано на том факте, что в древние времена у татар существовали *джиены* (остаток родоплеменной структуры казанских татар²¹), один из которых именовался *Казан тау жыены* 'Джиен Казанской горы'.

Не приводя конкретных данных, Г. В. Юсупов пишет, что топоним *Казан* широко распространен на Кубани, на юге Украины и на северо-западном берегу Каспийского моря. Он указывает, что в северо-восточной Турции также имеется город с названием Казан. Происхождение этого топонима Г. В. Юсупов связывает с туркменским племенем *казан-салор*. Он полагает, что в Северное Причерноморье и Приазовье племя казан попало из Туркмении. На Среднюю Волгу племя казан пришло из Приазовья в числе болгарских племен, впоследствии образовавших Казанское княжество. Эта точка зрения высказывается Г. В. Юсуповым и в другой его статье²².

Нет достаточных оснований для утверждения, что топоним *Казань* восходит к этнониму *казан* только лишь потому, что существовал «Джиен Казанской горы» (*Казан тау жыены*). Нет также никаких оснований и для утверждения, что данный этноним принадлежал туркменскому роду казан-салор. Помимо указанного Г. В. Юсуповым «Джиена Казанской горы», у заказанских татар существовали джиены *Кала тау*, *Мухшы тау*, *Кара тау* и многие другие²³. Можно предположить, что основу некоторых названий джиенов составляет этноним, например, *Мукишы тау жыены* ('Джиен Мокшанской горы'). Однако такие джиены, как *Кала тау*, *Кара тау* и т. п., указывают на существование и других вариантов их наименований.

На наш взгляд, название *Кала тау жыены* произошло от наименования горы, на которой стоял город. Основу названий джиенов *Кара тау*, *Биек тау* также составляют оронимы. Не вызывает сомнений и то, что названия джиенов *Яссы болын*, *Куш капка* связаны с микротопонимами. Происхождение же названия *Казан тау жыены* связано с названием пологой горы на левом берегу реки Казанки.

Хотя Г. В. Юсупов и указывает, что данное племя у туркмен называлось «казан салор», по имени одного из его вождей — Казан-Салора, в сочинении Абу-л-гази хана Хивинского «Родословная туркмен» данное племя называется только *салор ил* 'салорское племя' по имени внука Огуз-хана Салора.

Топоним *Казан* совсем не широко распространен на упомянутых Г. В. Юсуповым территориях: среди 5200 тюркских названий рек, впадающих в Черное и Азовское моря, нет ни одного гидронима Казан или Казанка²⁴. Только в Николаевской области есть районный центр Казанка²⁵. На Алтае же, который многие считают древней прародиной тюркских народов, и в Южной Сибири имеются гидронимы и ойконимы *Казан* и их варианты: Казанка, Казанду, Казан-кол — реки на Алтае; Казановка, Казановтар — реки в Хакасии. В енисейских древнетюркских памятниках слово *Казан* (Qzn) встречается как топоним²⁶. Множество гидронимов и ойконимов, восходящих к основе *Казан* или *Казанка*, имеется также в Средней Азии, Казахстане, на Урале и Нижней Волге.

Все эти факты свидетельствуют о том, что название *Казан* и его варианты не имеют никакой связи с именем родоначальника туркменского племени салор — Казан-Салора.

7. Башкирский писатель Юсуп Гарай высказал различные предпо-

ложения по поводу происхождения полисони́ма Казан: «Казан — это имя человека или название рода, а если нет, то хочется предположить, что это название травы»²⁷. Действительно, слово *казан* использовалось когда-то в значении «водная трава» (мать-и-мачеха или лебеда душистая). Однако это предположение должным образом не мотивировано и поэтому нельзя утверждать, что название города и реки произошло от названия травы *казан*²⁸.

8. А. А. Камалов отмечает, что при раскрытии этимологии топонима необходимо обращать особое внимание на семантику местных географических номенклатурных терминов. Он считает, что между топонимом *каран* 'не замерзающее, глубокое место реки' и топонимом *казан* 'котловина, ложбина' имеется определенная семантическая связь. Такая постановка вопроса обусловлена и версией о болгарском происхождении топонима *казан*²⁹.

Исследование диалектного языка болгар на болгарских надгробиях указывает на тождественность согласных *p* и *z*: *тохир* ~ *тукуз*, *сакер* ~ *сакиз*, *отур* ~ *утуз*, *хир* ~ *кыз*, *Жаушыр* ~ *Жаушыз*³⁰. В диалектном языке болгар форманты *каран* и *казан* используются параллельно, и слово *казан* является не только кыпчакским, но и болгарским словом. Это подтверждается и строкой из русской летописи 1162 года о проживающих на берегу реки Казан булгарах: «...случится Андреева ити из Ростова на Болгары, ижи наричутся казанцы» (а не *каранцы!* — Г. С.).

9. Нам кажется, что анализ географических названий края, в составе которых имеются компоненты *каз* ~ *кар* (*Каз иле*, *Кар иле*, *Казкаш*, *Казэңер*, *Карлы* и др.), указывает на связь топонима Казань с названием реки Казан, то есть гидроним *Казан* древнее одноименного топонима. А гидроним Казан восходит к названию племени (этнониму) *каз*, которое в древности обитало в бассейне этой реки³¹.

По мнению А. Х. Халикова, на территории Татарии до прихода туда болгар тюркское племя *каз* не проживало³². Другие же ученые утверждают, что это племя смешалось с булгарами после их миграции в Среднее Поволжье.

Здесь уместно вспомнить, что еще в начале XX века Н. А. Спасский сообщал следующее: «Булгарское племя каджи проживало на берегах реки Казанки. В XII веке их князь Казан-хан заложил город Старая Казань, который просуществовал 275 лет»³³.

М. З. Закриев пишет: «Предположение Г. Ф. Саттарова о связи корня *каз* с племенем *каз* (хотя А. Х. Халиков и отрицает существование этого племени) больше подходит лингвистической системе этнонимов». Он указывает далее на то, что множество топонимов и этнонимов восходит к корню *каз* (в Восточной Европе и в азиатской части СССР; по данным А. Х. Халикова, их более 50) и приводит некоторые из этих этнонимов: *хазар* (в армянских источниках *казар*), *казак*, *киргиз* (*кырказ*). При этом он отмечает, что мысль о связи слова *каз* с глаголом *күчеп йөрү* 'кочевать' не лишена оснований, так как гуси до их приручения были обыкновенными перелетными птицами, и у ряда тюркских племен дикий гусь являлся тотемом рода или племени, представители которых именовали себя *каз*. Это подтверждается и существованием племени *кыу*. В одном из тюркских диалектов *кыу* означает «дикий гусь». Имеется целая система этнонимов, восходящих к этому слову: *кыу кеше*, *кыу-ман* (*кыубан*), *кыуманды*, *кыуар*, *кыучак* (*кыпчак*).

Тот факт, что в названиях географических объектов, расположенных в окрестностях Казани, имеются основы *каз* (Казан) и *кыу* (Кыубан, Кабан) доказывает употребление слова *каз* в значении «дикие гу-

си». М. З. Закиев приходит к выводу, что еще до прихода булгар на этой территории проживали *хазары* (*казары*), «поэтому территория, где они жили, и река стали называться Казан»³⁴. Думается, что эта версия о возникновении названия *Казан* является наиболее вероятной.

10. По мнению А. Х. Халикова, древнетюркское слово *qas* у татар приобрело значение *кас* 'дерн', а во времена булгар слово *каз* употреблялось только в значении «граница; край» (в «Древнетюркском словаре»³⁵ *qas*, а не *qaz*, как пишет А. Х. Халиков. — Г. С.). По А. Х. Халикову, *каз* имеет более древнюю форму *каш*. В древнетюркском *qas* означало «край, берег, граница»³⁶. А. Х. Халиков приходит к выводу, что название *Казан* было дано булгарами и означает оно «граница». Слово *казан* состоит из двух частей: *каз* (основа слова) + *-ан* (аффикс). Очевидно, формант *-ан* употреблялся для передачи значения «область, территория»³⁷. Однако нет никаких историко-лингвистических данных, подтверждающих, что для обозначения понятий «граница, край» волжско-камские булгары употребляли слово *каз* (вернее *qas*), тем более, что и возможность перехода *каш* → *каз*, то есть *ш* → *з*, А. Х. Халиковым также не доказана.

Полагая, что название «Казань» выражает значение «пограничный город» (на границе Булгарского государства), А. Х. Халиков не приводит веских лингво-ономастических фактов, подтверждающих эту версию. Языковеды же это предположение опровергают³⁸. Здесь уместно указать и на то, что в праболгарском языке в значении 'граница, огороженное место, рубеж, окоп' употреблялось слово *чигь ~ чигä* (см.: Фехер Г. Фолята и културата на прабългарите. София, 1968, с. 153). Ср.: тат. *чик*, чув. *чике* 'граница, грань, край, межа, предел, рубеж'.

11. В. Л. Егоров полагает, что «Казань была основана в 1370 году булгарским князем Хасаном и носит имя своего основателя»³⁹. Это предположение, необоснованное ни с исторической, ни с лингвистической точек зрения, не признается как историками (С. Х. Алишев, А. Г. Мухаммадиев⁴⁰ и др.), так и лингвистами (Р. Г. Ахметьянов⁴¹).

И. Г. Добродомов и В. А. Кучкин, поддерживая версию В. Л. Егорова, исходят из недостаточно обоснованных и проверенных историко-лингвистических данных развития языка булгаро-татар⁴². Фонетические закономерности булгарского, чувашского и татарского языков не дают никаких оснований полагать, что в основу полисонима Казань положено арабское имя *Хасан*⁴³.

12. В тюркских языках оронимические и гидронимические номенклатурные термины имеют значение «просачиваться сквозь землю, проходить сквозь землю, прорывать землю» и относятся к одному семантическому полю. Основываясь на этих наблюдениях, а также на присущих тюркским языкам законам фонетики и морфологии, получивших отражение в топонимии, мы приходим к выводу, что название реки *Казан* восходит к оронимо-гидрографическому номенклатурному термину *казыган* > *казган* > *казан* 'прорвавший землю, вошедший в землю, прорыв ее' и что наши булгарские предки по названию реки Казан, впадающей в Волгу, дали название городу, основанному на ее берегу⁴⁴.

Как свидетельствуют многочисленные факты топонимии, названия рек (гидронимы) среди всех иных видов географических названий являются древнейшими по происхождению. В большинстве случаев названия прибрежных городов происходили от названий рек: «Москва» названа по реке Москва, название «Воронеж» произошло от гидронима Воронеж, «Тобольск» — от гидронима Тобол, «Волхов» — от гидронима Волхов, «Самара» (сейчас Куйбышев) — от гидронима Самара, «Царицын» (сейчас Волгоград) — от гидронима Сарысан и др.

Исторические летописи также свидетельствуют о происхождении названия города Казань от гидронима Казан. Князь Андрей Курбский, принимавший участие в осаде в 1552 году Иваном Грозным Казани, пишет в своих записках: «...река под ним, Казань речённая, от нея же и наречён»⁴⁵.

В «Казанской истории», в русских летописях и писцовых книгах XV—XVII веков отмечается, что река Казанка, возможно, называлась когда-то Казан или Казан-река: «по реке той же и град слово Казань»⁴⁶.

Татарский историк Г. Ахмаров писал: «По нашему мнению, название Казан было сначала названием реки и заимствовано из тюркского языка: если в конце названий рек имеется окончание (суффикс, формант) „зан“, „сан“, „шан“, то они все тюркского происхождения. Например, на территории Казанского и Булгарского государств имеются реки с названиями Узэн, Йөризан, Комазан, Кармасан, Чирмысан, Чирмешэн»⁴⁷. Мы придерживаемся того же мнения»⁴⁸.

В тюркских языках оронимические и гидронимические номенклатурные термины относятся к одному семантическому полю и составляют топонимическую микросистему, например: *яру, яр (йар), йарык* «оставленные в земле рывины, ямы». (В Дагестане есть река Ярлыксы). В древнетюркском языке слово *јагап* имело значение «глубокий, глубина»⁴⁹, *иј* «рыхлить землю», отсюда *уйсу жир, уйсулык* «низменность» (в Челябинской области есть река Уй, впадающая в реку Тобол); *уба* «провалиться сквозь землю», *упкын* «бездна», пожелание *жир упсын* «провалиться на месте»; *ермак, ерганак* «рыть землю; бороздить землю; прорыв, промоина, рывина, овражек».

В древнетюркском слова *југтақ ~ угтақ* означали «родник; речка; ручей»⁵⁰; *соғуғ* «рыть землю; изрытая земля; яма, ров, рывина, овраг», от «прорывать землю, рыть яму; провалиться сквозь землю», отсюда пожелание *жир орсын* «чтоб провалиться сквозь землю» (в Оренбургской области есть река Ор. От гидронима Ор произошли названия городов Орск и Оренбург); *сыза* «балка, в которую стекает талая вода»; *инеиш* «речка» от слова *иңу* «опускаться; оползать (о земле); просачиваться сквозь землю», отсюда *иңку жир, иңкулек* «низменность»; *капу ~ кабу* «рыть, взрывать землю, рыть ямы»; *казган > казан* «рыть землю, прорываться сквозь землю», то есть *казыган > казган > казан (елга)* «прорывавшая землю река» и др.

Гидроним *Казан* состоит из корня *каз* и форманта *-ан*, выражающего страдательный залог причастия прошедшего времени. Первоначально это слово имело форму *казган*: *каз* — корень слова и формант *-ган*, выражающий страдательный залог причастия прошедшего времени. Известно, что слово *каз-* (*qaz-*) в древнетюркском языке употреблялось в значении «рыть, копать, выкапывать»⁵¹. От этого корня в татарском языке произошли слова *казык* «кол», *казылма* «рывина» (отсюда название деревни *Казма* < *Казылма* Буинского района ТАССР); в западном диалекте *казыма* «лом», в заказанских и нагорных говорах среднего диалекта *казан* означает «образовавшиеся на дне реки ямы, рывины»⁵².

Л. В. Дмитриева рассматривает слово *казан* «репейник» в телеутском языке, выделяя в нем два компонента: *каз-* «рыть» и формант *-ан (-ган)*⁵³. В древние времена в Монголии низменные места вдоль берегов реки Чаа-Холь, притока Улуг-Хем, называли *Qazan*⁵⁴. В Киргизии есть река и деревня с названием Джерказар. В Наманганской области Узбекистана есть река и город с названием Касансай. Это еще один случай образования полисонима от гидронима.

Гидроним *Касансай* состоит из слов *касан* (*жирне казыган* > *жир казкан* > *касқан* > *касан*) + *сай* 'река, ручей'⁵⁵, представляя собой сложное образование со значением «река, прорывшая землю».

Существует предположение, что аффикс *-ан* образован от аффикса *-ган* (*-кан*), функционировавшего как формант страдательного причастия прошедшего времени⁵⁶. Известно большое количество древнетюркских топонимов и антропонимов, образованных с помощью аффикса *-ган* (*-ан*), выражающего значение законченности, завершенности работы, действия.

Н. А. Баскаков полагает, что в основе названия города Казань лежит тюркско-татарское слово *qazan* 'котловина, котел': <*qaz* 'копать' + *-ан* (аффикс результата действия)⁵⁷.

М. З. Закиев разделяет эту точку зрения и также считает, что названия *Казан*, *Казар*, *Каспи*, *Казбик*, *Кауказ* с основой *каз* в значении «скала, гора, скалистая гора, утес; котловина, окруженная скалами», восходит к слову *казу* 'копать' и *кас* ~ *кис* 'резать'⁵⁸.

Таким образом: 1) Название реки Казан означает «прорывшая землю река; река, роющая землю». Это название имело некогда форму *Казыган елга* > *Казган елга* > *Казан елга*. Претерпев ряд закономерных фонетических изменений, а также в результате постепенного усечения гидрографического термина *елга* (явление эллипсиса), данное название приобрело форму *Казан*. 2) Булгарскими предками татарского народа в XII веке на берегах реки Казан, впадающей в Волгу, в ее среднем течении был заложен город, названный по наименованию реки *Казан*. Значит, полисоним *Казань* происходит от гидронима *Казан[ка]*.

¹ См.: «Протоколы Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. Шестой, 1874/75 гг.». Казань, 1875, стр. 14.

² См.: М. Худяков. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923, стр. 244.

³ См.: А. Н. Сергеев. Опыт объяснения названий русских городов. — Сб.: «В память статистического съезда 1870 года», вып. 2. Нижний Новгород, 1875, стр. 626.

⁴ А. И. Герцен. Затерянная статья о Казани (публикация И. Яковлева). — «Литературное наследство», т. 61. М., 1953, стр. 20.

⁵ См.: В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966, стр. 166.

⁶ П. И. Рычков. Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб., 1767, стр. 102.

⁷ Е. Г. Бушканец. Казань (путеводитель). Казань, 1964, стр. 14.

⁸ М. Фасмер же считает, что название реки Казанки взято от названия города Казань и, по его мнению, данный топоним происходит от тат. *казан* 'котел' или от тюрк. *qazan* (см.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1967, стр. 159). Здесь М. Фасмер в основном повторяет В. В. Радлова, который писал, что «Казань получила название свое от местоположения (по-татарски *казан* значит „котел“). От названия г. Казани происходило название реки Казанки, т. е. „Казан суы“» (см.: «Протоколы Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. Шестой, 1874/75 гг.», Казань, 1875, стр. 10).

⁹ См.: П. И. Рычков. Указ. раб., стр. 103.

¹⁰ См.: Абулгази Бахадур хан Хивинский. Родословное древо тюрков. Перевод. Г. С. Саблукова. — «Известия общества археологии, истории и этнографии», т. XXI, вып. 5—6, Казань, 1907, стр. 133.

¹¹ См.: Н. Ф. Прокофьев. Полный путеводитель по Казани и окрестностям. Казань, 1910, стр. 30.

¹² Ш. Марджани. Очерк истории Булгарского и Казанского царств (перевод В. В. Радлова). — «Труды IV Археологического съезда в России», т. I. Казань, 1884, стр. 41.

¹³ См.: Ш. Марджани. Мостафад-эл-эхбар. I том. Казан, 1885, стр. 97.

¹⁴ См.: Стэнли-Лэн-Пуль. Мусульманские династии. СПб., 1899, стр. 191.

¹⁵ Н. П. Загоскин. Спутник по Казани. Казань, 1895, стр. 18—19.

¹⁶ См.: Н. Ф. Калинин. Казань. Исторический очерк. Казань, 1965, стр. 28.

- ¹⁷ См.: Стэнли-Лэн-Пуль. Указ. раб., стр. 201.
- ¹⁸ См.: Ш. Марджани. Очерк истории Булгарского и Казанского царств, стр. 41.
- ¹⁹ Данный факт сообщил автору М. З. Закиев.
- ²⁰ См.: Кирэй Мәргән. «Казанчы» атамасы кайдан алынган? — Газета «Кызыл тан», 1969, 2 сентября.
- ²¹ Г. В. Юсупов. Антропонимы в булгаро-татарской эпитафике. — В кн.: «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970, стр. 252.
- ²² См.: Г. В. Юсупов. Булгаро-татарская эпитафика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар. — «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья», Казань, 1971, стр. 229—230.
- ²³ См.: «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», М., 1967, стр. 198—199.
- ²⁴ См.: О. Н. Трубачев. Названия рек правобережной Украины. М., 1968, стр. 15—16.
- ²⁵ См.: «Алфавитный список предприятий связи Союза ССР», т. I. М., 1960, стр. 572.
- ²⁶ См.: И. А. Батманов, З. Б. Аргачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя Енисейка. Фрунзе, 1962, стр. 94.
- ²⁷ И. Гарай. Уфа, Казань и исемле? — Газета «Кызыл тан», 1970, 4 сентября.
- ²⁸ См.: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II, ч. 1. СПб., 1899, стр. 369.
- ²⁹ См.: А. А. Камалов. Некоторые вопросы изучения топонимии Башкирии. — «Ономастика Поволжья», 3. Уфа, 1973, стр. 206—207.
- ³⁰ Ф. С. Хакимзянов. Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978, стр. 17—18.
- ³¹ См.: Г. Ф. Саттаров. Топонимика края и некоторые вопросы этногенеза казанских татар. — «Татар тел белеме мәсьәләре», кн. 3, Казань, 1969, стр. 175—180; *его же*. Происхождение названия Казань. — «Ономастика Поволжья», 2, Горький, 1971, стр. 155—165.
- ³² А. Х. Халиков. О времени, месте возникновения и названии города Казани — «Из истории культуры и быта татарского народа и его предков». Казань, 1976, стр. 13.
- ³³ Н. А. Спасский. Очерки по родинovedению. Казанская губерния. Казань, 1913, стр. 218, 232.
- ³⁴ М. З. Закиев. Татар халкы теленең барлыкка килүе. Казан, 1977, стр. 93.
- ³⁵ См.: «Древнетюркский словарь», Л., 1969, стр. 430.
- ³⁶ См.: А. Х. Халиков. Указ. раб., стр. 14.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ См.: М. З. Закиев. Указ. раб., стр. 93; Г. Ф. Саттаров. Исемнәр, атамалар ни сөйлә? — Газ. «Социалистик Татарстан». 1978, 17 февраля.
- ³⁹ В. Л. Егоров. О времени возникновения Казани. — «Советская археология», 1975, № 4, стр. 86.
- ⁴⁰ См.: С. Х. Алишев, А. Г. Мухамдиев. Об одной ошибочной версии возникновения Казани. — «Вопросы историографии и источниковедения», Казань, 1975, стр. 124—127.
- ⁴¹ См.: Р. Г. Ахметьянов. О топониме Казань. — «Вопросы историографии и источниковедения», Казань, 1975, стр. 133—136.
- ⁴² И. Г. Добродомов, В. А. Кучкин. Этимология и старые географические объекты. — «Вопросы географии», сб. 110; «Топонимика на службе географии». М., 1979, стр. 161—162.
- ⁴³ См.: М. З. Закиев. Татарское языкознание 70-х годов в свете достижений советской лингвистики. — Сб.: «Проблемы типологии татарского и русского языков». Казань, 1980, стр. 36—37.
- ⁴⁴ Г. Ф. Саттаров. Исемнәр, атамалар ни сөйлә?
- ⁴⁵ А. М. Курбский. Избранные сочинения. СПб., 1902, стр. 18.
- ⁴⁶ «Казанская история», М., 1954, стр. 128.
- ⁴⁷ Г. Ахмаров. Казан тарихы. Казан, 1910, стр. 18.
- ⁴⁸ См.: Г. Ф. Саттаров. Происхождение названия «Казань», стр. 165.
- ⁴⁹ «Изысканный дар тюркскому языку. Грамматический трактат XIV в. на арабском языке», Ташкент, 1978, стр. 307.
- ⁵⁰ Там же, стр. 313.
- ⁵¹ «Древнетюркский словарь», Л., 1969, стр. 439.
- ⁵² «Татар теленең диалектологик сүзлегә», Казан, 1969, стр. 186.
- ⁵³ Л. В. Дмитриева. Этюды по тюркскому словообразованию. — «Советская тюркология», 1977, № 1, стр. 71.
- ⁵⁴ «Древнетюркский словарь», стр. 439.
- ⁵⁵ См.: «Изысканный дар тюркскому языку», стр. 370.

⁵⁵ Г. Алпаров. Сайланма эсэрләр. Казан, 1945, стр. 65; Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. Т. II, М.—Л., 1952, стр. 397; А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 251; С. Чәфаров. Азәрбајҹан дилиндә сөз јарадычылығы. Бақы, 1960, стр. 95—96; Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. М., 1964, стр. 231; М. Р. Федотов. О некоторых огузских чертах чувашского языка. — «Советская тюркология», 1977, № 1, стр. 31.

⁵⁷ Н. А. Баскаков. Тюркизмы в названиях московских улиц. — «Советская тюркология», 1979, № 2, стр. 29.

⁵⁸ См.: М. З. Закиев. Татарское языкознание 70-х годов в свете достижений советской лингвистики, стр. 37.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. МАХАМАТОВ

АКЦЕНТУАЦИЯ РЕЧЕВОГО ТАКТА В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Одним из малоизученных вопросов лингвистики является соотношение сегментных и суперсегментных единиц языка, реализующееся по-разному в языках различных типов. Исследование данного вопроса в сопоставительно-типологическом плане на материале таких разносистемных языков, как русский и узбекский, представляет большой интерес не только с точки зрения теоретических проблем лингвотипологии, но имеет и практическое значение для преподавания русского языка тюркоязычной аудитории.

Настоящая статья посвящена сопоставительному описанию акцентуации речевого такта в русском и узбекском языках.

Термин «речевой такт» или «такт» требует некоторого уточнения, так как в специальной литературе отсутствует единый подход к его определению.

Как известно, речь, состоящая с фонетической точки зрения из потока звуков, членится на отдельные ритмико-интонационные отрезки, соответствующие законченным по смыслу высказываниям.

Такой ритмико-интонационный отрезок в речевом потоке большинство лингвистов именуют «фразой». Фраза может члениться на более мелкие отрезки, выделяемые в основном краткими паузами, усиленными последним ударением и длительностью последнего ударного слога¹. Л. В. Щерба и его последователи такой отрезок речи называют «синтагмой». Ряд других лингвистов определяют его как «речевой такт»². М. И. Матусевич считает термин «речевой такт» неправомерным, так как «он может навести на мысль об исключении синтаксической стороны понятия, тогда как она обязательна»³.

В лингвистической литературе термин «речевой такт», или просто «такт», иногда используется для определения более мелкого по сравнению с синтагмой отрезка речи, именуемого в русистике «фонетическим словом» или просто «словом». Р. И. Аванесов следующим образом характеризует понятие «речевой такт»: «Речевой такт не является предельно структурно-грамматического и фонетического членения. Извест-

¹ Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1958, стр. 60—61; М. И. Матусевич. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976, стр. 228—233.

² Подробнее об этом см.: В. В. Виноградов. Понятие синтагмы в русском языке. — Сб. «Вопросы синтаксиса русского языка», М., 1950; Е. А. Брызгунова. Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1969.

³ М. И. Матусевич. Указ. раб., стр. 234.

но, что существующие в современном русском языке звуковые закономерности действуют в пределах слова (некоторые из них в пределах так называемого фонетического слова, т. е. самостоятельного слова вместе с примыкающими к нему безударными служебными словами и частицами). Поэтому речевые такты не только со структурно-грамматической точки зрения, но и по самому своему звуковому строению, делятся на слова (или фонетические слова)»⁴.

Некоторые лингвисты тот же отрезок речевого потока, включающий одно знаменательное слово с безударными элементами, именуют «тактом» и определяют как фонетический сегмент, произносимый под одним главным ударением⁵. Таким образом, в определении речевого такта различными исследователями существует терминологический разноречивый, наблюдаемый не только в русском, но и в узбекском языкознании⁶.

С нашей точки зрения, термин «синтагма» целесообразно употреблять в отношении отрезка речевого потока, меньшего нежели фраза, а термин «такт» — в отношении сегмента, следующего за синтагмой, но отнюдь не как синоним последнего термина. Термин «слово» многозначен и применим ко многим единицам разных уровней, хотя в сочетании с определением «фонетическое» он приобретает однозначность. Тем не менее термин «такт» можно считать более удачным, нежели «фонетическое слово».

«Такт» — это один или несколько слогов, имеющих одно главное ударение, — ударение такта. Тактовое ударение — это словесное ударение в высказывании, поэтому основную часть такта составляет слово. Слова, не имеющие ударения, примыкают к такому слову, образуя в сочетании с ним единый такт.

Примыкающее слово, употребленное препозитивно, называют «проклитикой», а употребленное постпозитивно — «энклитикой». Значит, при сопоставлении акцентуации русского и узбекского тактов следует учитывать особенности, связанные с ударением, степенью примыкания проклитик и энклитик, а также специфику слогов и прежде всего — слого-раздела.

В качестве тактового ударения выступает главное словесное ударение. Второстепенные и побочные ударения слова не играют существенной роли при идентификации такта. Все типы словесного ударения как в русском, так и в узбекском языке и их фонетическая природа довольно подробно описаны русистами⁷ и узбековедами⁸, поэтому перейдем непосредственно к характеристике русского и узбекского тактов.

Такт в обоих языках может быть простым и составным. Простой такт не имеет примыкающих элементов и состоит из одного знаменательного. Так, например, в следующих высказываниях как в русском, так и в узбекском языке каждый член предложения фонетически составляет отдельный простой такт: «Ученик читает книгу» — «Уқувчи китоб ўқимоқда».

⁴ Р. И. Аванесов. Указ. раб., стр. 61.

⁵ А. С. Чикобава. Введение в языкознание. Ч. 1, М., 1953, стр. 164.

⁶ См.: В. В. Решетов. Узбекский язык. Ч. 1, Ташкент, 1959, стр. 81—82; М. Мирзоев, С. Усманов, И. Расулов. Узбек тили. Тошкент, 1962, стр. 63—64; Г. Абдурахманов, А. Рустамов. Навоий тилининг грамматик хусусиятлари. Тошкент, 1984, стр. 6—10.

⁷ См.: В. А. Редькин. Акцентология современного русского литературного языка, М., 1971; Н. А. Федякина. Ударение в современном русском языке. М., 1976.

⁸ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 52—56; А. Гулямов. Узбек тилида ургу. Тошкент, 1947; А. Махмудов. Словесное ударение в узбекском языке. Ташкент, 1960.

В каждом высказывании по три такта. Составной такт имеет примыкающие элементы. Существуют три типа такого такта.

Первый тип включает препозитивный примыкающий элемент и основной элемент. Таков третий такт («в школу») в русском высказывании «Мальчик идет в школу» и второй такт (*бир китоб*) в узбекском высказывании *Ўзиқ бир китоб ўқидим* 'Я читал интересную книгу'.

Второй тип состоит из постпозитивного примыкающего элемента и основного элемента, например, в русском языке выражение «справедливости ради» выступает в качестве подобного такта. В узбекском языке таковым является любое знаменательное слово с послелогом, как *сен билан* 'с тобой'.

Третий тип состоит из основного и двух примыкающих элементов препозитивного и постпозитивного. Например, таков третий такт («в дом наш») русского высказывания «счастье вошло в дом наш» и первый такт (*бир йигит билан*) узбекского высказывания *Бир йигит билан танишдим* 'Я познакомился с неким юношей'.

Первый тип такта больше свойствен русской речи (из-за наличия предлогов) и весьма скуден в узбекской (из-за отсутствия предлогов).

Второй тип встречается в узбекской речи чаще, нежели в русской, чему способствует наличие в узбекском языке послелогов.

Третий тип ограничен и в русской и в узбекской речи, что обусловлено отсутствием в русском языке послелогов, а в узбекском — предлогов.

Примыкающий элемент такта имеет два признака — безударность и его несамостоятельность в отношении слогоделения. Это ясно проявляется в тех случаях, когда проклитика оканчивается на согласный, а основной элемент такта начинается с гласного. Например, в русском такте «под окном» элемент «под» не имеет ударения, а его конечный звук «д» переходит в состав последующего слога.

В узбекском такте *бир одам* 'некий человек; кто-то' элемент *бир* не имеет ударения, а его конечный согласный *р* переходит в состав последующего слога. По второму признаку русский и узбекский такты одинаковы. Проклитика и энклитика образуют единую слоговую цепь вместе с основной частью такта и в русском языке, и в узбекском, но по второму признаку русский такт существенно отличается от узбекского. В узбекском языке ударение такта всегда падает на знаменательное слово, а служебные слова — безударны, тогда как в русском языке имеются случаи, когда служебное слово может принимать тактовое ударение, а знаменательное слово его теряет. Например, в тактах «на дом», «за год» тактовое ударение падает на служебные слова «на» и «за». Таковы особенности русского и узбекского тактов, предопределенные различием акцентуации в каждом из этих языков.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Э. А. УМАРОВ

В. В. ВЕЛЬЯМИНОВ-ЗЕРНОВ — ИЗДАТЕЛЬ СЛОВАРЯ «АБУШКА»

В этом году исполняется 155 лет со дня рождения выдающегося русского востоковеда Владимира Владимировича Вельяминова-Зернова. Он родился 31 октября 1830 года в Петербурге. В двадцать лет окончил Александрьевский лицей, «где усердно изучал арабский и персидский языки»¹. После окончания лицея поступил на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел и через год, в 1851 году, был командирован в Оренбург² для изучения местных языков. Там он познакомился с крупным востоковедом, историком В. В. Григорьевым, который оказал на будущего ученого большое влияние, помогал и поддерживал его в научных начинаниях. В 1856—1859 годах, возвратившись в Петербург, В. В. Вельяминов-Зернов продолжил работу при Азиатском департаменте. С 1859 по 1867 год являлся секретарем Восточного отделения русского Археологического общества. В 1861 году он был избран экстраординарным академиком. Умер В. В. Вельяминов-Зернов в возрасте семидесяти четырех лет в Киеве.

Научный диапазон ученого был весьма широк. Его интересовали история киргизов-кайсаков, Кокандского ханства, акты Касымовского ханства, нумизматика Востока, в частности Бухары, Хивы, и др. Одновременно он «работал над подготовкой к печати персидского текста и русского перевода приобретенной им в 1854 г. во время пребывания в Оренбургском крае рукописи „Абдулла-наме“ („Книга шахского благородства“), одного из важнейших источников по истории Средней Азии XVI века»³. К сожалению, издать этот памятник ученому не удалось.

Первый научный успех В. В. Вельяминову-Зернову принесла работа над рукописью чагатайско-турецкого словаря, основу которого составлял язык произведений Алишера Навои. Подготовка этого труда, известного в науке под названием «Абушка» Алаи бин Мухибби⁴, занимает особое место в научном наследии В. В. Вельяминова-Зернова. Словарь «Абушка» был составлен в 1560 году и является вторым после «Бадаи-ал-лугат» (составлен в 1501 г.) ценнейшим источником для изучения истории узбекского языка эпохи Навои.

¹ В. В. Лунин. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965, стр. 91.

² «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дюктябрьский период», М., 1974, стр. 136—137.

³ В. В. Лунин. Указ. раб., стр. 93.

⁴ «Словарь джагатайско-турецкий», издал В. В. Вельяминов-Зернов, СПб., 1863. Полное название словаря «Ал лугати ал Наваийа вал истишхадат ал чигатайя» («Чагатайские подтвердительные примеры к языку Навои»). Для удобства его коротко называют «Абушка» (абушка 'старик' — слово, с которого начинается словарь).

Выбор этой рукописи для исследования и публикации был не случаен. Ученый считал, что она содержит не только уникальный языковой материал, но и может стать основой для составления в будущем словарей по истории языка. Действительно, впоследствии В. В. Радлов и Л. Будагов в своих знаменитых трудах широко использовали материалы словаря. Надо отдать должное научной прозорливости В. В. Вельяминова-Зернова, предвидевшего актуальность и ценность выбранного им для публикации памятника.

В процессе работы ученый исследовал пять рукописных вариантов данного словаря, хранившихся в библиотеках Петербурга и личных коллекциях востоковедов.

Первый из этих вариантов принадлежал императорской Публичной библиотеке, второй — университету, третий — Азиатскому музею, четвертый — учебному отделению восточных языков Министерства иностранных дел, пятый — академику В. А. Дорну. После изучения каждого из них В. В. Вельяминов-Зернов пришел к выводу, что наиболее полным списком является рукопись Публичной библиотеки и в основу своей публикации положил именно этот список. Другие рукописи служили ему, как он сам пишет в предисловии к словарю, «пособием для легчайшего чтения и разумения текста»⁵.

В предисловии же издатель подробно изложил принципы подготовки памятника к печати. Трудности в этой работе, отмечал он, в основном были связаны с ошибками переписчика и дефектами самой рукописи. Ученый сверял все примеры, взятые из произведений Алишера Навои, и исправлял обнаруженные ошибки. Добавления он заключал в скобки. Пропуски отмечал многоточием. Эта кропотливая работа отнимала у него много времени. Иногда восстановление одного пропуска в бейте занимало целый день.

Ученый описал шесть словарей к произведениям Алишера Навои. Он был одним из первых, кто высоко оценил «Бадаи-ал-лугат» Тали Имиани как уникальный памятник XV века, «сочиненный в царствование Султана Хусейна»⁶.

При подготовке рукописи к печати В. В. Вельяминов-Зернов опирался на лучшие традиции русской востоковедческой школы. Словарь Алаи бин Мухибби «Абушка» содержит уникальный материал по фонетике и лексике староузбекского языка. В фонетической части описываются одиннадцать гласных: долгий *ā*, обыкновенный *a*, краткий *ā*, *u*, *u* (краткий), *o*, *ō* (краткий), *i*, *ij*, *e*, *ī* (краткий).

По данным словаря, в следующих словах употреблены: 1) долгий *ā*: *ālinda* (102)⁷ 'впереди', *ālar* (102) 'они', *āpča* (56) 'много', *ājiy* (40) 'медведь', *āni* (40) 'его'. В словах, включающих долгий *ā*, по лексикографической традиции Востока, над алифом стоит мадда (˜) — специальный знак долготы⁸; 2) обыкновенный *a*: *aiq* (39) 'трезвый', *ila* (39) 'вместе', *qap* (36) 'кровь'; 3) краткий *ā*. В словаре ряд слов дан в двух вариантах: *باشق* и *شق* (128) 'стрела лука'. В словах с кратким *ā* алиф обычно отсутствует. Еще примеры: *butā* (146) 'сын', *talā* (171) 'поляна'; 4) *u*: *burun* (148) 'раньше', *butav* (146) 'цельный', *buzuy* (150) 'поврежденный'; 5) *ij* (краткий): *tüz* (208)⁹ 'терпение', *üz* (105) 'сто',

⁵ «Словарь джагатайско-турецкий», стр. 8.

⁶ Там же, стр. 29.

⁷ Цифры в скобках означают страницу.

⁸ «Персидско-русский словарь», М., 1960, стр. 475.

⁹ Краткие варианты *ij* и *ō* составитель словаря обозначает лексикографической пометой *имала* 'сужение гласных'.

tün (224) 'ночь'; 6) o: tohtadi (202) 'остановился', tori (204) 'напротив', tortunč (206) 'четвертый'; 7) ö (краткий): böz (150) 'тонкая нить хлоп-ка', öt (87) 'проходи', töj (225) 'угощение', čöl (252) 'степь'; 8) i: ilqi (72) 'лошадь', ilik (70) 'рука'; 9) ij: kijik (342) 'олень', kijin (354) 'по-том', kijgulik (353) 'одежда'; 10) e: egri (69) 'кривой', ešak (62) 'осел', ešik (63) 'дверь'; 11) ĩ (краткий): illik (71) 'пятьдесят'. По мнению составителя словаря, во втором слоге употреблен краткий вариант ĩ.

Особого внимания заслуживает подчеркивание в словаре отдельных согласных в словах типа برکوت 'орел', كوك 'небо'. Алаи бин Мухибби в таких случаях дает пояснение, как читать данное слово с персидским «к» («g») или арабским каф «к»: ozga (105) — с персидским «к» означает «другой»...; orgamči (102) — с персидским «к» означает «паук».

Алаи бин Мухибби звук «g» иногда именует kafī požata 'каф с диакритическим знаком': jangi (403) каф с диакритическим знаком — «новый». Аналогично подчеркиваются ž и č: žurka (250) с арабским ž — 'один из видов уток'; čiy (245) с персидским ž (то есть č) — 'циновка, предмет, сделанный из нитки и камыша, вешается на стены палатки'¹⁰.

Богатая и разнообразная лексика Навои особенно широко представлена в словнике. В словаре встречаются слова из различных тематических групп. Например: 1) названия насекомых: orgamči (102) 'паук', čibin (338) 'комар'; 2) названия домашних животных: učki (97) 'коза', tavušqan (180) 'заяц', teva (199) 'верблюд'; 3) названия одежды и тканей: etak (47) 'подол', čapan (229) 'старый кафтан с заплатами'¹¹, dakla (259) 'одежда, надеваемая поверх кафтана'; 4) названия птиц: budana (147) 'перепелка', tujyun (225) 'белый сокол', čurčiq (247) 'воробей'; 5) названия диких животных: bori (148) 'волк', tulku (220) 'лиса', dultu (268) 'хищный зверь'; 6) названия племен: barlas (128) 'одно из чагатайских племен', halaž (256) 'одно из племен'; 7) названия частей тела: ajaу (39) 'нога', tiš (188) 'зубы', egn (64) 'плечо', engak (83) 'подбородок'; 8) понятия родства, возраста: abušqa (5) 'старик', bibi (134) 'старая женщина', ini (80) 'младший брат'; 9) названия металлов: temur (196) 'железо', gogyašun (338) 'свинец'; 11) названия песен и стихов: tušiq (211) 'род стихотворения', činga (243) 'пение с биением в ладоши в такт музыке, исполнявшееся во время свадьбы джагатайцев, мужчинами и женщинами'¹²; 11) военные термины: čaydaul (233) 'командующий арьергардом армии'¹³, čerik (240) 'войска', čindaul (244) 'арьергард'¹⁴.

В плане лексикографии словарь дает интересные сведения о староузбекской лексикографической школе. Алаи бин Мухибби при раскрытии значения слов использовал два вида толкования: краткое и подробное. В первом случае он снабжал чагатайское слово турецким эквивалентом. Например, к слову belgu (142) приводится турецкое pišan va alamat 'примета'. Чагатайское erk (51) переводится ĩntijar 'воля'; ũluу (114) имеет турецкий эквивалент buzrug 'большой'. Чагатайскому uluk (114) в словаре соответствует турецкое murda 'труп'.

¹⁰ См. об этом: К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965, стр. 881: «циновка из чия, каждый стебель которого обмотан цветными нитками».

¹¹ Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I, СПб., 1869, стр. 452.

¹² Там же, стр. 489.

¹³ Там же, стр. 477.

¹⁴ Там же.

При подробном толковании составитель словаря подчеркивает общие черты предмета. Чагатайский *čurka* (250) переводится *bir nav orda-ka derlar* 'так называют один из видов утки'. Слово *tavuš* (172) имеет следующее объяснение *ajaq avazina derlar* 'так называется звук, издаваемый ногой'. Тюркское племя *tarhan* (167) толкуется как 'один из родов чагатайцев'.

Названия песен, термины и титулы в словаре сопровождаются подробным толкованием. Например, *tulugum haj tulum* (218) описывается следующим образом: *tulugum haj tulum — kaf kaf aʒamijladur Turkistanda šadliq va dukun mahalinda bazi kimsalar ajaʃ uzra qalqub bir vazla ojnaʃub va bir navla turki etmaka derlar* 'с двумя персидским «к» танец и пляска в Туркестане, совершаемые во время торжеств и праздника урожая'. Алаи бин Мухибби при составлении словарных статей полностью опирался на опыт восточных лексикографов. В словарную статью он включал заглавное слово, его фонетическую характеристику, значение и иллюстрирующий пример с указанием источника: *ikagu* (67) — *ka-ʃi avval arabi va kafi sanij aʒamijdur ikkisi bila demakdirki Gulu Navruz Lutfijda yurbatda Gul ila Navruz hali bajanida kelur bajt*:

*Ikagu bir biri vaslin qilib qut
Jarašda¹⁵ jandašib čun duru jaqut.*

'Икагу — первый «к» арабский, второй «к» персидский, означает «вдвоем», встречается в «Гул и Навруз» Лутфи, бейт:

*'Оба любят друг другом...
Рядом похожи они на яхонт и жемчужину'.*

Если толкуемое слово известно, а структура его проста, то и словарная статья — краткая. В таких случаях Алаи бин Мухибби опускает фонетическое описание структуры слова или иллюстративный пример: *ajay* (39) означает «чаша» и «нога»; *tamur* (174) означает «кровеносный сосуд», встречается в «Наводир-аш-шабаб»:

*Kesti bayrim tamurlarin ul pari
Yamza birla itik-itik baqari
'Перерезали кровеносный сосуд сердца
Кокетливые и острые взгляды пери'.*

В некоторых словарных статьях Алаи бин Мухибби стремится дать как можно больше сведений о чагатайских словах. Например, в словарной статье *سوکتی* (297) он отмечает, что, если данное слово читать с арабским «к», оно означает *sokti* «пороть», с персидским «к» *sogti* — «ругать».

Алаи бин Мухибби при раскрытии значений слов опирается на надежные источники, и в первую очередь на лингвистический труд самого Алишера Навои. Например, желая показать богатство семантики тюркского слова, поэт в «Мухакамат-ал-лугатайн» («Тяжба двух языков») у слова *sayin* отмечает следующие значения: *sayin lafzidekki, bir manisi jad qilmaqqa amrdur va biri sutluk qoj atidur va iʃq masti va maʃ-nuni va bemari muqabalasida sayin desa, har birida itlaq qilsa bulur* 'одно значение — приказание вспомнить; другое — название молочной овцы; бывает так, что этим словом называют опьяненного любовью, или одержимого, или больного'¹⁶.

Вопреки восточной лексикографической традиции, Алаи бин Му-

¹⁵ В издании: яроша. (См. *Лутфий*. Девон. Гул ва Навруз, Тошкент, 1965, стр. 391).

¹⁶ *Алишер Навои*. Собрание сочинений. Т. X. Ташкент, 1970, стр. 117.

хибби омонимы дает в разных словарных статьях: ot (86) 'огонь', ot (86) 'проходи', tang (178) 'утро', tang (177) 'удивление'.

В словаре широко представлены варианты слов, во многих случаях они даются рядом: sačiḡ—sačiḡ—sačiḡ (372) 'полотенце', sarīḡ—sarīḡ (272) 'желтый', qanliḡ—qanliḡ (324) 'кровавый', иногда в разных словарных статьях: qaḡaḡ (316) 'зеница ока', qaḡaḡ (316) 'зеница ока'.

Алаи бин Мухибби приводит также редкие значения слов, не встречающиеся в других словарях. Например, в слове tugi (204) отмечает значение «напротив». Значение «терпение» дается в слове tuz (308.)

Вместе с тем при пользовании словарем следует быть осмотрительным. Например, в словарной статье ong (121) сперва дается значение «первый». Это сомнительно, так как данное значение не встречается в других словарях. Спорным является и значение слова ačiḡ (10) 'сожаление'. Тем более, что составитель словаря не приводит подтверждающих примеров.

Встречаются в словаре и опечатки. Например, на стр. 231 в словарной статье carladi 'позвал' сочетание āvazla čaḡirdi 'позвал голосом' набрано как āvarla čaḡirdi. Однако подобные погрешности весьма редки.

В настоящее время ученым известны еще несколько рукописей рассматриваемого словаря, хранящихся в Париже, Лондоне¹⁷ и Ташкенте¹⁸. Три списка словаря имеются в Турции (Стамбульский университет, Книгохранилища Айя София и Сулеймания). По данным Агах Сирри Левенда, экземпляр в Айя София отличается прекрасным оформлением¹⁹. Настало время фронтального изучения данного словаря и подготовки его критического текста, что имеет важное значение для изучения исторической лексикологии узбекского языка.

Составитель словаря в предисловии к своему труду писал:

Har nikim qildilar ālar iršad
Ušbu daftar āra u tapti savad
Bar umidki ahl fazlu kamal
Berib islah birla zebu žamal
Ta bu saḡvu zalal hatakuši

'Кто обучался с этим словарем,
Нашел в нем знание и разум.
Есть надежда, умные люди
Исправят и скрасят
Ошибки, допущенные в словаре'.

Сегодня мы с благодарностью вспоминаем имя талантливого исследователя В. В. Вельяминова-Зернова, энтузиаста отечественного востоковедения. Глубокие знания, неустанный труд, преданность науке позволили ему сделать достоянием многих поколений ученых ценнейшие материалы узбекского литературного языка эпохи Алишера Навои.

¹⁷ А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 54.

¹⁸ Б. Хасанов. «Абушка»нинг янги қўлёзма нусхаси. — В сб. «Адабий мерос», т. 10, Тошкент, 1978, стр. 88—92.

¹⁹ Agāh Sırrı Levend. Ali Şir Nevai. Cilt I, Ankara, 1965, стр. 278.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Г. Н. ЗИКРИЛЛАЕВ

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ФОРМ УСЛОВНО-ЖЕЛАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Для форм условно-желательного наклонения в узбекском языке характерен сопряженный тип значений¹, точнее модальные семы этих форм имеют как семантические, так и синтаксические стороны, проявление которых зависит от характера контекста. Формы условно-желательного наклонения выражают нетипичные для них релевантные семы, вступая в синонимические отношения между собой, с формами других наклонений, а также и с некатегориальными формами² и различными синтаксическими сочетаниями. Таким путем образуются контекстуальные синонимы, сходные в денотативном отношении (то есть объективно) и разнящиеся в коннотативном отношении³ (то есть субъективно).

Настоящее сообщение посвящено исследованию синонимических отношений форм на *-са*, *-ган бўлса* и *-ётган бўлса*.

Форма на -са. Для данной формы релевантны две модальные, две временные и одна коммуникативная семы, проявляющиеся в благоприятных контекстах. Это — семы «реальное условие», «реальное желание», «настоящее время», «будущее время» и «непосредственное обращение к слушающему»⁴. Под воздействием неблагоприятного контекста та или другая из этих сем не проявляется, например, сема «реальное условие» и сема «реальное желание».

Если контекст неблагоприятен для семы «реальное условие», то не проявляется ее семантическая сторона, а синтаксическая сохраняется, хотя и изменяет свой характер. Точнее, отнесенность не утрачивается и поэтому контекст содержит соотнесенное действие. Однако в связи с тем, что данное действие при этом остается неблагоприятным для выражения семантической стороны семы «реальное условие», форма на *-са* уже не связывает придаточное предложение условия с главным.

¹ Такой тип значения, относящийся к особенностям тюркских грамматических форм, выделяется рядом авторов (см.: С. Н. Иванов. Об истолковании многозначности грамматических форм. — «Вопросы языкознания», 1973, № 6; Х. Г. Нигматов. Морфология языка восточно-тюркских памятников XI—XII веков. Автореф. докт. дисс., Баку, 1978; *его же*. О характере грамматического значения тюркских форм и категорий. — «Советская тюркология», 1980, № 6, и др.).

² А. Хожиев. Ҳозирги ўзбек тилида форма ясалиши. Тошкент, 1979, стр. 4.

³ О денотации и коннотации см.: Е. И. Шендельс. Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970, стр. 33—39; *его же*. Совместимость/несовместимость грамматических и лексических значений. — «Вопросы языкознания», 1982, № 4, стр. 80.

⁴ О выявлении релевантных сем форм условно-желательного наклонения см.: Г. Н. Зикриллаев. Система условно-желательного наклонения в узбекском языке. — «Советская тюркология», 1983, № 6.

Функцию неблагоприятствующего средства выполняют здесь различные формы, среди которых особое место принадлежит формам изъявительного наклонения.

1. **-са+ -ди.** В таких контекстах под ассимилирующим влиянием соотнесенного действия форма на **-са** также служит для выражения сем «прошедшее время» и «реальность»⁵. *Группаларнинг баъзисида агитация ишлари яхшиланса, баъзисида бутунлай тўхтаб қолди* (П. Қодиров «Уч илдиш») 'Если в одних группах наладилась агитационная работа, то в других совсем приостановилась'. В этом контексте смысловая регрессивная ассимиляция и форма на **-са** вступают в синонимические отношения с формой на **-ди**, и хотя семантическая сторона семы «реальное условие» объективно подавляется, субъективно оно сохраняется, вследствие чего создается впечатление, будто форма на **-са** выражает не действие, имевшее место в прошлом, а условное действие. При замене формы на **-са** формой на **-ди** подобный характер действия утрачивается, она приобретает синтаксическую самостоятельность и предложение становится бессоюзным сложносочиненным, что связано с релевантной синтаксической семой «абсолютность» формы на **-ди**. Следовательно, в данном примере между синонимичными формами существует не только коннотативное, но и синтаксическое различие.

В подобных контекстах форма на **-са** может вступать в синонимические отношения и с формой на **-ган эди**. В таком случае синонимичные формы различаются лишь в коннотативном плане, а синтаксический характер действий совпадает, так как в форме на **-ган эди** отмечается синтаксическая сема «отношение»⁶ (то есть отнесенность или относительность). Но замена формы на **-са** формой на **-ган эди** возможна, если акт коммуникации требует выделить семы «прошедшее время» и «отношение»: *Бир маҳал қарасам, Турсунбой олдимдан ўтиб қолди. Чақирсам эшитмади* (С. Аҳмад «Ҳижрон кунлари») 'Вдруг смотрю, мимо меня проходит Турсунбай. Я позвал его, а он не услышал'. Во втором предложении форму на **-са** можно заменить и формой на **-ди**. Это указывает на то, что под ассимилирующим влиянием соотнесенного действия форма на **-са** начинает выражать семы «прошедшее время» и «реальность», а сближение ее с той или иной формой прошедшего времени изъявительного наклонения обуславливается другими контекстуальными средствами.

2. **-са+ -ибди.** Если форма на **-ибди** образована от глаголов состояния (*турмоқ* 'вставать и стоять', *ўтирмоқ* 'садиться и сидеть', *ётмоқ* 'ложиться и лежать', *юрмоқ* 'ходить, идти'), то в ней проявляются, в частности, семы «настоящее время» и «реальность». Под ассимилирующим влиянием последней форма на **-са** также выражает сему «реальность»: *Биз сени бетоб деб, ҳол-аҳвол сўрагани келсак, отдай кишнаб юрибсан-ку, оғайни!* (О. Ёқубов «Диёнат») 'Узнав, что ты болен, мы пришли проведать, а ты, приятель, здоров, как бык'. В этом примере в форме на **-са** выражены семы «настоящее время» и «перфектность» благодаря семантике глагола *келмоқ*, что в свою очередь способствует установлению синонимических отношений с формой на **-ган эди**. В данном контексте форму на **-са** можно заменить формой на **-ган эди**, если акт коммуникации требует выделить сему «отношение».

Если форма на **-са** образована не от глаголов состояния, то в ней

⁵ О наборе релевантных сем формы на **-ди** и других форм изъявительного наклонения см.: Г. Н. Зикриллаев. Модальность и система форм изъявительного наклонения. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1978.

⁶ А. Ҳожиёв. Тўлиқсиз феъл. Тошкент, 1970, стр. 19.

проявляются, в частности, семы «прошедшее время» и «реальность». В соответствии с регрессивной ассимиляцией форма на *-са* также объективно выражает эти семы: *Бир вақт қараса иккови ҳаммадан кейин қолибди* (П. Қодиров «Уч илди») 'Смотрит он, а они оба отстали ото всех'. В этом контексте форма на *-са* вступает в синонимическое отношение с формой на *-ган эди* и ее можно заменить последней если акт коммуникации требует выделить синтаксическую сему. В таких контекстах форма на *-са* может сближаться также с формой на *-ди*, но такое сближение носит частичный характер, так как синтаксическое различие между ними не нейтрализуется: *Кейин билса, Нодирахон буням ган кинти* (О. Ёқубов «Диёнат») 'Потом он узнал, что Надирахон и об этом насплетничала'.

Форма на *-ибди* сама может транспонироваться в контексты, характерные для других форм прошедшего времени, в частности для формы на *-ди*: *Гапираверса озгим очилиб қолибди* (П. Қодиров «Уч илди») 'Он говорил, а я, разинув рот, слушал его'. Таким образом, ассимилирующее влияние формы на *-ибди* не отличается от приведенного выше случая. Однако ее транспозиция и коннотация формы на *-са* способствуют повышению коммуникативного эффекта всего контекста.

3. *-са + -ган*. В таких контекстах форма на *-са* под воздействием соотнесенного действия выражает семы «прошедшее время» и «реальность»: *Қараса кун ёйилган. Ойиси самовар кўтариб ўтди* (П. Қодиров «Уч илди») 'Смотрит он, уже день наступил. Мать прошла с самоваром в руках'. В этом примере в качестве соотнесенного действия может употребляться форма на *-ган экан* или на *-ибди*. Однако и в том, и в другом случае форму на *-са* нельзя заменить какой-либо формой прошедшего времени. Это позволяет заключить, что форма на *-са* в таких контекстах как бы является общим синонимом форм прошедшего времени изъявительного наклонения.

4. *-са + -ар эди*. Форма на *-ар эди* синсемантическая, поэтому семы «прошедшее время» и «реальность» она выражает в благоприятном контексте. Средства, способствующие проявлению данных сем, одновременно играют ассимилирующую роль по отношению к форме на *-са*, вследствие чего она также служит для выражения тех же сем: *Ёз бўлса қишлоққа борарди. Ов милтиғи бўларди. Қуш овларди* (О. Ёқубов «Диёнат») 'Летом он поехал в село. У него было ружье. Он охотился на птиц'. Форма на *-са* в этом контексте вступает в синонимическое отношение с категорией на *-ганда* и ее можно заменить последней. Однако между ними существует различие, состоящее в том, что форма на *-са* приобретает коннотацию, то есть создается впечатление, что эта форма не обозначает время совершения действия в форме на *-ар эди*, а выражает условие его совершения⁷, чего нельзя сказать о форме на *-ганда*, ибо семы «прошедшее время» и «реальность» в ней проявляются в благоприятном контексте.

Если контекст содержит относительные наречия типа *қачон*, то для замены формы на *-са* формой на *-ганда* следует опустить относительное слово, так как именно его семантика препятствует субституции синонимичных форм: *Қачон Фарғона томонларга йўли тушса, албатта уни бир зиёрат қилиб, дуосини олиб ўтарди* (С. Аҳмад «Қирқ беш кун») 'Всякий раз, когда он ехал в сторону Ферганы, он обязательно навещал его и получал благословение'.

⁷ Видимо, учитывая эту особенность формы на *-са*, А. Н. Кононов такие контексты называет «условно-временным предложением». См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 417.

5. **-са + -япти.** В таких случаях форма на **-япти** транспонируется в характерные для форм прошедшего времени контексты. Поэтому в ней подавляется сема «настоящее время», вместо нее проявляется сема «прошедшее время», которая наряду с семой «реальность» играет ассимилирующую роль по отношению к форме на **-са**, и она также объективно выражает данные семы. Нетипичность контекстуальных условий повышает коммуникативный эффект действий и в форме на **-са** и в форме на **-япти**: *Лекин вестибюлдан ўтиб кўчага чиқаётганда кимдир уни орқадан чақирди. У ўгирилиб қараса, бир варақ қоғозни ҳилпиратиб Зокир келяпти* (П. Қодиров «Уч илдиз») 'Но когда он проходил через вестибюль на улицу, кто-то сзади окликнул. Повернувшись, он увидел, что, размахивая листом бумаги в руке, идет Закир'. В этом примере форма на **-са** вступает в синонимическое отношение с формой на **-ди**, а форма на **-япти** — с формой на **-ар эди**, и синонимичные формы можно заменить, однако в таком случае контекст станет типичным для обеих форм, поэтому действия не приобретают коннотацию.

6. **-са + -ади.** Форма на **-ади** синсемантическая в отношении к временным семам. В ней имеется нейтральное отношение к семам «настоящее время» и «будущее время». Она играет ассимилирующую роль в отношении к семе «реальное условие», если контекст благоприятен для семы «настоящее время»: *Шуни ўйласам кечалари кўзимдан ўйқу қочади* (О. Ёкубов «Диёнат») 'Когда я думаю об этом, мне не до сна'. В этом контексте форма на **-са** вступает в синонимическое отношение с формой на **-ганда** и ее можно заменить последней, если акт коммуникации требует выделения временной семы.

Форма на **-ади** может транспонироваться в речевые условия форм прошедшего времени, в таком случае форма на **-са** вступает в синонимическое отношение с формами прошедшего времени, в частности с формой на **-ди(ми)**, и объективно выражает семы «прошедшее время» и «реальность»: *Бирор киши гапини тамомлаб чиқса, кабина чироғи дарҳол ўчади* (П. Қодиров «Уч илдиз») 'Когда кто-нибудь, окончив свою речь, выходит, то свет кабины тотчас же гаснет'.

Функцию неблагоприятного средства по отношению к модальным семам формы на **-са** могут выполнять также формы с недостаточным глаголом экан.

7. **-са + -ган экан.** Такие контексты неблагоприятны для семы «реальное условие», так как в форме на **-ган экан** отмечены семы «реальность» и «прошедшее время», которые оказывают ассимилирующее влияние на модальную сему формы на **-са**, и она также объективно выражает данные семы: *Суриштирсам Фармонкул ҳам, хотини ҳам уруида ўлган экан* (А. Қаҳҳор «Қўшчинор чироғлари») 'Потом я выяснил, что и Фарманкул и его жена погибли на фронте'. В этом примере форму на **-са** можно заменить формой на **-ган эди** или **-ди**. Но такая замена возможна лишь в том случае, если акт коммуникации требует выделить сему «прошедшее время» (**-ган эди**) или, кроме того, и сему «абсолютность» (**-ди**).

Следует сказать, что в форме на **-ган экан** отмечена также сема «непосредственное ненаблюдение», которая не является релевантной для формы на **-са**. Однако эта сема не может оказывать ассимилирующее влияние на форму на **-са**. Это объясняется тем, что субъектом действия формы на **-са** является сам говорящий, поэтому он непосредственно наблюдает совершаемое действие, и в связи с этим форма на **-са** вступает в синонимическое отношение с теми формами, в которых отмечена сема «непосредственное наблюдение».

8. **-са + -ётган экан.** В таких контекстах под воздействием регрессивной ассимиляции со стороны соотнесенного действия форма на **-са** выражает семы «реальность» и «прошедшее время». Точнее говоря, она обозначает действие, время совершения которого совпадает с таковым в форме на **-ётган экан**: *У саройни айланиб келса, Абдухалил оморборни энди очаетган экан* (С. Ахмад «Хижрон кунлари») 'Когда он пошел, обойдя сарай, Абдухалил в это время открывал кладовую'. В этом примере форму на **-са** можно заменить формой на **-ганда**. Следовательно, данные формы — контекстуальные синонимы. Но выбор между этими синонимами обусловлен задачами коммуникативного акта. Если на первом плане находится выделение семы «прошедшее время», то употребляется форма на **-ганда**; если же — отнесенность действия, то форма на **-са**.

9. По требованию акта коммуникации придаточное предложение, сказуемое которого выражается формой на **-са**, может следовать за главным. Тогда форма на **-са** освобождается от связующей функции придаточного предложения с главным и не подвергается ассимилирующему влиянию со стороны соотнесенного действия. Помимо этого, появляется широкая возможность для выражения коннотации, то есть эмоционально-экспрессивного отношения говорящего к действию в форме на **-са**: *Қайси чиройли қиз вафо қилибдики, сен қилсанг!* (П. Қодиров «Уч илдиз») 'Какая же красавица была верной, и ты будешь такой'. В этом примере форма на **-са** транспонируется в характерную для формы на **-ади** синтаксическую позицию. В соответствии с этим сема «реальное условие» объективно подавляется, но субъективно сохраняется, придавая действию характер условности. Вместе с тем при помощи интонации выражается эмоциональное отношение говорящего к сказанному. Кроме того, форма на **-ибди** также транспонируется в типичную для формы на **-ган** синтаксическую позицию и приобретает коннотацию. Все это вместе повышает коммуникативное воздействие всего контекста.

В таких случаях сказуемое главного предложения может выражаться не формами глагола, и в этом случае еще ярче проявляется синтаксическая и семантическая автосемантичность формы на **-са**: *Ахир бу қандай отаки, иккита болам бор деб бир йўқлаб келмаса, етти йилдан бери совға-саломни билмаса* (П. Қодиров «Уч илдиз») 'И что это за отец, который ни разу не навестил двух своих детей, в течение семи лет от него ни ответа, ни подарка'. В этом примере благодаря транспозиции форма на **-са** сближается с формой на **-ади** до состояния синонима, от которого отличается лишь в коннотативном плане, то есть действие объективно является реальным и совершающимся в настоящее время, но субъективно воспринимается как условное. При замене формы на **-са** формой на **-ади** в данном контексте подобный характер действия не выражается, так как контекст является для нее типичным.

10. В сложносочиненных предложениях форма на **-са** приобретает синтаксическую самостоятельность в обоих компонентах, в соответствии с чем она перестает выполнять связующую функцию: *Э, нима бўлди, комсомол олдида шундай катта вазифа турса-ю, бизнинг Раҳимжон юрولмайдиган бўлиб ўтурса!* (А. Қаҳҳор «Сароб») 'Ну что случилось, такие огромные задачи стоят перед комсомолом, а наш Рахимджан не в состоянии даже двигаться'. В этом примере связующую функцию выполняет частица **-ю**. Хотя форма на **-ди** предшествует форме на **-са**, она не может оказывать ассимилирующее влияние на последнюю. Благодаря семантике глаголов состояния форма на **-са** вступает в синонимическое отношение с формой на **-ибди** и выражает семы «настоящее время» и «реальность». Во втором компоненте отражается также эмоциональное

отношение говорящего к действию в форме на *-са* посредством интонации.

В соответствии с требованиями акта коммуникации определенная часть второго компонента сложносочиненного предложения может не употребляться: *Ахмоқ, ярамас! Онанг шу аҳволда ётса-ю, сен...* (С. Аҳмад «Қирқ беш кун») 'Дурак! Негодяй! Мать в таком состоянии, а ты...' В этом контексте синонимичность формы на *-са* не отличается от такой в вышеприведенном примере, что объясняется образованием этой формы от глагола состояния.

Второй компонент сложносочиненного предложения может полностью отсутствовать, если акт коммуникации не требует его употребления: *Жияним шўрлик шу қишлоқни деб бир кун тиним билмаса, ҳаммаёқни обод қилса-ю...* — *Обод қилдим деб, одамларни оёқ ости қиладими?* (О. Ёқубов «Диёнат») 'Из-за этого села бедный мой племянник не знал и дня покоя, все благоустраивал, а... — Раз благоустраивал, то, значит, он может и унижать людей?' В этом примере форма на *-са* образуется не от глагола состояния, поэтому она подвергается ассимилирующему влиянию со стороны формы на *-ди* и объективно выражает семы «реальность» и «прошедшее время». Ассимиляция регрессивная и полная, поэтому создается синонимическое отношение к форме на *-ди*, но между ними существует коннотативное различие.

В качестве сказуемого первого компонента сложносочиненного предложения могут выступать формы повелительно-желательного наклонения, которые не оказывают ассимилирующего влияния на модальную сему формы на *-са*: *Қандоқ қилай, қўлимдан бошқа иш келмаса...* (А. Қаҳҳор «Синчалак») 'Ну что же мне делать, если на другую работу я не способен?' В этом примере форма на *-са* транспонируется в характерную для формы на *-ади* синтаксическую позицию и выражает семы «настоящее время» и «реальность». Здесь замена синонимичных форм допускается с различием в коннотативном плане.

11. Простое предложение также может стать неблагоприятным контекстом для модальных сем формы на *-са*: *Энди нима қилиш керак. Бу бетаъсир болага гап ўтмаса, калтак кор қилмаса!* (С. Аҳмад «Қирқ беш кун») 'Ну что теперь делать. На этого невменяемого мальчишку не действуют ни слова, ни побои'. В этом контексте форма на *-са* транспонируется в характерную для формы на *-ади* синтаксическую позицию. Поэтому она объективно выражает модальную сему «реальность», но субъективно ощущается отнесенность действия к предыдущему предложению, которое в свою очередь семантически связано с действием в форме на *-са*. Это говорит о потенциальной благоприятности данного контекста для семы «реальное условие», что еще больше чувствуется при замене местами предложений. Кроме того, постпозиция предложения с формой на *-са* создало благоприятные условия для выражения эмоционального отношения говорящего, что нашло свое отражение в интонации. При замене формы на *-са* формой на *-ади* действие не наслаивается коннотацией, так как в таком случае синтаксическая позиция для нее является типичной и действие приобретает автосемангичность, что связано с релевантной семой «абсолютность» формы на *-ади*.

12. Простое предложение чаще является неблагоприятным для семы «реальное желание», которая могла бы проявляться в благоприятном контексте. В таких случаях форма на *-са* приобретает синтаксическую самостоятельность, что обусловлено спецификой семы «реальное желание»: *Отақўзи-ку, ҳар қанча яқин бўлганда ҳам етти ёт бегона, ўз куёвига нима бўлди? Ўз куёви бир марта келиб хабар олмаса-я!*

(О. Ёкубов «Диёнат») 'Хотя Атакузы и очень близок, он все же совершенно чужой, что же случилось с его зятем? Собственный зять, а даже ни одного раза не навестил его!' В этом примере благодаря синтаксической самостоятельности отсутствует отнесенность действия формы на *-са* к действию в предыдущем предложении. Однако форма на *-са* подвергается ассимилирующему влиянию со стороны формы на *-ди*, поэтому выражает семы «реальность» и «прошедшее время». Кроме того, при выражении действия формой на *-са* с помощью частицы *-я* передается удивление говорящего, что усиливается интонацией.

В вышеприведенном примере контекст потенциально благоприятен для выражения семантической стороны семы «реальное желание». Однако под воздействием смысловой ассимиляции данная сема может подавляться и в эксплицитном выражении: *Қани энди гап уқтириб бўл-са! Чойнакни егра урди, самоварни тепиб юборди, пешонасига муш-лади, бошини сўрининг поясига уриб қонатди* (А. Қаҳҳор «Синчалак») 'Разве его вразумишь! Чайник хватил оземь, пнул самовар, по лбу бил кулаком, раскровавил свою голову о край деревянной кровати'. В этом примере семантика семы «реальное желание» подвергается регрессивной ассимиляции со стороны формы на *-ди*, поэтому форма на *-са* объективно выражает семы «реальность» и «прошедшее время». Она вступает в синонимическое отношение с формой на *-ди*, но замена ее последней без изменения структуры предложения невозможна.

Неблагоприятным для выражения модальной семы формы на *-са* может быть микроконтекст, то есть предложение, сказуемое которого выражается формой на *-са*: *Э, худо, дарди йўқ кесакка мени мунча зор қилмасанг* (С. Аҳмад «Қирқ беш кун») 'О боже! Зачем же ты мне послал такого равнодушного человека'. В этом примере форма на *-са* вследствие транспозиции, точнее под давлением лексического средства, выражает семы «реальность» и «прошедшее время» и вступает в синонимическое отношение с формой на *-ди*. Эти синонимы различаются в коннотативном плане, а также — в плане утвердительности/отрицательности. При этом субъективное отношение говорящего в них совпадает, проявляясь в виде недовольства говорящего совершающимся действием.

Как синонимическое, так и субъективное отношение может изменяться в соответствии с контекстуальными средствами: *Ажаб, бир ўт, олов, бебош бола бугун бутун халқнинг овзига тушиб ўтирса-я!* (С. Аҳмад «Қирқ беш кун») 'Просто удивительно, что сегодня о каком-то горячем, отчаянном, своевольном мальчишке говорит весь народ!' В этом примере форма на *-са* выражает «настоящее время» и «реальность», так как она образуется от глагола состояния и вступает в синонимическое отношение с формой на *-ибди*, а субъективное отношение говорящего выражено междометием, частицей и интонацией, которые отражают различные стороны удивления.

В простых предложениях, включающих слово *наҳотки*, удивление проявляется несколько иначе: *Наҳотки Гавҳар қадимги дунё тарихининг шундай машҳур жойларини ҳам яхши билмаса?* (П. Қодиров «Уч ил-диз») 'Неужели Гавхар не знает такие известные факты истории древнего мира?' В этом примере контекст благоприятен для временной семы формы на *-са*, поэтому в ней проявляется сема «настоящее время», но нет условий для выражения модальной семы, поэтому выступает сема «реальность», что сближает ее с формой на *-ади*.

Нейтрализация модальной семы формы на *-са* может быть внутрен-

не обусловленной⁸, то есть обусловленной лексическим значением глагола, от которого образуется форма на *-са*: — *Замира, ё мени ёмон кўрасизми? Айтинг!* — *Билмасам — деди Замира зўрға эшитарли қилиб* (П. Қодиров. «Уч илдиш») — *Замира, вы меня не любите? Скажите!* — *Не знаю, — чуть слышно ответила Замира*. В этом контексте глагол неопределенный⁹ и поэтому в форме на *-са* проявляются семы «настоящее время» и «реальность». Употребление формы на *-са* в данном контексте объясняется требованием акта коммуникации придать действию оттенок нерешительности, неуверенности. В противном случае появляется форма на *-ади*.

Неблагоприятное средство может составлять одно сочетание с формой на *-са*, к которым относится *-са + керак*¹⁰. Для этого сочетания характерны грамматический идиоматизм¹¹, проявляющийся в устойчивости его компонентов; общее значение сочетания не складывается из суммы значений его компонентов. Данное сочетание выражает сему «предположение», то есть говорящий предполагает совершение действия в форме на *-са*: *Мен Наймандан энди соат бирларда қайтсам керак* (А. Қаҳҳор «Қўшчинор чироглари») — *Я вернусь с Наймана, вероятно, в час ночи*. В этом контексте сочетание *-са + керак* находится в 1-м лице и вступает в синонимическое отношение с формой на *-ар*, что характерно и для 2-го лица: *Ўзингиз ҳам билсангиз керак* (А. Қаҳҳор «Синчалак») — *Вы, наверное, и сами знаете?*

В 3-м лице *-са + керак* обычно является контекстуальным синонимом сочетаний *-га + ўхшайди* или *менингча + ади*: *Шу боришда бизнинг факультет охириги ўринда қолиб кетса керак* (П. Қодиров «Уч илдиш») — *Если так будет продолжаться, то, очевидно, наш факультет останется на последнем месте*.

В соответствии с требованием акта коммуникации источник предположения может уточняться лексически: *Менингча, у сизни ёмон кўрмаса керак* (А. Қаҳҳор «Сароб») — *По-моему, он к вам относится совсем неплохо*. В этом контексте *-са + керак* может быть заменена формой на *-ади*.

В таких контекстах употребляются также модальные слова типа *албатта*, которые указывают на уверенность говорящего в предположении, выраженном сочетанием *-са + керак*: *Албатта келса керак* (А. Қаҳҳор «Сароб») — *Наверняка он придет*.

13. Во 2-м лице вследствие транспозиции, то есть под воздействием лексических средств, нейтрализуется модальная сема формы на *-са* и выражается сема «побуждение». В этом лице в форме на *-са* содержится общая сема с формами императива. Это — сема «непосредственное обращение к слушающему». Кроме того, отношения к временным семам также идентичны. Все это служит основой для сближения данных форм до синонимичных: *Жавоб берсанг-чи!* (А. Қаҳҳор «Даҳшат») — *Ответьте!* Таким образом, побуждение выражается при помощи частицы *-чи*. В таких контекстах «с точки зрения говорящего субъект затягивает совершение действия»¹², потому говорящий торопит совершить его. Следовательно, сема «побуждение» проявляется в виде настойчивого уговаривания.

⁸ Е. И. Шендельс. Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970, стр. 17.

⁹ С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка. Л., 1959.

¹⁰ О других сочетаниях подобного рода см.: «Ҳозирги замон ўзбек тили». Тошкент, 1957, стр. 424.

¹¹ О. И. Москальская. Грамматический идиоматизм и синтагматика. — Сб. «Иностранные языки в высшей школе», вып. 1, М., 1962.

¹² А. Аҳмедов. Ўзбек тилида гапнинг коммуникатив турлари. Тошкент. 1979, стр. 150.

При помощи лексических средств побуждение может смягчаться, то есть проявляться в виде просьбы: *Турсунбой, болагинам, турсанг-чи, понуштанг совиб қолди* (С. Аҳмад «Қирқ беш кун») 'Турсунбай, сынок, встань же, завтрак остыл'.

Смягченное побуждение может выражаться и другими средствами: *Узингиз билмасдан туриб хато қилиб қўймасангиз деб қўрқаман...* (О. Еқубов «Диёнат») 'Боюсь, как бы вы, сами того не ведая, не совершили бы ошибки'. В этом контексте *деб қўрқаман* смягчает побуждение. Подобные средства служат для сближения формы на *-са* с формами побудительно-желательного наклонения и в 3-м лице. Но в таких контекстах отчетливо выражается желание говорящего: *Боламни бир бало қилиб қўймасалар деб қўрқаялман* (С. Аҳмад «Қирқ беш кун») 'Боюсь, как бы чего не случилось с моим сыном'.

Форма на -ган бўлса. Для этой формы релевантны семы «реальное условие», «прошедшее время» и «перфектность». Две первые семы маркированы в форме на *-ган бўлса*, выражение же последней — ограничено. Следует учитывать, что под воздействием контекста временная и модальная семы могут нейтрализоваться.

Временная сема подавляется под воздействием лексических особенностей глаголов. Этими особенностями обладают глаголы состояния и некоторые другие: *Бу тўғрида мен сиздан кўпроқ ўйлаб юрган бўлсам нима дейсиз? — деди* (А. Ҳаҳҳор «Қўшчинор чироғлари») 'А, может быть, я об этом думаю больше вас? — сказал он'. В этом контексте вместо нейтрализованной семы «прошедшее время» выступает сема «настоящее время». Сема «перфектность» не проявляется, тогда как сема «реальное условие» полностью реализуется.

Модальная сема нейтрализуется под воздействием специальных лексических и грамматических средств, к которым относятся относительные местоимения и наречия в сложном предложении, потенциальные модальные слова, слова типа *керак, наҳотки*, формы прошедшего времени изъявительного наклонения и некоторые другие. В таких контекстах релевантная временная сема не подавляется, а характер и коннотация нейтрализованной модальной семы не отличается от таковых в форме на *-са*, поэтому на них не будем останавливаться.

Форма на -ётган бўлса. В этой форме маркированы семы «реальное условие», «настоящее время» и «длительность». Первые две семы могут нейтрализоваться под влиянием относительных местоимений или наречий: *Гапини қандай гапирётган бўлса ўшандоқ давом эттирди* (С. Аҳмад «Уфқ бўсағасида») 'Как он говорил, так и продолжал'. В этом контексте форма на *-ётган бўлса* подвергается ассимилирующему влиянию со стороны формы на *-ди* и выражает семы «прошедшее время» и «реальность». Сема «длительность» сохраняется, а сема «реальное условие» подавляется, но ее синтаксическая сторона остается, что определяет объем контекста. Вследствие этого форма на *-ётган бўлса* вступает в синонимические отношения с формами прошедшего времени изъявительного наклонения, но субституция синонимичных форм невозможна из-за семантики относительных слов.

В сочетании *-ётган бўлса + керак* модальная сема нейтрализуется, сохраняя свою синтаксическую сущность: *Узоқдан жадал келаетган бўлса керак, терлаб яктагининг елкалари ҳўл бўлиб кетган эди* (С. Аҳмад «Қирқ беш кун») 'Вероятно, он быстро шел издали — весь вспотел, спина его была мокрой'.

Под влиянием акта коммуникации модальная сема может и терять свою синтаксическую сущность. Тогда форма на *-ётган бўлса* высту-

пает в качестве сказуемого простого предложения: *Улар ўз болаларини фронтга жўнатаётган бўлсалар керак* (С. Аҳмад «Хижрон кунлари») 'Они, вероятно, отправляют своих детей на фронт'.

Если в контексте имеются слова типа *наҳотки*, то нейтрализуется и сема «реальное условие», что приводит к возникновению синонимических отношений с формами настоящего времени изъявительного наклонения. Эти синонимы различаются по степени коннотации: *Нега ҳамма-ни хонавайрон қиляпти? Наҳотки, ҳеч ким кўрмаётган бўлса?!* (Ҳ. Усманов «Сирли соҳил») 'Почему он всех разоряет? Неужели никто не видит?'.

Таким образом, существуют контекстуальные синонимические отношения трех форм условно-желательного наклонения с формами изъявительного, повелительно-желательного наклонений и с формой *на-ганда*, чему способствуют смысловая ассимиляция, лексические, лексико-грамматические средства, а также семантика некоторых глаголов. Одни синонимичные формы различаются друг от друга в коннотативном отношении, другие еще и в синтаксическом плане, в зависимости от требований коммуникативного акта, сводящихся к выделению определенных сем, повышению коммуникативного эффекта действия (или контекста), приданию действию оттенка нерешительности, неуверенности и т. д. Большинство синонимичных форм взаимозаменяемы, а некоторые из них требуют при замене изменения в структуре предложения. Вместе с тем имеются синонимичные формы, субституция которых невозможна из-за характера семантики относительных слов или других лексических средств в контексте.

Ю. В. ЩЕКА

СМЕЩЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В ТУРЕЦКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В турецкой разговорной речи весьма широко распространено так называемое явление смещения значения глагольных грамматических форм. Под таким смещением понимаются случаи употребления формы не в обычном, присущем ей значении, а в других значениях, как правило, не входящих в нее в рамках основного ядра языковой системы. Термин «смещение значения» (*anlam kayması*) используется некоторыми турецкими лингвистами. Так, в грамматике турецкого языка К. Демирая приводятся такие примеры смещения значения времени и наклонения: 29 ekim 1923' te Cumhuriyet ilân edilir (*ilân edildi yerine*) '29 октября 1923 года объявляется Республика' (вместо «была объявлена»); Keloğlan değirmeni alıyör, annesine gidiyör (*almış, gitmiş anlamında*) 'Кельоглан берет (ручную) мельницу, идет к матери' (в значении «взял», «пошел»); Kardeşim yarın oraya gidiyör (*gidecek anlamında*) 'Мой брат завтра туда идет' (в значении «пойдет»); Elbiseni kirlletmeyeceksin (*kirlletme yerine*) 'Ты не будешь пачкать платье' (вместо «не пачкай»)¹. Однако турецкие языковеды, анализируя рассматриваемое явление, не проводят различия между глагольными формами и значениями, зафиксированными за ними в рамках основного ядра языковой системы, и теми значениями, которые появляются у них как у единиц, принадлежащих периферийной части этой системы, составляющей особенности той или иной функциональной разновидности литературного языка. Значения времени и наклонения в приведенных выше примерах зафиксированы в грамматиках как варианты возможных употреблений, широко распространенных во всех типах речи, то есть данные значения имеются у этих форм в рамках нейтрального, основного ядра языковой системы.

Смещение значения в турецкой разговорной речи (как функциональной разновидности литературного турецкого языка) очень часто встречается на уровне различных категорий глагола, таких, как наклонение, время, число, лицо; например: (смещение значения наклонения) *Gider, bir yerlerde bizim için olmadık sözler söyler, haydi başına yeni belâlâr al* (= *alıyorsun işte*) [7, с. 117] 'Пойдет, скажет кое-где о нас то, чего не было, вот и получай беду на голову!'; (смещение значения времени) *Çolak kör oldun mı yaşıadın* (= *(iyi) yaşayacaksın*) [6, с. 147] 'Стоит тебе получить увечье или ослепнуть, вот тогда и заживешь!'; (смеще-

¹ К. Demiray. Temel dilbilgisi, II, İstanbul, 1968, стр. 25.

ние значения числа) *Kimden korkacağımız!* (= *korkacağım*) [9, с. 97] 'Кого это я боюсь!' ('= Я никого не боюсь'); (смещение значения лица) *Hızlı gidiyorum... Boş ver!* (= *vereyim*) [5, с. 123] (Здесь) 'Я слишком расхожусь... Да не обращай внимания!' (обращаясь сам к себе).

Задачей настоящей статьи является описание и анализ некоторых наиболее употребительных случаев смещения значения глагольных грамматических форм, составляющих особенность турецкой разговорной речи.

Поскольку смещенное значение грамматической формы (как правило) не фиксируется в грамматиках и наблюдается лишь в речи при определенных условиях, возникает вопрос: не следует ли считать это явление чисто речевым, случайным, не обладающим какими-либо закономерностями? Или, может быть, смещенное значение все-таки каким-то образом закреплено за данной формой, но остается до последнего времени незафиксированным, неизученным. На наш взгляд, единственно правильным является второе предположение с учетом следующих общих обстоятельств.

С точки зрения речевых условий и экстралингвистических факторов под разговорной речью понимается, как известно, устная (в подавляющем большинстве случаев), преимущественно диалогическая и эмоционально окрашенная, ситуативно обусловленная речь носителей литературного языка в условиях непринужденного (неофициального) общения. В лингвистическом отношении разговорная речь является воплощением в речи основного (нейтрального) ядра языковой системы (этим объясняется все то общее, что объединяет ее с другой важнейшей разновидностью литературного языка — речью письменной), а также определенной периферийной части этой системы (с функционированием которой связаны все отличительные особенности разговорной речи). Элементы указанной периферийной части языковой системы с точки зрения их формы и значения могут строиться следующими двумя способами: 1) особая (встречающаяся лишь в разговорной речи) форма, выражающая присущие разговорной речи оттенки значений, например: Он *юрк* в щель (особая глагольно-междометная форма в функции сказуемого)²; 2) грамматическая форма, встречающаяся во всех типах речи (принадлежащая основному ядру системы), но имеющая в сфере разговорной речи особое, присущее лишь ей значение, например: «Пойдете на рынок и купите смородины»; «В восемь поужинаешь и ляжешь, хорошо?» (императивное значение формы 2-го лица единственного и множественного числа совершенного вида будущего времени изъявительного наклонения)³; «Они всегда все перепутают!» (форма будущего времени в ахроническом значении)⁴.

В свете сказанного на поставленный выше вопрос следует ответить так: смещение значения различных категориальных форм глагола, составляющее особенность турецкой разговорной речи, означает, что данная форма не имеет рассматриваемого в настоящей статье смещенного значения в рамках основного ядра языковой системы. Вместе с тем в рамках периферийной части этой системы, обслуживающей только сферу разговорной речи, данная форма этими дополнительными значениями обладает. До последнего времени эти дополнительные значения категориальных форм турецкого глагола, как и другие особенности турецкой разговорной речи, оставались неизученными.

² «Русская разговорная речь», М., 1983, стр. 85.

³ Там же, стр. 133.

⁴ Там же, стр. 119.

В подавляющем большинстве случаев смещенное в разговорной речи значение глагольных форм сопровождается выражением экспрессии, различных эмоциональных и модальных значений. При этом смещение значения воспринимается как расхождение между планом выражения и планом содержания и становится тем самым, наряду с соответствующей интонацией, одним из главных элементов механизма выражения экспрессии в разговорной речи. Иногда рассматриваемые здесь виды смещения значения накладываются на имеющееся во фразе смещение значения аспекта (утверждения или отрицания — так называемые аспектно-экспрессивные трансформации⁵), что служит обычно для усиления экспрессии.

1. Смещение значения наклонения. 1) **Повелительное наклонение** (повелительно-желательное наклонение с парадигмой: уарауım, уар, уаршн, уаралım, уарш, уаршнлар) в турецкой разговорной речи может выражать реальное действие в настоящем, прошедшем и (реже) будущем (то есть передавать значения изъявительного наклонения). В этом случае глагол может стоять в любом лице и числе (чаще во 2-м лице единственного числа или в 3-м лице единственного и множественного числа) и выражает ряд дополнительных нюансов характера протекающего действия и (или) экспрессивно-эмоциональных оттенков.

а) **Интенсивность, продолжительность или внезапность** действия, как правило, подчеркивается употреблением слова *bir*, относящимся к глаголу: *Karılar, ... üzerine biir yürüsünler, ... üzerine bir çullansınlar!* (= *yürüdüler, çullandılar*) [6, с. 148] 'Женщины как наскочили на него, как навалились!'; *Hoca da tabii sınıfın birincisini kaldırmış. Ona rağmen çocuk bir şaşırsın, bir bocalasın!* (= *birdenbire çok şaşırdı, bocaladı*) [9, с. 276]: 'Учитель, конечно, спросил лучшего в классе. Несмотря на это, ученик вдруг так растерялся, так начал запинаться!'; *O halim selim, namazında niyazında hatun kişi on dakikanın içinde bir ifritleşsin, bir şirretleşsin* (= *beklenmedik bir surette çok ifritleşti, şirretleşti*) [9, с. 129] 'Эта мягкосердечная, набожная госпожа за (какие-то) десять минут вдруг пришла в такое бешенство, так раскричалась!'

В приведенных примерах интенсивность и внезапность действия, а также экспрессия подчеркиваются употреблением пары близких по значению глаголов.

Очень часто значение интенсивности или продолжительности действия подчеркивается употреблением разговорных предикативных конструкций, построенных на повторе глагола и использовании фиксированных (неизменных) элементов: *Işın tuhafı, sırf lâf olsun diye, sırf onu avutmak için şöylediğim sözler bana şimdi bir dokunsun, bir dokunsun!* (= *çok dokunuyor*) [9, с. 325] 'Самое странное, что слова, которые я сказал просто так, только чтоб его позабавить, так меня теперь растрогали, что дальше некуда!'; *Uğraş uğraş, sırtında yok başında yok* (= *çok uğraşıyorum*) [8, с. 431] 'Работаю да работаю, а все голый хожу!'; *Berber iskemlesine oturdum. Bir bekle beş bekle* (= *uzun zaman bekliyorum*) [4, с. 302] 'Я сел на скамейку парикмахера. Вот теперь жди да жди!'; *On para etmez sorunlarla uğraş babam uğraş!* (= *çok uğraşıyorum*) [1, с. 40] 'Вот и занимайся делами, которые выведенного яйца не стоят!'; *İkisi ortasında ezil babam ezil* (= *çok eziliyorum*) [2, с. 100] 'Вот и притесняют нас во всю с обеих сторон!'

Как видно из приведенных примеров, употребление 2-го лица единственного числа обычно сопровождается смещением значения лица (2-е

⁵ Ю. В. Щека. Аспектно-экспрессивные трансформации в турецкой разговорной речи. — «Советская тюркология», 1982, № 3, стр. 63.

лицо выражает фактически 1-е лицо единственного числа). В 3-м лице единственного и множественного числа подобное явление не наблюдается.

б) **Оттенок возмущения** говорящего в связи с действием, выраженным глаголом. В этих случаях глагол употребляется без *bir*, повторов или других средств дополнительного усиления экспрессии: *Hem bana karşı gelin, hem de sizin hastalığınızı ilâcınızı ben düşüneceğim!* (= *ge-liyorsunuz*) [2, с. 129] 'Вы и против меня выступаете, и еще хотите, чтоб я думала о вашей болезни, лекарствах!'; *Tâ Bulgarıya'dan bugaya sürgün gelsin de bize akıl öğretsin!* (= *geldi, öğretiyor*) [1, с. 81] 'Приехал сюда в ссылку из самой Болгарии да еще учит нас уму разуму!'; *Benim hayırsız evlâdım beni bu ihtiyaç halimde bırakıp kaçsın!* (= *kaçtı*) [9, с. 9] 'Надо же, (чтоб) мой неудачливый сын бросил меня на старости лет да сбежал!'; *Yedi köyün karısı... lâfımızı edecek. Düşmanlar önümüzde kasılıp geçsin.* *Bizim boynumuz eğri* (= *kasılıp geçecek*) [8, с. 513] 'Во всех деревнях женщины будут судачить о нас. Враги будут горделиво проходить мимо (нас). А мы (будем вечно) с опущенной головой'. Здесь *geçsin* выражает действие в будущем.

В рассматриваемом случае возможно употребление глагола *olmak*: — *Dargın filan değiliz...* — *Yok bir de dargın ol! Dargın değilmiş, lafa bak* (= *bir de dargınsın!*) [6, с. 127] '— Мы вовсе не обижаемся... — Ах, ты еще и обижаться можешь! Смотри-ка, он, видите ли, не обижается!'

Оттенок возмущения иногда может выражаться одновременно со значением интенсивности, продолжительности действия: *Günde yirmi saat çalış!* (= *çalışıyorum*) [2, с. 161] 'Вот и работай в день по двадцать часов!'

Возможно употребление глагола в отрицательной форме (и в значении отрицания), а также в форме невозможности: *Liseyi, ortayı, hattâ ilki olsun bitireme, sonra da geç karşıma bana cart curt et!* (= *bitiremedin, geçiyorsun, ...ediyorsun*) [6, с. 134] 'Смотри-ка, не сумел окончить ни лица, ни средней, ни даже начальной школы, а тут передо мной (еще) чего-то ворчит!'

в) **Оттенок удивления**: *Fiziğin bu kadar geliştiği bir zamanda böyle bir oransızlık bulunsun* (= *bulunuyor*) [1, с. 53] 'Надо же, в век такого развития физики наблюдается такая диспропорция!'; *Eski bir battaniye beni böyle içlendirsin* (= *içlendiriyor*) [7, с. 51] 'И надо же, чтобы старое одеяло меня так растрогало!'; *Öyle efendi babanın çocuğu böyle soysuz çıksın* (= *çıktı*) [9, с. 252] 'У такого благородного отца да такой подлый сын!'

К примерам, приведенным выше, можно добавить следующие два, где рассматриваемое смещение значения наблюдается в 1-м лице единственного и множественного числа: *...yüzünü bir açtım, ne açayım? Çındır çıldır bakıyor* (= *ve ne açtım, ne gördüm!*) [6, с. 53] 'Открыла я ей лицо и что же вижу! Смотрит живыми глазенками!'; *Hele dur, şu sürgün bitsin de İstanbul'a varalım* (= *bittiği zaman, = varacağım*) [7, с. 70] 'Подожди, вот кончится эта ссылка, да как приеду я в Стамбул!' В этом примере выражается оттенок нетерпения.

Отдельно следует рассмотреть случаи, когда смещение значения повелительного наклонения сочетается во фразе со смещением аспектного значения (отрицательная или вопросительно-отрицательная формы в значении утверждения, утвердительная форма в значении отрицания и др.).

а) Вопросительно-отрицательная форма глагола в повелительном наклонении может выражать внезапность реального действия, произо-

шедшего в прошлом, или удивление говорящего в связи с этим действием: *Biz içerde konuşurken yağmur çiselemeğe başlamasın mı?* (= *bir-den bire başladı*) [1, с. 41] 'Пока мы разговаривали в помещении, взял да и пошел дождь'; *Şuradan mı, buradan mı tanışıyoruz derken, okul arkadaşları çıkmayalım mı?* (= *çıkık işte*) [7, с. 74] 'Мы все думали, откуда мы знаем друг друга — так оказалось, что мы школьные друзья!'; *Bir tanidik görsem deyip dururken, Şazi'yi görmeyeyim mi?* (= *gördüm işte*) [7, с. 26] 'Я все думал, как бы хорошо встретить знакомого — и (вдруг) увидел Шази!'

Сходными с указанными являются случаи, когда вопрос выражается вопросительным местоимением; при этом передается обычно экспрессивно подчеркнутое утверждение: — *Siz bana güvenmiyorsunuz. — Neden güvenmeyelim!* (= *güveniyorum işte*) [7, с. 118] '— Вы мне не доверяете. — Почему, доверяю! (С чего бы это мне тебе не доверять?)'; *Nasıl şaşırmayayım ki!* (= *çok şaşırdım*) [6, с. 87] 'Как же мне не удивляться!'; — *(Bunu) sokakta bulabilir miyim acaba? — Niçin olmasın! İstanbul bu!* (= *olur işte*) [5, с. 137] '— Интересно, могу я (это) найти на улице? — (А) почему бы нет! Это же Стамбул!'

б) Отрицательная форма глагола в повелительном наклонении также может выражать экспрессивно подчеркнутое утверждение действия в настоящем или прошлом: *Film yıldızı dans bilmesin! Olur mu böyle şey!* (= *biliyor elbet*) [2, с. 239] 'Чтобы кинозвезда не умела танцевать! Разве такое бывает?'; *(Her tarafta) asetilen tozları... Sen gel de verem olma* (= *işte herkes verem olur*) [2, с. 137] 'В воздухе полно ацетилена... Ну как тут не заболеть туберкулезом!'

Рассматриваемая форма может также выражать опасение говорящего в связи с возможностью совершения действия: *O senin dediğin başka kız olmasın!* (= *olabilir*) [7, с. 48] 'А что если эта девушка, о которой ты говоришь, не та?'

в) Утвердительная форма глагола в повелительном наклонении в тех случаях, когда имеется относящееся к этому глаголу вопросительное местоимение, может иметь значение экспрессивно подчеркнутого отрицания реального действия: *Bir sürgüne bir kadın ne diye içki ısmarlasın.* (= *hiç ısmarlamaz*) [7, с. 80] 'С какой стати женщина будет заказывать спиртное ссыльному!'; — *Sabriye neden düşmanlığa laf söylesin!* (= *söyemez ya!*) [8, с. 406] 'Зачем Сабрие будет сеять вражду!'; *(Onlar çocuğun) yarım yamalak karnını doldurduğunu ne bilsinler!* (= *bilmiyorlar elbet*) [2, с. 242] 'Откуда же им знать, что ребенок полуголодный!'; — *Siz yalnız düşünüyorsunuz! — Niye? Niçin yalnız düşünelim!* (= *hiç yalnız düşünmüyorum*) [6, с. 79] '— Вы неправильно думаете! — Почему? С какой стати я буду думать неправильно?'

Вопрос может быть выражен и при помощи вопросительной частицы *mi*: *Yeğenini el içinde yalın ayak mı gezdirdin?* (= *gezdirmez*) [8, с. 374] 'Разве он будет водить при всех племянника босоногим!'

Иногда указанное условие о наличии во фразе вопросительного местоимения или частицы *mi* не является обязательным, тогда утвердительная форма глагола в повелительном наклонении может выражать невозможность совершения действия: *Artık işin yoksa başından geçenleri anlat dur* (= *anlatamazsın*) [7, с. 116] 'Вот и попробуй, если тебе делать нечего, рассказать, что с тобой произошло!'

2. Повелительное наклонение в турецкой разговорной речи может выражать условие, выполнение которого необходимо для совершения действия, выраженного глагольным сказуемым главного предложения.

Обычно в рассматриваемом случае близкое значение может быть передано формой условной модальности. При этом условная модальность выражает идею условия в нейтральной форме, а соответствующее смещенное значение повелительного наклонения — в повышенно экспрессивной форме: *Sephe iktidarı hele bir yıkılsın, faşolardan, komandalardan ses kalır mı, görürsün!* (= *yıkılırsa*) [10] 'Вот пусть только командование фронта будет свергнуто, так увидишь, останется ли хоть след от фашистов и командос!'; *Hele bir defa oku biter de listersen ömrünü ...avarelikle geçir* (= *okursan, bitirirsen*) [1, с. 20] 'Только закончи (институт), потом, если хочешь, можешь весь свой век бездельничать'.

Как видно из этих примеров, экспрессия подчеркивается употреблением слов *hele* и *bir*. Их употребление для рассматриваемого случая не является обязательным, однако экспрессия обычно подчеркивается каким-нибудь другим дополнительным средством, например, повтором глагола в повелительном наклонении или употреблением пары близких по значению (в данном контексте) глаголов: *Yedi buçuk versin, beş versin, ayda uyar 150 lira* (= *verirse*) [5, с. 126] 'Ну пусть (даже если) даст семь с половиной или пять, то в месяц это составит 150 лир'; *Hırsızlığı kendi kendine hakaret sayardı. İsterse kimse duymasın, kokusu çıkmazsa, kendi biliyordu ya* (= *duymazsa, çıkmazsa bile*) [5, с. 156] 'Он считал воровство оскорблением для себя. Если даже никто не услышит, не пронюхает, все равно он же сам будет знать об этом'.

3. Условное наклонение может передавать идею приказа, просьбы или желания (значения, выражаемые обычно глаголом в повелительном наклонении). В грамматиках турецкого языка эти случаи зафиксированы, однако с определенными ограничениями. Так, в грамматике А. Н. Кононова они ограничиваются отрицательной формой, а также 1-м и 3-м лицом множественного числа: *уармасалар-уармасınлар, güğültü etmesek-etmiyelim*)⁶. Для разговорной речи эти ограничения можно снять, то есть данное смещенное значение условного наклонения наблюдается у глаголов в утвердительной форме, а также во всех лицах и числах: *Yerlerini şaşırmışlar, bu marifetlerini ringte gösterecekler de bayrağı göndere çecktirseler ya... Neredel!* (= *gösterecekler, çecktirecekler*) [11]. 'Они спутали, где находятся. Вот показали бы они свое умение на ринге да восславили бы (национальный) флаг... Да где там!'; *Yedi ceddine yeter de artar bu para... Biraz da işçinin karnını doyursan ya!* (= *doyur*) [2, с. 131] 'Денег этих ему хватит на целых семь поколений... Дал бы хоть немного рабочим!'; *İçimden bir uyusam diyorum, bir uyusam* (= *çok uyumak istiyorum*) [7, с. 73] 'Про себя я все говорю заснуть бы мне, заснуть бы!'; *Gardaki saatin kocaman yelkovanına asılısam, onu durdurabilsem. Şu tren kalkmasa* (= *asılardım, durdurardım, kalkmasın*) [2, с. 268] 'Повиснуть бы мне на огромной стрелке вокзальных часов, остановить бы их. Пусть этот поезд (совсем) не отправился бы!'

Как видно из приведенных примеров, данное смещение значения наклонения также служит выражению сильной экспрессии, которая может передаваться как без каких-либо дополнительных средств, так и с помощью повторов, частицы *ya*, *bir* и т. д.

В приведенных примерах глагол стоял в форме настоящего времени условного наклонения, однако возможна и форма прошедшего времени условного наклонения: *Nevesanı öyle arttı ki, sayacak hale geldi. Keşke uyarınsaydı* (= *uyarındı*) [5, с. 170] 'Он так разволновался, что готов был уже отступить. Если б только он этого не делал!'

⁶ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 220.

Рассматриваемое смещение значения наклонения, помимо перечисленных, может передавать также экспрессивно окрашенное значение опасения говорящего, что действие может совершиться: *Kadıncağıza bir şey yapmasa bari* (= *yapmasın*) [5, с. 179] 'Как бы он не сделал чего бедной женщине!'; *Allah vere de bir koku çıkmasa da ekmeğimizden olmasak* (= *çıkmasin, olmayalım*) [6, с. 66] 'Дай бог, чтобы никто не пронюхал, да чтоб мы не лишились работы'.

Если глагол стоит в вопросительной форме 1-го лица единственного или множественного числа, то рассматриваемое смещенное значение наклонения обычно бывает связано с передачей идеи сомнения: *Kaçır gitsem mi İstanbul'a!* (= *gideyim mi?*) [7, с. 93] 'Сбежать да уехать что-ли в Стамбул!'; *Durun ağalar, ben o söylediğinizin iki katını yerim diye ortaya çıksam mı* (= *çıkaım mı*) [7, с. 71] 'Подождите, господа, я съем в два раза больше того, что вы говорите! Может, мне подойти к ним с такими словами?'.

Для усиления экспрессии может употребляться конструкция с повтором: *Girsem mi girmesem mi?* (= *gireyim mi*) [8, с. 283] 'Войти мне или не войти?'.

Наблюдающиеся в турецкой разговорной речи виды смещения значения наклонения не исчерпываются рассмотренными случаями. Так, как известно, будущее категорическое время изъявительного наклонения может выражать долженствование, вопросительная форма прошедшего категорического времени изъявительного наклонения выражает иногда условие и др. Например: *Ev kadını dediğin... her şeyden önce temiz olacak, evine gelenlerin gözü gönlü açılacak* (= *olmalı, açılmalı*) [6, с. 52] 'Женщина, называемая домохозяйкой, ...должна быть прежде всего опрятной, всем, кто приходит в ее дом, должно быть приятно'; *Elini çabuk tutacaksın* (= *tutmalısın* или *tut*) [8, с. 267] 'Тебе нужно поторопливаться'; *Elini çabuk tutacaksın. Tutmadın mı yandık ki nasıl!* (= *tutmazsan*) [8, с. 267] 'Тебе нужно поторопливаться. Если не поторопишься, то мы пропали, да еще как!'; *İnsan aç oldu mu, büsbütün uyuyamıyor* (= *olursa*) [7, с. 106] 'Если ты голоден, так совсем невозможно заснуть'.

II. Смещение значения времени. 1) **Будущее категорическое время** в разговорной речи может обозначать действие в настоящем и связанные с ним сильные экспрессивно-эмоциональные оттенки возмущения, неудовлетворенности говорящего: *İki çuval samana tamah etti, bu benim kocam olacak!* (= *dır*) [8, с. 484] 'Пожалел два мешка сена, и это еще мой муж!'; *Yahu bu kadın bir de öğretmen olacak!* (= *öğretmendir, öğretmen olamaz*) [7, с. 76] 'Ничего себе, и эта женщина еще является учительницей!'; *Çok iyi doğrusu! Herhangi bir kimse sana bir şey teklif etse terk etmeyeceksin demek, hayret bile etmeyeceksin, hemen kabul edeceksin!* (= *hayret etmiyorsun, kabul ediyorsun 'с возмущением'*) [12] 'Ничего себе! Выходит, кто тебе что ни предложи, так ты этого не пропустишь, даже не удивишься, а тут же принимаешь (подарок)'.

2) **Настоящее-будущее время** в вопросительно-отрицательной форме часто употребляется для обозначения действия, совершенного в прошлом. Это смещение значения настоящего-будущего времени служит для выражения неожиданности свершившегося действия или удивления говорящего в связи с этим действием: *Eriş ya Hazreti Hızır diye feryat ederken, kapı çalınmaz mı?* (= *birden bire çalındı*) [7, с. 106] 'Когда мы уже были готовы звать на помощь ангела-спасителя, в дверь вдруг постучали'; *Doktora teşekkür edecek yerde, ne dese iyi? Allah hekime bırakmasın. En iyinizin de yüzünü şeytan görsün demez mi!* (= *dedi*) [3, с. 70]

‘И что вы думаете он заявил вместо благодарности врачу? Взял да сказал, что не дай бог попасть в руки врачей. Пусть, мол, самый лучший из вас (врачей) идет к черту!’; (Bir ay geçmeden) eli bôğründe *çıkagelmez mi!* (= *çıkageldi*) [9, с. 316] ‘(Не прошло и месяца как) он опять вдруг явился с протянутой рукой!’.

Для рассматриваемого смещения значения времени существенным является и одновременное смещение аспектного значения (вопросительно-отрицательная форма в значении подчеркнутого утверждения). Следует отличать, однако, употребление вопросительно-отрицательной формы настоящего-будущего времени **только** в качестве аспектно-экспрессивной трансформации, то есть лишь для выражения экспрессивно подчеркнутого утверждения без каких-либо других оттенков (и, в частности, без оттенка неожиданности совершения действия): — Ağrısı mı essahtan? — Ağmaz mı! (= ağrısı elbet) [8, с. 404] ‘— Что, правда больно? — Конечно!’.

III. Смещение значения числа. В турецкой разговорной речи часто наблюдается явление смещения значения числа, т. е. случаи, когда формальный показатель единственного или множественного числа выражает фактически соответственно множественное или единственное число. Известно, что форма 3-го лица единственного числа как в письменной, так и в разговорной речи может одинаково передавать значения как единственного, так и множественного числа. При этом сочетание рассматриваемой формы с субъектом во множественном числе не связано с выражением какой-либо экспрессии.

Типичным и самым распространенным в разговорной речи случаем смещения значения числа является употребление формы множественного числа 1-го лица в значении 1-го лица единственного числа. Это смещение значения служит для выражения различных эмоциональных нюансов, таких, как сильное желание, возмущение, раздраженность и т. д.: Bir sabahı *etsek* kolay! (= *etsem*) [7, с. 106] ‘Лишь бы мне дождаться утра!’; Yok *mok dedikse* yutmiyor! (= *dedimse*) [7, с. 119] ‘Хоть я (ему) и говорил, мол, нет и прочее — не верит!’; — Yesene Mustafa! — *Yiyoruz*, allah allah! (= *yiyorum*) [8, с. 398] ‘— Поел бы, Мустафа! — Бог мой! Я же ем!’; Çeşme sokağı, *anladık*, ya, çeşmesi hanı bunun? (= *anladım*) [2, с. 192] ‘Ну понятно, что (это) улица Чешме (‘источник’), но где же здесь источник?’; «...sen üşüdün mü a canım?» demez. «Karnın aç mı? Kahve pişireyim mi?» demez. Ilgaz’dan *geliyoruz* alçak! (= *geliyorum*) [8, с. 382] ‘...Не скажет, замерз ли ты, дорогой! Не спросит, голоден ли ты, приготовить ли тебе кофе! Ведь я же еду из Илгаза, глупая!’.

Рассматриваемое явление может встретиться и просто в экспрессивно окрашенной речи (без выражения какого-либо определенного эмоционального нюанса): O kadarlığını uyar *bize*. (= *bana*) [7, с. 54] ‘Ну уж эту малость он для меня сделает’.

Очень часто 1-е лицо множественного числа в значении 1-го лица единственного числа употребляется вместе с различными разговорными предикативными конструкциями: Hay Allah ne *etsek* de oğlanı başımızdan *savsak!* (= *etsem*, başımdan *savsam*) [7, с. 120] ‘Дай нам бог как-нибудь избавиться от (этого) парня!’; (Senin) uğru *öldük* de yeniden *dirildik!* (= *öldüm*, *dirildim*) [8, с. 432] ‘Сколько я трудностей вынес ради тебя!’; *Bekleriz bekleriz* gitmez (= *beklerim*) [7, с. 119] ‘Жду, жду, а он все не уходит’.

В приведенных примерах употреблены разговорные предикативные конструкции: ne *etsek* (*etsem*) de... — *sak* (— *sam*) (выражающие сильное желание говорящего совершить действие), *ölmek* de yeniden *dirilmek*

‘быть на волоске от смерти, много вытерпеть’, а также конструкция, построенная на полном повторе глагола; вместе со смещением значения числа эти средства служат для усиления экспрессии речи.

Кроме того, рассматриваемое явление встречается часто во фразах, являющихся аспектно-экспрессивными трансформациями, где, таким образом, наблюдается как смещение аспектного значения высказывания (значение утверждения или отрицания), так и смещение значения числа, что служит для выражения экспрессивно подчеркнутого утверждения (первые три примера) или отрицания (последние два примера): *Bir aklımda koyduğumuz şeyi mutlak yarmaz mıyız?* (= *aklıma koyduğum şeyi mutlak yarıyorum*) [8, с. 445] ‘Разве я не осуществляю обязательно того, что задумал?’; — *Şimdi bu şubat kışı... — Biz şubat kışı değil mi dedik?* (= *ben de şubat kışı dedim*) [8, с. 364] ‘— Сейчас в эту февральскую зиму... — А я разве не говорю, что сейчас февраль и зима?’; — *Sus dedim! — Peki Susmadık mı efendi?* (= *sustum işte*) [8, с. 466] ‘— Замолчи, говорю! — Хорошо! Разве я не молчу, уважаемый?’; *Sana biz Gülizar'ı mı sorduk?* (= *ben sana Gülizar'ı sormadım*) [8, с. 458] ‘Я тебя разве про Гюлизар спрашиваю?’; — *...Sen (otelde) durmayacaktın. — Allah allah... Durduk mu sanım?* (= *durmadım*) [7, с. 47] ‘— Тебе не следовало оставаться (в гостинице). — Вот тебе на! ...А разве я оставался?’.

Из приведенных примеров видно, что в рассматриваемых случаях множественное число в турецких разговорных фразах переводится на русский язык, как правило, единственным числом. В русской разговорной речи также иногда встречается употребление формы 1-го лица множественного числа в значении 1-го лица единственного числа, однако это служит, обычно, для выражения шутливо-уважительного отношения к себе (например: «мы пришли» в значении «я пришел»). Весьма важно учитывать, что в турецкой разговорной речи употребление множественного числа в значении единственного в 1-м лице не связано с оттенком повышенного уважения к себе, а выражает лишь различные экспрессивно-эмоциональные нюансы. Смещение значения числа в 1-м лице в турецкой разговорной речи значительно употребительнее, чем в русской разговорной речи. Сказанное не относится к тем случаям, когда в обоих языках употребление 1-го лица единственного числа связано с выражением самоуничижения, со стремлением вообще избегать употребления личного местоимения «я».

IV. Смещение значения лица. Имеется в виду употребление в речи показателей лица не в их обычных значениях, а для обозначения фактически другого лица. Смещение значения лица в турецкой разговорной речи служит для обобщения и выражения различных экспрессивных оттенков. Так, обобщение выражается употреблением формы 2-го лица единственного числа в значении «нейтрального лица» (близком к соответствующему значению неопределенно-личных предложений): *Gaza bastın mı bir şahlanıyor ki araba, deme gitsin!* (= *basırdı mı*) [2, с. 103] ‘Стоит (тебе) нажать на газ, как машина прямо-таки на дыбы встает (несется как бешеная)!’; *Hani bir akraba da, hiç yüzünü görmedişsin, onun gibi* (= *yüzü hiç görülme-yen akraba*) [7, с. 54] ‘Да это такой родственник, которого никогда и не видел (которого ты никогда и не видишь)’.

Следующие случаи смещения значения лица, весьма распространенные в разговорной речи, служат для выражения экспрессии:

1. 2-е лицо единственного числа в значении 1-го лица: *Şimdi düşünüyorum da, bu çocukla neden günlerce çene yarıştırdığımı anlayamıyorum. Ama, anlamayacak ne var? Koca Bursa'da tek başına kalmışsin*

(= *tek başıma kalmışım*) [7, с. 102] 'Сейчас вот думаю и не понимаю, зачем я целыми днями болтал с этим парнем. Но чего здесь не понимать! Ты ж остался один-одинёшенек в громадной Бурсел' (= 'я остался...'); *Tanıyanlar kaçar, tanımayanlar korkar, bir asfalt var, ellerin cebinde dön dolaş dur* (= *ellerim cebimde dönüp dolaşıyorum*) [7, с. 102] 'Знакомые (тебя) избегают, чужие боятся. Вот (перед тобой) шоссе, так и разгуливай себе, засунув руки в карманы'; *Köy yerinde «İşim yok!» diyen yalan söyler. Ağaç budarsın, tarlaların taşını ayıklarsın... Avlunun, bahçenin, duvarını onarırsın! Yaprak keserim, çalı toplarım, sarpa demirini bilerim. Hayvanlar bakım ister, değirmene gidersin... (= budarım, ayıklarım, onarırım, giderim)* [8, с. 303] 'Кто в деревне говорит: «Мне нечего делать!», обманывает. Подрежешь деревья, очистишь поле от камней.. Починишь стену во дворе или в саду. Я срезаю листья, собираю хворост, точу лемех. За скотом нужен уход, пойдешь на мельницу...'

2. 2-е лицо единственного числа в значении 3-го лица (так называемая внутренняя речь, обращение к воображаемому собеседнику): *Cimri alçak!.. Dünyanın yüzünde bir tutam ot yok! Senin ambarın arpa dolu... Sen fukara mısın? Sen kopuk ipsiz misin?* (= onun ambarı, o fukara, kopuk ipsiz değildir) [8, с. 484] '(Какой он) жадный, бессовестный!.. Ни у кого нет ни клочка травы! А у тебя сарай полон ячменя... Ты бедняк, что ли? Иль босяк какой?'

3. 3-е лицо единственного числа в значении 2-го лица (в этом случае, наоборот, наблюдается выключение собеседника из коммуникации, чем и объясняется употребление 3-го лица): — *Sus! Her söylenir yahu!* (= *her söylenirsin*) [8, с. 381] '— Да замолчи! Все-то он (что-то) рассуждает!'

ЛИТЕРАТУРА

1. F. Baykurt. Efendilik savaşı. Ankara, 1974.
2. R. Enis. Sarı it. İstanbul, 1968.
3. Ж. Г. Ихмалян. Пособие по турецкому разговорному языку. М., 1970.
4. O. Kemal. Kırmızı küpeler. Ankara, 1974.
5. O. Kemal. Oyuncu kadın. Ankara, 1975.
6. O. Kemal. Yağmur yüklü bulutlar. Ankara, 1974.
7. A. Nesin. Bir sürgünün anıları. İstanbul, 1975.
8. K. Tahir. Körduman. Ankara, 1971.
9. H. Taner. Hikâyeler. Ankara, 1970.
10. «Cumhuriyet», 1. 6. 1977.
11. «Cumhuriyet», 4. 6. 1977.
12. «Acı tebessüm» (постановка анкарского радио).

З. М. МУРТАЗОВ

СОПОСТАВИТЕЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СИНОНИМОВ УЗБЕКСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Сопоставительно-стилистический анализ в синхронном плане синонимических систем узбекского и русского языков позволяет установить существенные элементы сходства и различия между синонимическими рядами этих языков, что представляет значительный интерес для изучения их специфики и явления синонимии в целом. Подобное исследование может проводиться как в чисто семантическом (идеографические синонимы), так и в стилистическом (стилевые и экспрессивно-эмоциональные синонимы) аспектах. Своеобразие синонимических отношений слов и выражений разносистемных языков в семантическом плане достаточно полно освещено в лексикографических трудах и работах по теории перевода. Поэтому на этой проблеме мы здесь специально останавливаться не будем. Мы лишь попытаемся путем сопоставления раскрыть специфику стилистически окрашенных синонимов, связанных с определенными функциональными и экспрессивными стилями узбекского и русского языков.

Несмотря на универсальный характер категории синонимии, на совпадение ее функций, разрядов и разновидностей в различных развитых языках мира, синонимичные слова и фразеологизмы разных языков различаются характером своих взаимоотношений, функциональными признаками, употребительностью в речи, сочетаемостью и другими свойствами. Как отмечает А. В. Федоров, «...стилистическое исследование семантики нельзя не признать самой сложной и трудоемкой частью сопоставительно-стилистического изучения двух (или более) языков, исключительно важной, но пока что и труднодостижимой целью»¹.

Сопоставительно-типологический анализ синонимических рядов русского и узбекского языков, имеющих в своем составе стилистически окрашенные члены, позволяет выявить совпадения синонимов в функционально-стилевом и эмоционально-экспрессивном аспектах (см. таблицу на стр. 73).

Как правило, доминанты (основные нейтральные слова) синонимических рядов обычно совпадают в обоих языках. Например:

смеяться (нейтр.) — *кулмоқ* (нейтр.),
говорить (нейтр.) — *гапирмоқ* (нейтр.) и т. д.

Но даже такие совпадения не являются абсолютно адекватными. Проводимые в последнее время сопоставительные исследования пока-

¹ А. В. Федоров. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М., 1971, стр. 17.

зывают, что соотносительные единицы двух языков часто не совпадают по степени употребительности в речи, по ассоциативным связям и другим признакам.

Таблица

Синонимы в узбекском языке	Синонимы в русском языке
ватан — юрт — эл — диёр — киндик қони томган жой Слово <i>ватан</i> — нейтральное, <i>юрт</i> — в основном свойственно просторечью, <i>эл</i> — устаревшее, встречается в поэтических произведениях, <i>диёр</i> — свойственно поэтическому стилю, <i>киндик қони томган жой</i> — просторечное фразеологическое сочетание.	родина — отечество — отчизна — отчий край — край отцов Слово <i>родина</i> — нейтральное, <i>отечество</i> — высокое понятие, свойственное публицистической и поэтической речи, <i>отчизна</i> — высокое понятие, придает речи оттенок торжественности, приподнятости, <i>край отцов</i>, <i>отчий край</i> — фразеологические сочетания эмоционально приподнятой публицистической речи.

Сопоставление показывает, что члены синонимических рядов русского и узбекского языков различаются количественными и качественными показателями выражаемых понятий, полнотой или дефектностью лексико-стилистических парадигм. Изучение и сопоставление словарей синонимов узбекского и русского языков, двуязычных словарей показали, что слово одного языка может передаваться с помощью нескольких синонимов другого, причем относящихся к разным функциональным стилям. Например, узбекскому слову *махфий* в русском языке соответствует синонимический ряд: *секретный*, *тайный*, *сокровенный* (художеств.), *конфиденциальный* (публицистич.), *негласный* (офиц.-деловой), *доверительный* (устар.), *засекреченный*, *потайной* (устар., разг.), *по-тайной* и т. д. Или русское слово *бездетный* соотносится с синонимами узбекского языка: *боласиз*, *фарзандсиз*, *зурёдсиз* (фолькл.), *зуриётсиз* (художеств.), *тирноққа зор* (просторечн.) и т. д.

Такие же явления наблюдаются при сопоставлении экспрессивно-эмоционально-оценочных оттенков синонимов сопоставляемых языков. Одному слову, нейтральному в эмоционально-оценочном отношении, могут соответствовать несколько стилистически различно окрашенных парадигматических слов-синонимов в другом языке. Например, узбекскому слову *ухламоқ* соответствуют русские синонимы: *спать* (нейтр.), *почивать* (торж., уважит., устар.) и *дряхнуть* (пренебреж.); узбекским *қўз*, *чол*, *чарчамоқ*, *ғалаба қилмоқ* в русском языке соответствуют синонимичные слова, содержащие различную стилистическую информацию, занимающие разные парадигматические позиции.

С другой стороны, к одному нейтральному русскому слову можно подобрать ряд синонимов узбекского языка, состоящий из членов с эмоционально-оценочной окраской. Например, русскому слову *должность* в узбекском языке соответствуют синонимы: *вазифа* (нейтр.), *лавозим* (положительн.), *мансаб* (отриц.), *амал* (отриц.) и др.

Особенно бросаются в глаза расхождения в функциональном использовании слова говорящим или пишущим при выражении оценочных характеристик окружающей действительности в зависимости от его внутреннего состояния. Случаи таких расхождений убедительно описаны К. Мусаевым: «Семантическая структура словарных эквивалентов осо-

бенно отличается тогда, когда единицы двух языков используются не в их номинативных значениях, а выполняют различные коннотативные функции — употребляются для создания образности или выражения отрицательной или положительной эмоции»². Он пишет, что нескольким синонимичным словам (иногда целому ряду синонимов) с эмоционально-оценочным значением может соответствовать в другом языке одна языковая единица с подобной окраской. Например, русские единицы *дуть*, *убираться*, *проваливать*, в повелительном наклонении выражающие отрицательное отношение говорящего к собеседнику, на узбекский язык переводятся фразеологизмом *туёқни шиқиллатмоқ*. Или же русскому слову *шляпа*, использованному в переносном значении, соответствуют узбекские синонимы *каллаварам*, *ландавур*, *лапашанг*, *нотавон* и другие, обозначающие пренебрежительное отношение говорящего к собеседнику.

Сопоставим синонимичные слова, образованные от одного корня с помощью разных суффиксов. Такие, например, слова, как *мама*, *мамочка*, *мамуся*, *мамуля*, *мамка*, *мамаша*; *картофель*, *картошка* и т. д., весьма близки по семантике, но различны по стилистической характеристике, что дает основание включить их в разряд лексических синонимов: «Непризнание синонимичности таких слов равно непризнанию их отдельными лексическими единицами. Поэтому в данном случае правильнее говорить о лексической, а не об аффиксальной синонимии»³.

Подобные синонимы встречаются и в узбекском языке: *айбли*, *айбдор*; *тажрибали*, *тажрибакор* и т. д. Сопоставляя их, нетрудно убедиться, что эмоционально окрашенных членов синонимических рядов в русском языке больше, нежели в узбекском. На этом основании можно заключить, что русские лексические единицы больше дифференцированы в эмоционально-экспрессивном плане. Это обстоятельство необходимо учитывать в переводческой практике и при обучении узбекских учащихся и студентов русскому языку. Слова с суффиксами субъективной оценки, составляющие обширный лексический ряд, особенно выделяются своей выраженной экспрессивностью. В русском языке стилистические нормы выступают более жестко и стилистическое согласование проявляется отчетливее, нежели в узбекском языке: «Разветвленная синонимия нейтральных и экспрессивных слов создает в русском языке условия для экспрессивно-стилистического согласования, то есть выбора слова в зависимости от экспрессивной окраски других слов контекста или ситуации»⁴. Например, прилагательные с уменьшительными суффиксами требуют использования существительных в уменьшительной форме: *худенькое плечико*, *старенькое платьице*, *крошечные пальчики* и т. д.; эмоционально окрашенный глагол сочетается с эмоционально окрашенным дополнением: *раздавить бутылочку*.

Русский язык располагает огромным числом продуктивных суффиксов субъективной оценки, которые придают членам синонимического ряда определенные эмоционально-экспрессивные значения. Так, многие уменьшительные и увеличительные суффиксы стилистически окрашены: в речи они могут передавать ласкательный, одобрительный, презрительный, иронический, уничижительный и другие оттенки смысла.

² К. Мусаев. Лексико-фразеологические вопросы художественного перевода. Ташкент, 1980, стр. 118.

³ А. Хаджиев. Синонимия. — В кн.: «Узбек тили лексикологияси», Тошкент, 1981, стр. 248—249.

⁴ В. Г. Гак. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). — «Международные отношения», М., 1977, стр. 108.

В узбекском языке отсутствуют специальные аффиксы субъективной оценки, выражающие пренебрежение, уничижение, иронию, скептицизм и другие отрицательные оттенки⁵. Отсюда неравномерность использования в сопоставляемых языках экспрессивно окрашенных средств и неполнота их стилистических парадигм. Для выражения соответствующих оттенков значений, передающихся разными аффиксами субъективной оценки, узбекский язык опирается на контекст и особую интонацию, прибегает к аналитическим сочетаниям, словам другого корня и иным способам: *доми́на, доми́ще — баҳайбат уй, катта уй, бесўнақай уй*.

В отличие от русского, в узбекском языке суффиксы субъективной оценки присоединяются в основном к положительно окрашенным словам. Поэтому они используются реже, имеют уменьшительно-ласкательный оттенок и свойственны главным образом разговорной речи. Как отмечает К. Мусаев, «русский язык обладает широко развитой, дифференцированной системой таких суффиксов. Это и составляет специфическую особенность русского языка по сравнению с узбекским, где их значительно меньше»⁶. Таким образом, возможные варианты слов, выражающих ласкательное отношение, в русском языке часто составляют целые синонимические ряды, например, синонимичные дериваты: *голубчик, голубушка, голубок, голуба-душа*, переводимые на узбекский язык при помощи аналогичных по окраске лексических единиц: *буталоғим, қўзичоғим, чироғим, эркатоғим, овунчоғим, оппоғим, жонгинам, ази-зим* и др.

Сопоставительно-стилистический анализ особенностей синонимических систем узбекского и русского языков позволяет выявить совпадающие и различающиеся семантико-стилистические оттенки слов-синонимов и дать их описание в лексикографических и учебно-методических целях.

⁵ А. Шомақсудов, И. Расулов и др. *Ўзбек тили стилистикасы*. Тошкент, 1983, стр. 109.

⁶ К. Мусаев. Указ. раб., стр. 133.

К. АДЯГАШИ

О ШЕСТИ ЧУВАШСКИХ ГЛОССАРИЯХ XVIII ВЕКА

Исследование истории тюркских языков не может обойтись без чувашских языковых памятников, хотя последние и являются более поздними по сравнению с письменностью других тюркских народов и их использование предполагает особый методический подход¹. В данной статье рассматриваются шесть чувашских языковых памятников, а именно: геттингенская² и так называемая ленинградская³ рукопись «*Vocabularium continens trecenta vocabula triginta quatuor gentium maxima ex parte Sibiricarum*», приписываемая Иоганну Эбергарду Фишеру, рукопись «*Observationes Historicae in Sibiria*»⁴, приписываемая Герхарду Фридриху Миллеру, анонимная рукопись «Словесник на разных языках»⁵, хранящаяся в архиве Г. Ф. Миллера, анонимный рукописный «Русско-татарско-черемисско-чувашский словарь»⁶, а также печатное издание «*Vocabularium Harmonicum*» Г. Ф. Миллера с немецкой транскрипцией⁷.

Эти источники исследователи обычно датируют первой половиной XVIII века, а обстоятельства их появления связывают с деятельностью И. Э. Фишера, Г. Ф. Миллера и В. Н. Татищева⁸.

Как известно, после образования Петербургской Академии наук сфера научных исследований в России стала все более расширяться. В числе прочих было организовано путешествие Д. Г. Мессершмидта в Сибирь. Однако большая часть его записей не сохранилась⁹. Академией наук была организована вторая сибирская (великая камчатская) экспедиция. Этой экспедиции, преследовавшей естественно-научные цели, было поручено также собирать материал для написания истории России. Необходимо было собирать и лексический материал для установления родства существующих в России нерусских языков. Известно, что в Предуралье и Сибири в XVIII веке жили в основном финно-угорские и алтайские народы. Однако в 20-е и 30-е годы XVIII века в Академии наук не было ни соответствующего учреждения, ни подготовленных специалистов, которые могли бы приступить к исследованию этих языков. Во второй сибирской экспедиции собирание лексических образцов было поручено академику Г. Ф. Миллеру, историку и этнографу¹⁰. Он руководил сухопутным отрядом экспедиции с 1733 до 1740 года. По решению Академии наук в дальнейшем его сменил в Сибири И. Э. Фишер, продолжавший полевые исследования до 1747 года¹¹. После возвращения И. Э. Фишера в Петербург ему и Г. Ф. Миллеру было поручено совместно подготовить к печати весь собранный материал. Из работы М. Адамовича [Адамович, 1981, с. 76—81] известно, что Г. Ф. Миллер

относился к И. Э. Фишеру весьма холодно, если не враждебно, и поэтому собранный в Сибири материал они обрабатывали порознь. Однако по постановлению Канцелярии Академии наук от 23 июня 1749 года Г. Ф. Миллер все же был вынужден передать И. Э. Фишеру все свои материалы¹².

Параллельно с экспедицией Академии наук сбор лексических образцов языков уральских народов осуществлялся и В. Н. Татишевым¹³. Как известно, с 1720 по 1722 год, а также с 1734 по 1737 год В. Н. Татищев управлял казенными заводами на Урале и занимался историческими, географическими и этнографическими исследованиями. В 1734 году он составил анкету, содержащую 92 вопроса, и разослал ее местным властям Сибири для сбора соответствующих данных. С конца 1737 года он начал получать ответы на анкету. В 1737 году был готов второй вариант анкеты (названный «Предложение»), содержавший методические указания для сбора языковых данных, а в 1739 — третий.

Таковы вкратце условия возникновения шести чувашских глоссариев.

1. «*Observationes Historicae in Sibiria*». Рукопись начинается отрывком из дневника на латинском языке. На фотокопии, полученной нами, отсутствуют первые 48 страниц. За дневником под № 8 следует «*Vocabularium linguae Wotiaccicae*», после него под № 9 «*Vocabularium Latino-Tatarico-Tscheremissico-Tschuwaschicum*». Затем следует продолжение отрывка из дневника, конец которого, начиная с 81 страницы, на нашей фотокопии отсутствует. Словарь под № 9 содержит 309 латинских слов и их эквиваленты на татарском, чувашском, черемисском языках, написанные латиницей.

Почерк автора носит ярко выраженный индивидуальный характер: буквы заостренные с наклоном вправо. В то же время схожие по величине и форме буквы, можно сказать, не отличаются друг от друга. Так, почти неразличимо одинаково написаны буквы *i—n—r—s—c*, *m—w*, *a—u*, *ä—ü*, латинский *f* и готский *ſ* (= *s*).

В вопроснике выделены следующие тематические группы: явления природы, названия дней недели, времен суток, рельеф местности, полезные ископаемые, денежное обращение, термины родства, части человеческого тела, одежда, административные единицы управления, предметы убранства жилища, домашняя утварь, инструменты, домашние животные, дикие животные, названия рыб, культурные растения, деревья, пряности, блюда, напитки, наиболее употребительные глаголы (некоторые из них приводятся в формах спряжения в настоящем и прошедшем времени), цвета, наиболее употребительные имена прилагательные, числительные. После словаря в тексте дневника приводятся еще названия народов и географические термины.

Тематическое построение словаря не совсем последовательно. Например, группы слов, входящие в круг понятий физической и экономической географии, отделены одна от другой терминами родства и названиями одежды; названия рек и народов приводятся в конце словаря, а не среди географических понятий.

Чувашские ответы написаны согласно правилам немецкой орфографии. Так, буква *в* обозначена через *w*, *х* через *ch*, *р* — через *t* (*ſch*, *tsch*, *ш* через — *sch*, *ſ* *ch*, *с* через — *s*, *ſ*, реже *s* *ſ*. В обозначении чувашской фонемы *š* также нет последовательности, она передается сочетаниями букв *ſs*, *s* *ſ*, *sj*, иногда *ſ*, *ſch*, *s+* с гласными переднего ряда. Ударение в словах обозначается последовательно. В аудировании слов, оканчивающихся на гласные, часто написана буква *h*. По правилам немецкой

орфографии она обозначает не произносимый звук, а долготу предыдущего гласного¹⁴.

Рукопись хранится в архиве Ленинградского отделения Академии наук СССР под названием «Рукописи Г. Ф. Миллера».

2. **G. F. Müller. Vocabularium Harmonicum.** Как известно, данный вокабулярий находится в третьем томе обширного произведения Г. Ф. Миллера «*Sammlung Russischer Geschichte*» (Санкт-Петербург, 1759), в конце главы «*Nachricht von dreien im Gebiete der Stadt Casan, wohnhaften Heidnischen Völkern des Tscheremissen, Tschuwaschen und Wotjacken*» (стр. 382—409). Г. Ф. Миллер сам пишет о времени и обстоятельствах собрания языкового материала: «Эти сведения я записал в Казани, когда ненадолго останавливался там; потом дополнил их по пути от Казани до Тобольска. Могу заверить, что в них нет ничего такого, чего бы я не видел своими глазами или о чем не был бы осведомлен переводчиками, знающими все это отлично. В результате настойчивого усердия русской церкви несколько тысяч человек из этих народов приняли после святого крещения христианство. Поэтому вполне естественно предположить, что в богослужении и в некоторых гражданских обрядах произошли различные изменения, которые здесь не могли быть упомянуты».

Исходным языком «*Vocabularium Harmonicum*» Г. Ф. Миллера является немецкий. Если не учитывать этого обстоятельства, то во всем остальном вопросник Г. Ф. Миллера полностью тождествен латинскому вопроснику рукописи «*Observationes*». Чувашский материал последней целиком содержится в чувашской части труда Г. Ф. Миллера: те же чувашские слова, написаны той же орфографией. Однако печатный вариант словаря Г. Ф. Миллера содержит все же больше чувашских слов. Приблизительно в пятнадцати случаях им приводятся диалектные формы.

3. **Vocabularium continens trecenta vocabula triginta quatuor gentium, maxima ex parte Sibiricarum** («Словарь, содержащий по триста слов сорока народов, большей частью сибирских»). Геттингенская рукопись.

Ни на титульном листе, ни на других страницах геттингенской рукописи фамилия автора не указана. По вопросу авторства до сих пор принято считать достоверной информацию Шлёцера [см. Адамович, 1981, с. 71—72]. Среди материалов, присланных в Геттинген, кроме данного словаря, имеются записи, сделанные разными почерками на латинском и французском языках, а также один рукописный экземпляр анкеты под названием «Предложение», составленной В. Н. Татищевым.

Данный многоязычный словарь состоит из четырех частей; Словник чувашского языка приведен во второй части. Исходный язык этой части — латинский. Последовательность, количество и значения слов соответствуют вопросникам двух предыдущих словарей¹⁵. Словарная часть заканчивается «аналектами» № 1 и № 11, содержание которых, с точки зрения чувашского языка, тождественно чувашским глоссам дневникового отрывка, помещенного в конце рукописи «*Observationes*».

Чувашские слова написаны разборчивым почерком одного человека. В некоторых случаях рядом с чувашскими словами в скобках даны отсылки на другие языки, чаще всего на татарский, русский и венгерский.

Чувашский Словник словаря является списком с другого источника, написанного латиницей с немецкой орфографией. Об этом свидетельствуют следующие примеры: 58-е слово со значением «сталь» по-чувашски

написано как *choss*. В чувашском языке слово, обозначающее сталь, — *xıršă* (диал. *xoršă*), ср. тат. *qorış*, башк. *qorıs* — в том же значении. Выпадение сонорного *-r-* перед согласными — характерное явление для чувашского языка. Однако в этом слове выпадение *-r-* ни в исторических источниках, ни в современных диалектах не встречается. Написание в этом слове *-ss* (на месте немецкого *-rs*) — скорее всего описка, допущенная при копировании. 83-е слово со значением «борода» по-чувашски написано как *ſ ochol*. Это слово в чувашском языке фигурирует как *suxal* (диал. *soxal*) <ПБ *saqal* ср. др.-тюрк. *saqal* [Клоусон, с. 808]. Во втором слоге *-o-* на месте *-a-*, по-видимому, является опиской. 89-е слово со значением «язык» по-чувашски написано как *ſ chilgá*. Чувашское слово в этом значении звучит как *čelxe* <ПБ *tilaq* ср. др.-тюрк. *til* [Клоусон, с. 489]. Начальным согласным звуком в этом чувашском слове может быть только *č-*. Буквосочетание *ſ ch* в источнике можно объяснить, лишь допустив, что оно было переписано с рукописи с немецкой орфографией, где *č* пишется как *t ſ ch*. В этом случае переписчик пропустил начальный *t-*. 168-е слово со значением «куница» по-чувашски написано как *ſ mosár*. Это слово в современном чувашском языке произносится как *săsar* (диал. *săvsar*), ср. тат. *susar*, башк. *hiuħar* — в том же значении. Данные современного чувашского и волжско-кыпчакских языков не подтверждают наличия в этом слове *-m-*. Подобное написание может быть объяснено опиской при переписывании формы *ſ uwsar*. 178-е слово со значением «курица» по-чувашски написано как *tſchiſcháh*. В чувашском языке имеется слово *čăxă* (диал. *čăx*) <ПБ *tiſuq*, ср. др.-тюрк. *ta-qıſu* [Клоусон, с. 468]. Наличие второго буквенного сочетания *ſ ch-* по этимологическим причинам исключается; такое написание необходимо признать опиской — вместо *-ch-*. В одной части словника с 238-го до 249-го слова в чувашской колонке можно усмотреть попытку дать спряжение глаголов *tăr-* «стоять» и *lar-* «сидеть» в настоящем времени единственного и множественного числа. Приведенные формы первого и третьего лица единственного числа и первого лица множественного числа этих глаголов соответствуют утвердительным формам спряжения в настоящем времени изъявительного наклонения. Во втором лице единственного числа после основ обоих глаголов написано окончание *-na*. Оно существует только как окончание причастия прошедшего времени. Во втором и третьем лице множественного числа дано окончание *-ra*. Такого окончания нет ни в полной системе спряжения глаголов, ни среди формообразующих суффиксов чувашского языка. Можно истолковать его как неправильное написание *-na*, в результате ошибки при переписывании. Глаголы с окончанием *-nă* образуют причастия прошедшего времени во всех лицах единственного и множественного числа; поэтому фиксирование их в разных лицах и числах может быть правомерным. Почему же смешиваются спрягаемые и причастные формы там, где по смыслу вопросника должны быть только спрягаемые формы? Этот вопрос можно решить, лишь рассмотрев языковые явления подлинной рукописи словаря. 271-е слово со значением «в другой день» написано по-чувашски как *tubirkon*. В современном чувашском языке эта атрибутивная конструкция — *tepër kun* (диал. *tepër kon*). Слово *tepër* «другой» само является словосочетанием: *ta/te* «еще» + *për* «один» [Егоров, 1964, с. 243]. Написание гласного *-u-* в первом слоге можно считать опиской на месте *-a-*. Форма *tabir-kon* существует в параллельных источниках¹⁶. 273-е слово со значением «вчера» написано по-чувашски как *injür*. В чувашском языке оно звучит как *ëner* <ПБ *iſer*, ср. др.-тюрк. *iſir* [Клоу-

сон, с. 188]. Буква -*ü*- вместо -*ä*- во втором слове — описка.

4. *Vocabularium continens trecenta vocabula triginta quatuor gentium maxima ex parte Sibiricarum*. Ленинградская рукопись. Эта рукопись хранится в Ленинградском отделении архива Академии наук СССР под шифром: разряд III, оп. 1, ед. хр. 135. Рукопись состоит из двух разных частей.

Почерк, которым написаны первые три листа, тождествен почерку рукописи «Observationes». По содержанию первый лист является рукописным титульным листом словаря под названием «Vocabularium Harmonicum Russisch, Tatarisch, Tscheremissisch, Tschuwassisch, Wotjakisch, Morduanisch, Finnisch». Автор не указан. Второй и третий листы содержат небольшой немецко-чувашский словарь. Слова размещены двумя колонками. Словарь носит название «Einige Tschuwassische Wörter nach dem Tschebaxarischen Dialect» («Некоторые чувашские слова на чебоксарском диалекте»). В словаре содержится 49 чувашских имен, среди них 27 числительных, приводятся те же чувашские выражения, которые имеются и в словаре Г. Ф. Миллера, но отсутствуют в «Observationes». В диалектном словнике чувашское слово со значением «солнце» написано двояко: {schwell и chwell. Это слово в чувашском языке существует в форме хёвел <ПБ quyal, ср. др.-тюрк. quyaš [Клоусон, с. 679]. Форма chwell дает правильное написание существовавшего в то время слова, а {schwell является ошибочным написанием. По всей вероятности, составитель хотел записать диалектный вариант слова, но по неизвестным причинам допустил ошибку. В конце Словника можно прочесть подпись: «Dr. Zuegg», выполненную более закругленными буквами; они по высоте меньше букв Словника и расположены дальше друг от друга. Это почерк другого лица.

Вторая часть рукописи представляет собой греческо-латинско-славянско-польско-чешско-венгерский словарь, включающий ответы на 442 вопроса, за которым следует другой томско-тобольско-казанско-татарско-чувашский словарь, содержащий ответы на 500 вопросов. Колонка на греческом языке написана греческими буквами (первый почерк), часть на русском и славянском языках — кириллицей (второй почерк). Второй почерк тождествен почерку «Предложения», приложенного к геттингенской рукописи словаря «Vocabularium continens trecenta vocabula...». В заголовке польской части словаря ленинградской рукописи в скобках написано: «Orthographia patriā». Это — почерк уже третьего лица. В заголовке словаря томско-тобольско-татарского языков есть приписка: «Tonus in ultima» («Ударение на последнем слове»). Орфография всех четырех образцов тюркских языков унифицирована: «Orthographia Polonica». Почерк всех четырех тюркских словариков идентичен, его можно отождествлять с почерком Словника польского языка ленинградской рукописи и с почерком финского, вотяцкого, черемисского, чувашского, татарского, мордовского и т. д. языков геттингенской рукописи.

Вопросник к тюркской части ленинградской рукописи отсутствовал в нашей фотокопии, но по ответам на вопросы можно установить, что данный вопросник является несколько переработанным и расширенным вариантом вопросника «Observationes». Чувашские ответы содержат те же слова, что и геттингенская рукопись (приблизительно 200 вопросов оставлены без ответа), только орфография здесь польская. (Особенности польской орфографии: x—ch, v—w, l—l, i, ě—cz, š—sz, ü—y)¹⁷.

Чувашский Словник с польской орфографией является списком с оригинала с немецкой орфографией. Для подтверждения этого приведем

несколько примеров: слово «вторник» по-чувашски *itlari-kup* (диал. *utla-i-kup*). В чувашском Словнике ленинградской рукописи имеется *utlan-kup*, где конечный *-n* первой части конструкции — описка (вместо *-ri*). Чувашское слово со значением «окно» — *karäntäk*. Это слово дано в форме *kámdik*. Буква *-m-* в середине слова появилась вследствие неправильного прочтения *-rn*¹⁸. Слово со значением «курица» в чувашском языке — *čähä* (диал. *čäh*). В Словнике приведено *cziszá*. В этой форме легко распознать немецкое написание *tschischäh* (см. выше). В чувашском языке имеется конструкция со значением «белая рыба, белуга» — *šugă pulă* (диал. *šogă polă*). В ленинградской рукописи приводится конструкция *šchôgi róle*, где написание начального *š ch* указывает на немецкий оригинал. Как известно, в звуковом составе польского языка гласный *ö* отсутствует, поэтому и соответствующей буквы в польском алфавите нет. Слово «свеча» в ленинградской рукописи дано по-чувашски в двух формах: *š sörtah* и *susörtáh*. Наличие в этих формах буквы *-ö-* объясняется влиянием немецкого написания¹⁹.

В чувашском Словнике ленинградской рукописи слово, обозначающее «яйцо», по-чувашски написано как *zmarda*, а слово со значением «язык» как *zilga*. Начальный согласный *z-* в слове с последним значением этимологически необъясним (см. выше). «Яйцо» в чувашском языке обозначается словом *šamarta* < ПБ *jumarta*, ср. др.-тюрк. *jimirtya*, *jumurtya* [Клоусон, с. 938]. Аналогичный *z-* в форме *zmarda* мог бы правильно отразить фонему *š-*, если бы это слово было записано так, как оно звучало в связной речи. Только таким образом начальный *š-* мог бы попасть в интервокальное положение. (Известно, что глухие согласные в интервокальной позиции в чувашском языке становятся полугласными). Однако слова чувашского Словника записывались в изолированной (словарной) форме, что отразилось и на их орфографии. Поэтому у нас нет никаких оснований предполагать, что в данном случае имело место отступление от такой практики²⁰. Это означает, что ключ к объяснению формы *zmarda* следует искать там же, где и к объяснению написания *zilga*. Учитывая особенности польской орфографии, у слова со значением «язык» можно было бы ожидать форму *czilga*, а у слова со значением «яйцо» — форму *szmarda*. (Во втором случае следует учесть, что Словник переписан с оригинала с немецкой транскрипцией, в котором в данном месте стоит *š chmardáh*. Сопоставляя приведенные в Словнике и ожидаемые формы, можно установить, что в начале двух слов, написанных с буквы *z-*, отсутствует первая половина буквенного сочетания, вторым членом которого является *z-*. Это указывает на источник с польской орфографией, что позволяет внести в чувашский Словник ленинградской рукописи поправки, исходя из того, что с оригинала с немецкой орфографией снята копия с польской орфографией (которая не дошла до нас), а с этой копии была переписана ленинградская рукопись.

5. Словник на разных языках. Этот памятник является русско-татарско-черемисско-чувашско-вотяцко - мордовско - пермско - зырянским Словником, написанным кириллицей. Буквы рукописи сложных начертаний мало или совсем не связаны между собой.

Вопросы вопросника по количеству и последовательности — за исключением замены двух слов — полностью соответствуют вопросам «Observationes», а ответы содержат тот же материал диалектных выражений, что и словарь Г. Ф. Миллера.

Чувашский Словник является копией оригинала с немецкой орфо-

графией, что подтверждается следующими примерами. Обозначение лабиальных гласных переднего ряда (*ö, ü*) в чувашском материале приводится не всегда последовательно. Для обозначения фонемы *ü* переписчик ввел букву *у*, а фонему *ö* передает то буквой *е*, то буквой *у*. Употребление этих букв с этимологической точки зрения в большинстве случаев правомерно, однако в нескольких словах наличие этих букв не может быть объяснено этимологически, и причина их употребления кроется в другом. Слово, обозначающее понятие «круглый год», в Словнике по-чувашски написано как *селдалок*. В современном чувашском языке это словосочетание — *šultalāx* (диал. *šoltalāx*) < *sul + talāx*. *šul* < ПБ *jal*, ср. др.-тюрк. *yaš* [Клоусон, с. 975]. Чувашский *talāx* < ПБ *təglik*. Первый член словосочетания (*šul*) известен только с гласным заднего ряда. Наличие в нем *-e-* является следствием переписывания немецкого *-ö-*, которое означает только палатализованность начального *š-*. Аналогичным образом объясняется написание первого гласного в слове *ссуртагъ* со значением «свеча» (см. выше). Чувашское слово со значением «дьявол» фигурирует в Словнике в двух формах: *шүүданъ* и *шаитанъ*. В современном чувашском языке это *šuyttan* и *šaytan*. Два варианта этого слова в чувашском языке являются заимствованием из арабского (*šajtan*), только слово *šuyttan* было заимствовано непосредственно, а *šajtan* через посредство татарского языка [Шернер, с. 29, 35, 74]. Оба варианта чувашского слова приводятся только в словаре Г. Ф. Миллера в формах *schaitan* и *schuidan*. Написание в Словнике — *шүүданъ* является опiskой. Слово «мать» по-чувашски дано, как *амышъ*, *анай*, *абзи*. Слово *абзи* употребляется в качестве почтительного обращения к мужчинам (в татарском языке), сюда же оно попало по ошибке. Переписчик в этом случае, по всей вероятности, перепутал строки и колонки. Слово «мужчина» в чувашской колонке записано в формах *ссинъ* и *араннъ*. Форма *ссинъ* соответствует современному чувашскому слову *šin* 'человек' (новоперсидск. *jan* [Шернер, с. 52]). Значение «мужчина» в чувашском языке имеет слово *aršin* (< *ar + sin*). Чув. *ar* ПБ *эг*, ср. др.-тюрк. *eg* [Клоусон, с. 192]. Форму *араннъ* — вместо *арсиннъ* — мы считаем опiskой. Чувашский эквивалент слова «ножницы» — *хаѣ*, *хаѣ*, *хауѣ* (тат. *qayıcı*, среднемонг. *qayıcı* [Рона-Таш, 1973—1974, с. 130]). В Словнике приводится *хаилышъ*, где появление конечного буквосочетания *-лышъ* является ошибкой при переписывании немецкого — *tſch*. Выражение со значением «белая рыба» дается как *шхори поле*. Русское буквосочетание *шх-*, очевидно, является механическим воспроизведением немецкого *ſch* (см. выше). На последних страницах Словника приводится спряжение глагола *lar-* 'сидеть'. Формы спряжения этого глагола и последующие двенадцать слов перечеркнуты. Перечеркнутые формы являются ответами на вопросы, стоящие строчкой ниже, что указывает на то, что переписчик перепутал строки. Слово, обозначающее «черный», — по-чувашски *хига* (диал. *хога*) < ПБ *qağa*, ср. др.-тюрк. *qağa* [Клоусон, с. 634], написано в форме *морагъ*. Начальный *м-* в этом слове по этимологическим причинам следует считать результатом ошибки при переписке *ch*. То, что чувашский материал Словника был переписан с оригинала с немецкой орфографией, подтверждается написанием чувашских слов, оканчивающихся этимологически гласными полного образования. Здесь везде в конце слова стоят буквы *гъ*. Это указывает на механическое копирование знака долготы немецкого типа (*-h-*), обозначающего как произносимый звук.

6. **Русско-татарско-черемисско-чувашский словарь.** Этот неполный четырехязычный словарь написан кириллицей, очень своеобразным по-

черком, значительно отличающимся от почерка предыдущего памятника. Здесь буквы крупные, широкие, обычно не соединенные между собой. Наряду с буквами русского алфавита встречаются латинские *j, i* и греческая *v*. Часто в середине слова вместо *z* написана *Г*, в буквосочетаниях *-ur, -ur* на концах слов в сочетание гласных вписана буква *-p*; в случае наличия двойных согласных одна из букв поднята над другой. Буква *k* пишется в виде двух параллельных линий, буквы *v* и *n* по очертаниям почти не различаются. Буква *d* напоминает цифру 2 с округленной головкой. Все эти особенности почерка словаря идентичны особенностям почерка «Предложения», приложенного к геттингенской рукописи «*Vocabularium continens trecenta vocabula...*», а также почерку, которым написана колонка «Самоедский мезенский» геттингенской рукописи²¹.

Чувашский материал четырехязычного словаря на нашей фотоконпии начинается словом со значением «деревня». В чувашской части «*Observationes*» оно является по порядку 113. С этого места вопросник четырехязычного словаря тождествен вопроснику «*Observationes*». По характеру допущенных в написании слов ошибок можно предположить, что чувашская часть была переписана с другого источника. Это предположение подтверждается также наличием *гъ* в конце слов, оканчивающихся этимологически гласными полного образования. Однако этот факт, указывающий на копирование, не исключает того, что переписчик мог переписать чувашский материал как с оригинала с русской орфографией, так и со Словника.

Следующие примеры доказывают, что данный материал был переписан с оригинала с немецкой орфографией. Чувашские слова, начинающиеся этимологически с *s-* и *š-*, в этом глоссарии написаны, с одной стороны, с анлаутом на русский *c-* (*cypv* 'кольцо', *смозаръ* 'куница', *судъ* 'молоко', *сву* 'масло', *сунхъ* 'мука', *сара* 'желтый', *сүти* 'свет'), с другой стороны, на *з-* (*зиснагъ* 'свинья', *зорохъ* 'овца', *зонатъ* 'крыло', *зукру* 'хлеб', *зүллу* 'овес', *зимись* 'корм', *зүсү* 'нож', *зіазъ* 'есть', *зүрасъ* 'ходить' и т. д.). Относительно написания *з-* в абсолютном анлауте слов можно было бы предположить, что формы слов фиксировались на основе связной звучащей речи (см. выше), однако мы не располагаем ни одним источником, где написание *-гъ* в конце слов и двойное представление фонем *s-* и *š-* встречались бы одновременно. С другой стороны, очевидно, что написание анлаута на *з-* последовательно встречается в тех случаях, когда слова глоссариев с немецкой орфографией в соответствующих местах начинаются буквой *s* или *ſ*, за которой следует гласный. (В других случаях фонемы *s-* и *š-* обозначаются там буквосочетаниями *ss, sſ, ſs*). Это означает, что переписчик воспроизводил произношение чувашских слов на основе немецких правил произношения и фиксировал его на письме кириллицей. В этом источнике в некоторых словах, где этимологически можно было ожидать вокализм переднего ряда, на месте *e* и *ё* стоит *a*, хотя латиница, так же как и кириллица, имеет букву *e*: чув. *тиба* (*tipē* 'сухой'), *вилна* (*vilnē* 'умерший'), *зүрасъ* (*šüres* 'тот, который придет'), *зіазъ* (*šieš* 'тот, который съест'), *хүра* (*xüre* 'хвост'), *иңіаръ* (*ёпег* 'вчера'). Причина этого явления заключается в том, что копия была снята с оригинала с немецкой орфографией, где фонемы *e* и *ё* переданы буквой *ä*, тогда как русской транслитерацией этой буквы является *a*. Слово со значением «куница» и в чувашской колонке четырехязычного словаря написано как *смозаръ*. Наличие в этом слове буквы *-м-* указывает на оригинал с латинской

транскрипцией (см. выше)²². И здесь среди форм спряжения глаголов *taġ* 'стоять' и *laġ* 'сидеть' встречаются формы на *-ra*, которые мы рассматриваем как результат ошибочного переписывания форм на *-na* (см. выше). Слово со значением «дым» в чувашском языке имеет форму *tētēm* (диал. *tötöm*) < ПБ *tütün*, ср. др.-тюрк. *tütün* [Клоусон, с. 457]. В четырехязычном словаре написано *китунъ*. В тюркских языках в начале слов чередование *k~t* наблюдается спорадически²³, однако это слово как в старых источниках, так и в современных диалектах известно только с анлаутом на *t*. Если допустить, что *k*- в начале этого слова является сохранившимся архаизмом, то трудно объяснить, почему за ним следует *-и-*, когда этимологически в первом слоге должен стоять такой же знак лабиального гласного, как и во втором. Мы имеем веские причины предполагать, что написание начала слова как *ки-* — описка, результат ошибочного прочтения латинского буквосочетания *tü-*.

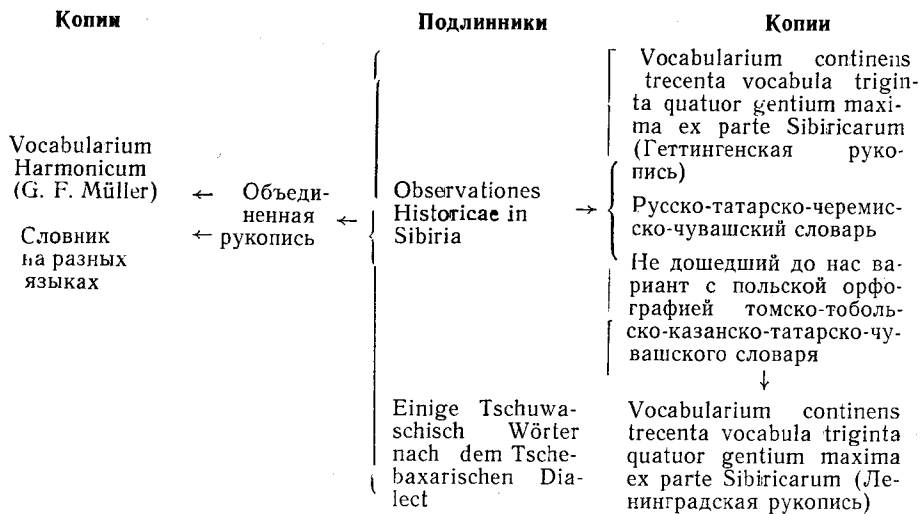
Сопоставление анализируемых источников позволяет заключить, что подлинный языковой материал, записанный от чувашей на слух, представлен в рукописи под названием «*Observationes Historicae in Siberia*» и в Словнике «*Einige Tschuwaschische Wörter nach dem Tschebaxarischen Dialect*» (хранящемся вместе с ленинградской рукописью сибирского словаря). В этих глоссариях нет таких ошибок орфографического характера, которые указывали бы на факт переписывания. Написание в них некоторых слов соответствует ожидаемым формам, но причины расхождений, на наш взгляд, кроются в существовавших в XVIII веке различиях в произношении слов, в недостаточном количестве букв, используемых для их фиксирования, в неподготовленности собирателей, в возможных слуховых ошибках²⁴.

С чувашской колонки «*Observationes*» была переписана чувашская часть геттингенской рукописи (первым переписчиком). При этом было допущено большое количество орфографических ошибок. Этим же лицом переписан чувашский материал ленинградской рукописи существовавшего ранее источника с польской орфографией, восходящего также к «*Observationes*». Другим лицом (вторым переписчиком) чувашская часть последнего была переписана кириллицей, и этот материал вошел в четырехязычный словарь. Чувашский Словник словаря Г. Ф. Миллера был составлен в результате объединения чувашского материала «*Observationes*» и «*Einige Tschuwaschische Wörter nach dem Tschebaxarischen Dialect*». При подготовке к печати словаря Г. Ф. Миллера был составлен его объединенный рукописный вариант, не дошедший до нас (работа третьего переписчика). С этого варианта (с немецкой орфографией) была сделана транслитерация кириллицей (четвертым переписчиком), сохранившаяся в Словнике на разных языках. Соотношение рассмотренных чувашских глоссариев визуально можно изобразить схематически (см. схему на стр. 85).

Согласно утверждению Г. Ф. Миллера, чувашский языковой материал собирался осенью 1733 года в Казанской губернии. Именно этим временем датируется сбор языкового материала для «*Observationes*» и «*Einige Tschuwaschische Wörter nach dem Tschebaxarischen Dialect*». Сбор чувашского языкового материала для других глоссариев также относится к 1733 году; переписывались же они в разное время. Точно известно, что словарь Г. Ф. Миллера была издан в 1759 году. Таким образом, объединяющая две составные части рукопись была выполнена, по всей вероятности, между 1733 и 1759 годами. После этого был переписан Словник, составленный на разных языках. Геттингенскую рукопись можно датировать на основании слов Шлёцера, который во время своего путешествия по России (1761—1765) видел у И. Э. Фишера и сам чи-

тал многоязычный сибирский словарь [Адамович, с. 71—72]. Если к этому времени в словаре уже была заполнена чувашская колонка, то переписана она была до 1765 года. Если же она еще отсутствовала, то ее заполнили между 1765 и 1767 годами, поскольку рукопись в известном нам виде была прислана в Геттинген в 1767 году. По всей вероятности, параллельно с заполнением чувашской части геттингенской рукописи продолжалось и переписывание материала «Observationes» польской азбукой (этот вариант до нас не дошел). Вслед за этим был обработан и переписан тюркский материал, сохранившийся в ленинградской рукописи сибирского словаря.

Схема

Трудно установить, кто конкретно участвовал в создании шести глоссариев; можно лишь сделать некоторые предположения. Весьма вероятно, что «Observationes» и чебоксарский диалектологический словарь написаны Г. Ф. Миллером или кем-то из его ближайших сотрудников, находившихся в Казанской губернии осенью 1733 года. Объединяющая две части рукопись, которая, как нам кажется, должна была существовать, составлялась, вероятно, одним из служащих академической типографии, а Словник — другим. Судя по всему, польскую колонку ленинградской рукописи заполнял поляк. Его почерк легко отождествляется с почерком, которым написаны колонки чувашского, томско-тоболо и казанскотатарского языков (к тому же и эти колонки написаны польской орфографией), а также с почерком нескольких колонок геттингенской рукописи (в числе их чувашской и казанскотатарской).

Переписчик-поляк при заполнении колонок слов чувашского и татарского языков осознавал их родство. Доказательством этого являются его примечания этимологического характера. Причем примечания эти двух типов: если какое-либо слово в обоих тюркских языках является тюркским по происхождению, то переписчик соотносит их друг с другом, если же слово нетюркского происхождения, то он дает ссылку на источник заимствования. Осознание родства чувашского и казанскотатарского языков побудило его расширить исследование родства этих языков. Он транскрибировал чувашский материал «Observationes», используя польскую орфографию, и приводил сибирскотатарские образцы из геттингенской рукописи. Целью работы в этой стадии было соби-

рание материалов и их систематизация. По всей вероятности, это отражал не дошедший до нас вариант с польской орфографией. Наконец, воспользовавшись другим вопросником и взятым из упомянутых словарей тюркским материалом, орфографически унифицированным, он составил труд, дошедший до нас в виде части ленинградской рукописи сибирского словаря. Судя по всему, тюркская часть ленинградской рукописи отнюдь не простая копия, а первый этимологический словарь тюркских языков и в то же время первый диалектологический словарь татарского языка. Анонимный автор этих словарей первым обратил внимание на явление ротацизма чувашского языка. Рядом с восемью чувашскими словами справедливо стоит примечание: «*Tat. s mut. in r.*».

Таким образом, можно считать, что И. Э. Фишер ни в собирании чувашского материала, ни в его переписывании никакой существенной роли не сыграл. Выполнив задание, порученное Академической Канцелярией, он лишь получил издаваемые материалы второй камчатской экспедиции и передал их переписчику для копирования. Поэтому о подлинности геттингенской и ленинградской рукописей можно судить только после выяснения возникновения всех их языковых особенностей. Это, вероятно, поможет пролить свет на действительную роль И. Э. Фишера в составлении сибирского словаря.

¹ Общую характеристику и перечень чувашских языковых памятников, обзор посвященной им литературы, а также о проблемах, связанных с их критическим изданием, см. в статье автора, опубликованной в сборнике «*Chuvash Studies*», Budapest, 1982, стр. 7—17.

² Cod. ms. philol. Cöttingen, 261. Для исследования нами было использовано факсимильное издание Г. Дёрфера [Дёрфер, 1965].

³ ЛОААН СССР разряд III, оп. I. ед. хр. 135. Чувашский материал рукописи был опубликован Л. П. Сергеевым [Сергеев, 1970, с. 238—241], однако поскольку транскрипция словаря, данная на латинице, слишком упрощена, видимо, по типографским причинам, а факсимиле не приложено, мы обратились к фотокопии оригинала. Эта и другие фотокопии ленинградских письменных источников, цитируемые нами, были присланы Чувашским государственным научно-исследовательским институтом, за что, пользуясь случаем, мы выражаем его сотрудникам свою благодарность.

⁴ ЛОААН СССР, фонд 21, оп. 5, ед. хр. 164.

⁵ ЛОААН СССР, фонд 21, оп. 5, ед. хр. 6.

⁶ ЛОААН СССР, фонд 21, оп. 5, ед. хр. 168.

⁷ G. F. Müller. Sammlung Russischer Geschichte III. Band 4. Stück, St. Petersburg, 1759.

⁸ Об их деятельности см.: Пекарский, 1870, том I, стр. 308—430; Булич, 1904, стр. 220—221; Бартольд, 1909 (репринт 1977), стр. 39—40; Ломоносов, 1952, том VI, стр. 13—42; Ломоносов, 1952, том IX, стр. 410—433; Баскаков, 1969, стр. 25—26; Гуя, 1965, стр. 163—170; Кононов, 1972, стр. 52—55; Кондрашов, 1983, стр. 81—89.

⁹ Сохранившийся дневник и записи Д. Г. Мессершмидта см.: D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien 1720—27, Teil I—II—III. Berlin, 1962, 1964, 1966.

¹⁰ Описание маршрута второй камчатской экспедиции, а также биографию И. Э. Фишера и Г. Ф. Миллера см.: Адамович, 1981, стр. 67—86.

¹¹ Г. Ф. Миллер составил «Инструкции г. адъютанту Фишеру, когда он был послан на мое место» (ЦГДА, фонд 199), чтобы тот продолжал сбор материала по его плану.

¹² «Материалы для истории Академии наук», т. IX. СПб., 1897, стр. 746—748.

¹³ См. Адамович, 1981, стр. 76—81.

¹⁴ Оппозиция чувашских гласных по количеству: краткие (полного образования) — редуцированные. Последний гласный в словах, оканчивающихся на гласный полного образования, ударный. Гласный под ударением мог восприниматься долгим человеком иной национальности (в языке которого имеются гласные долгие и краткие), особенно в тех случаях, когда в предыдущих слогах чувашского слова имелись редуцированные гласные. Таким образом, обозначение долготы следует понимать как релятивную долготу.

¹⁵ Только в одном случае (№ 229—230) порядок слов изменен.

¹⁶ Орфографические ошибки, встречающиеся в чувашских словах геттингенской рукописи, под номерами 89, 168, 178 и 271, отмечались также Говдхаугеном [1975, с. 277].

¹⁷ Обозначение чувашской фонемы *š* буквой *š* (хотя и не последовательно) необычно. Это может быть условным обозначением, но может и свидетельствовать о знакомстве переписчика со славистикой.

¹⁸ Редуцированный гласный в середине трехсложных слов может выпадать, а в беглой речи продолжительность произношения этого звука может сокращаться до минимума. Форма *karntäk* (вместо *karäntäk*) встречается в разговорной речи. Эта форма записана собирателем и ошибочно переписана переписчиком.

¹⁹ Может возникнуть вопрос, почему в данном слове наличествует буква *-ö-*, ведь чувашское слово со значением «свеца» фигурирует в форме *šurta* (диал. *šorta*) < ПБ *jarta* (см. еще марийское *šarta, šorta*), а вариант этого слова с передним вокализмом не встречается ни в других источниках, ни в диалектах чувашского языка. Такое написание, на наш взгляд, обозначает сильную палатализованность начального *š-*.

²⁰ Исключением, с этой точки зрения, являются только некоторые числительные, записанные в словосочетаниях.

²¹ Г. Дёрфер и М. Адамович установили, что автором «Предложения» является В. Н. Татищев. Однако чьей рукой написан геттингенский экземпляр, самим В. Н. Татищевым или переписчиком, осталось невыясненным. Если «Предложения» написаны самим В. Н. Татищевым, то и четырехязычный словарь также должен был быть написан им, что весьма сомнительно. Проще предположить участие переписчика.

²² Ошибки типа *сморарь* и *-га* встречаются как в геттингенской рукописи, так и в четырехязычном словаре, однако другие ошибки в них не повторяются. Таким образом, у нас нет оснований для предположений, что чувашский материал четырехязычного словаря был переписан с геттингенской рукописи. Общие для двух глоссариев ошибки возникли, по-видимому, в результате неправильного понимания трудночитаемых мест общего оригинала.

²³ Общеизвестный пример: чув. *čëğër* 'еж' ср. тур., азерб., туркм., кирг. *kirpi*, тат. *kegre*, башк. *terge* — в том же значении.

²⁴ Языковой анализ чувашского материала, записанного в «Observationes», не входит в нашу задачу, но его необходимо осуществить, если мы хотим пользоваться данными этой рукописи в качестве языкового источника.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Адамович 1981 — М. Adamovič. Das Tatarische des 18. Jahrhunderts, JSFOu 77:5, Helsinki, 1981.

Бартольд 1909 — В. В. Бартольд. Обзор деятельности факультета восточных языков 1855—1905. С приложением обзора истории востоковедения в России до 1855 г., СПб., 1909. Репринт: В. Бартольд. Сочинения, т. IX. М., 1977.

Баскаков 1969 — Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.

Булич 1904 — С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904.

Говдхауген 1975 — E. Hovdhaugen. The Phonemic System of Early 18th Century Chuvash, CAJ XIX (1975):4, стр. 274—286.

Гуля 1965 — J. Gulya. Some 18th Century Antecedents of the 19th Century Linguistics ALH XV (1965), стр. 163—170.

Гуля 1967 — J. Gulya. A magyar nyelv első etimológiai szótára, Nyelvtud. Ért. 58 (1967), стр. 87—90.

Дёрфер 1965 — G. Doerfer. Ältere westeuropäische Quellen zur kalmükischen Sprachgeschichte in: Asiatische Forschungen Band 18, Wiesbaden, 1965.

Егоров 1949 — В. Г. Егоров. Чувашские словари XVIII века. — «Ученые записки ЧНИИ», вып. 2, 1949, стр. 111—142.

Егоров 1964 — В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

Клаусон 1972 — Sir Gerard Clauson. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish, Oxford, 1972.

Кондрашов 1983 — Н. А. Кондрашов. Лингвистические взгляды Татищева. — «Вопросы языкознания», 1983, № 2, стр. 81—89.

Кононов 1972 — А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972.

Крашенинников 1949 — С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949.

Ломоносов 1952, т. VI — М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. М.—Л., 1952.

Ломоносов 1952, т. IX — М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Служебные документы 1742—1765 гг. М.—Л., 1952.

Пекарский 1870 — П. Пекарский. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870.

Рона-Таш 1973-1974 — A. Róna-Tas. Középmongol eredetű jövevényszavak a csuvasban. II. Néprajz és Nyelvtudomány XVII—XVIII. Szeged, 1973—1974, стр. 126—141.

Сергеев 1970 — Л. П. Сергеев. О памятниках чувашской письменности XVIII века. — «Ученые записки ЧНИИ», вып. 46, 1970, стр. 228—263.

Сергеев 1972 — Л. П. Сергеев. О дояковлевском периоде чувашской письменности. — «100 лет новой чувашской письменности». Чебоксары, 1972.

Феоктистов 1968 — А. П. Феоктистов. Истоки мордовской письменности. М., 1968.

Шернер 1977 — B. Scherner. Arabische und neupersische Lehnwörter im Tschuwaschischen, Wiesbaden, 1977.

РЕЦЕНЗИИ

М. С. ВОРОНКИН. СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ГРУППА ГОВОРОВ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

ЯКУТСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗД-ВО, ЯКУТСК, 1984, 222 стр.

Якутский язык и его говоры издавна привлекали внимание исследователей. Ими были в свое время зафиксированы некоторые характерные для диалектов северо-запада Якутии данные. Однако всестороннее исследование говоров якутского языка на научной основе начало осуществляться лишь при Советской власти. Особенно заметные успехи в изучении говоров якутского языка были достигнуты в последние годы: написаны монографии, составлен диалектологический словарь, продолжается исследование якутских говоров методом лингвистической географии. Наряду с описаниями отдельных говоров появились и обобщающие работы, посвященные определенным группам говоров. К последним принадлежит и рецензируемая монография М. С. Воронкина «Северо-западная группа говоров якутского языка».

Монография М. С. Воронкина состоит из предисловия, четырех глав, заключения, списка литературы, условных сокращений и приложений.

В предисловии приводится краткий обзор работ по якутской диалектологии, по говорам, составляющим объект исследования.

В первой главе «Сведения о диалектоносителях и состоянии изученности их говоров» приводятся данные по истории якутов, проживающих в северо-западной части Якутской АССР, а также о якутоязычном населении за пределами автономной республики, пользующимся северо-западными говорами якутского языка.

Автором приводится систематическое описание анабарского, оленекского, булунского и жиганского говоров, бытующих в северо-западных районах Якутии. Рассматривается также есейский говор, распространенный за пределами республики; в сравнительном плане используются материалы и долганского диалекта. В этой же главе говорится о состоянии изученности исследованных групп говоров, об их классификации.

Вторая глава посвящена фонетике северо-

западной группы говоров якутского языка. Описываются фонетические особенности каждого говора, выявляются общие для них черты. Автором выделяются специфические звуки, характерные для северо-западной группы говоров, приводятся соответствия гласных заднего и переднего ряда ($a \sim \varepsilon$, $a \sim u$, $o \sim \theta$, $y \sim \psi$), широких и узких гласных ($a \sim \text{ы}$, $\varepsilon \sim \text{и}$). Он подробно останавливается на гармонии гласных, на интонации и т. д. В разделе о консонантизме говорится также о соответствиях проточных $h \sim c$ в начале слов, переднеязычных $ч \sim c$ ($c \sim ч$), глухих и звонких согласных ($k \sim g$, $p \sim b$), чередованиях сонорных $r \sim \text{л}$, ассимиляции согласных, взаимодействии гласных и согласных, а также о других фонетических явлениях (вставке и выпадении звука и слога, метатезе и т. д.).

Автор останавливается на фонетических особенностях, общих для всех говоров исследуемой им диалектной зоны. Эту общность автор объясняет историческими и географическими условиями.

В рецензируемой работе впервые в якутской диалектологии выявляются межъязыковые, междиалектные и внутридиалектные фонетические соответствия. Кроме того, соответствия, наблюдаемые в области вокализма якутского языка, подразделяются на междиалектные соответствия гласных, связанные с гармонией гласных, а также соответствия, пока еще не получившие объяснения. Автор высказывает свое мнение и по такой малоисследованной проблеме якутской диалектологии, как аканье и оканье. Он считает, что огубленный вариант произношения установился под влиянием последнего гласного основы, а неогубленный — первого гласного основы.

В работе использован обширный фактический материал, сгруппированный по соответствующим фонетическим явлениям и тщательно проанализированный. Материалы по фонетике якутского языка сопоставлены с данными других тюркских языков.

Третья глава посвящена изучению лексик северо-западной группы говоров якут-

ского языка. Здесь исследуется лексический состав каждого говора и указываются особенности, общие для всех говоров этой группы. «Лексика любого языка как непосредственно отражающая все изменения в экономической, политической и культурной жизни народа, носит на себе следы тесной связи и постоянного взаимодействия с историей народа»¹. Это высказывание может быть применимо и к лексике якутских диалектов и говоров.

Автор выделяет специфические черты каждого говора в следующих пластах лексики: метеорологические и географические названия, календарь, растительность, быт, домашние животные, дикие звери и способы их ловли, птицы, рыбы и средства их ловли, насекомые, топонимы и т. д.

М. С. Воронкин устанавливает происхождение названий месяцев, что представляет интерес и для тюркологии в целом. Например: месяц май имеет названия: *ыам ыйа, маай ый, балык ыыр ыйа* 'месяц метания икры у рыб'; *таба төрүүр ыйа* 'месяц отела оленей'; июнь: *бэс ыйа, июнь ый, нара ыйа* 'месяц линьки птиц', *кумаар ыйа* 'месяц комаров'; июль: *от ыйа, июль ый, от үүчэр ыйа* 'месяц, когда растёт трава', *кумаар ыйа* 'месяц комаров', *кырадаай ыйа* 'месяц мошкеры' и т. д. В главе говорится также о семантических изменениях слов: расширении и смещении значений, этимологии слов, архаизмах.

Четвертая глава посвящена описанию грамматического строя северо-западных говоров якутского языка. В отличие от предыдущих глав, грамматические особенности изучаются автором не по отдельным говорам, а по зонам, и это не случайно. М. С. Воронкин пишет: «Грамматические особенности в основном проявляются по зонам. В одном языковом районе они фиксируются часто, а в другом — редко. Бывают случаи, когда внутри зоны то или иное диалектное явление встречается в одной группе говоров, а в другой группе говоров — нет» (с. 176).

Автор отмечает, что если диалектные

особенности якутского языка возникли в основном в результате влияния иноязычной среды, то его грамматический строй при этом не мог претерпеть сколько-нибудь значительных изменений. Отдельные грамматические особенности представляют собой обычно явления архаического порядка или локальные новообразования и реже — объясняются субстратным влиянием.

В разделе грамматики рассматриваются такие грамматические категории, как имя существительное, местоимение, числительное, глагол, наречие, а также сложные слова, редупликации и специфические аффиксы, употребляемые в северо-западных говорах. Автор выявляет особенности, встречающиеся при употреблении указанных грамматических категорий, особенно в склонении имен существительных, местоимений, числительных, рассматривает также категории множественности, наклонения и времена глаголов.

Изучение северо-западного этнического массива Якутии и исследование его языка позволили установить наличие пяти самостоятельных говоров: есейского, оленекского с эйикским подговором, анабарского с юрюнг-хаинским подговором, булунского и жиганского. Автором выявлены фонетические, лексические, отчасти грамматические особенности каждого диалектного подразделения.

Языковые особенности изучаемой зоны объясняются прежде всего субстратным влиянием, ибо принято считать, что диалектные различия в якутском языке в целом возникли в результате распространения его среди эвенкийского населения. Эвенкийский язык оставил заметные следы в языке якутского населения, проживающего на территории изучаемой зоны. Автор относит их к субстратным явлениям.

В конце книги приложен указатель использованных автором слов, представляющий большой интерес для специалистов.

Монография М. С. Воронкина «Северо-западная группа говоров якутского языка», несомненно, будет с интересом и с пользой прочитана не только специалистами по якутскому языку, но и всеми тюркологами-диалектологами.

М. И. Исламов

¹ А. А. Уфимцева. Опыт изучения лексики как системы. На материале английского языка. М., 1962, стр. 221.

МАШХУРА ТУРОПОВА. УЗБЕК ШЕВАЛАРИ СИНТАКСИСИ

УЗБЕКИСТОН ССР «ФАН» НАШРИЕТИ, ТОШКЕНТ, 1984, 143 стр.

За последние годы достигнуты большие успехи в изучении говоров и диалектов многих тюркских языков, в том числе и

узбекского. Существует немало работ, описывающих фонетические, морфологические и лексические особенности узбекских гово-

ров и диалектов. Однако монографических исследований, посвященных синтаксису узбекских говоров, до последнего времени не было. Некоторые сведения по синтаксису отдельных говоров содержатся, например, в работах Ф. Абдуллаева «Хорезмские говоры», М. Мирзаева «Бухарская группа говоров узбекского языка», Ю. Джуманазарова «Синтаксис южнохорезмских говоров».

Проведение специальных исследований по синтаксису узбекских говоров, отличающихся большим количеством своеобразных конструкций и оборотов, должно дать весьма ценные сведения в области грамматики современного узбекского литературного языка и его истории. Поэтому книга М. Тураповой «Синтаксис узбекских говоров» представляет значительный научный и практический интерес как для узбекских диалектологов, так и для специалистов современного узбекского языка.

Материалом для исследования автора послужили не только извлечения из опубликованных работ узбекских диалектологов, но и собранные ею самой данные в период экспедиций, систематически организовывавшихся, начиная с 1969 года, в Ташкентскую, Ферганскую, Кашкадарьинскую, Джизакскую области Узбекской ССР, а также в города Ош, Узген и более тридцати кишлаков Киргизской ССР.

Работа М. Тураповой состоит из предисловия, введения и пяти следующих глав: I. Члены предложения; II. Порядок членов в простом нераспространенном предложении; III. Усложненное простое предложение; IV. О двух синтаксических явлениях; V. Синтаксические отношения между литературным языком и диалектами.

Методика изучения говоров М. Тураповой основана на сопоставлении фактов и явлений синтаксической структуры узбекских говоров карлукского типа с аналогичными фактами и явлениями литературного языка. Автор отмечает характерную для диалектов особенность простого предложения: второе предложение начинается со сказуемого первого. Ею особо подчеркивается, что существуют две разновидности этого повтора: а) повторяется само сказуемое; б) повторяется сказуемое, выраженное дееспричастием и причастием, или сказуемое с частицами *-да*, *-де*.

Анализируя семантико-синтаксические особенности подлежащего в узбекских говорах, М. Турапова отмечает полное их соответствие особенностям подлежащего в узбекском литературном языке: обоим им присуще также выражение эмоционально-экспрессивных оттенков значения. В составе подлежащего может употребляться вспомогательный глагол *о'йган*. В этом случае подлежащее обозначает: 1) данный предмет или лицо, не известные слушающему; 2) служит для подтверждения, выделения сообщения об этом предмете или лице.

Из диалектных особенностей сказуемого автор выделяет два варианта повтора: а) в различных формах, но в одной функции; б) в одной форме и в одном значении.

Интонационные особенности синтаксических конструкций автором изучаются экспериментальным путем. Как известно, в области диалектологии подобный метод изучения синтаксиса не применялся. Полученные автором данные свидетельствуют о том, что расположение членов предложения тесным образом связано с интонацией (с. 25). Посредством интонации выражаются различные эмоционально-экспрессивные оттенки значений, а также субъективные оценки. В специальной части работы «Актуальное членение предложений» М. Турапова определяет интонацию как основное средство выражения коммуникативной функции членов предложения.

Автором подробно характеризуется порядок членов в простом предложении, представляющий одну из основных особенностей синтаксиса узбекских говоров. Порядок членов предложения в узбекских говорах определяется целью высказывания и смысловой взаимосвязанностью членов предложения. Информационная значимость членов предложения, их коммуникативная функция оцениваются степенью важности сообщаемого (основное, важное, главное сообщение или, наоборот, второстепенное, известное слушателю). Рассматривая порядок членов в простом нераспространенном предложении, автор характеризует его синтаксическую и стилистическую функции (с. 41). С изменением порядка изменяются функции подлежащего и сказуемого.

В разделе «Приложные конструкции» рассматриваются основные источники обогащения литературного языка, синтаксическая характеристика и интонационные особенности приложных конструкций. Эмоционально-экспрессивные и логико-семантические значения этих конструкций выражаются посредством интонации, что подтверждается экспериментальными исследованиями автора. Таким образом, М. Турапова впервые дает подробное описание интонационных особенностей приложных конструкций. Ей удалось установить, что основное предложение отделяется от приложной конструкции долгой паузой и что если основному предложению присущи высокий тон и интенсивность, то приложные конструкции подобных свойств лишены. Сопоставляя огромный фактический материал, автор обосновывает роль интонации в изменении порядка членов в предложении, связанного с их коммуникативной функцией.

В исследовании убедительное освещение получили два противоположных синтаксических явления — плеоназм и принцип экономии, тесно связанные с импровизационным характером разговорной речи (с. 119).

В заключительной части работы описываются и подвергаются анализу различные типы вводных слов и вводных предложений, прослеживается развитие употребле-

ния обособленных членов в языке художественной литературы.

М. Турапова отмечает, что изменения, наблюдаемые в синтаксисе узбекского литературного языка, являются результатом проявления двух тенденций: усвоения и развития конструкций, бытующих в народном языке, и влияния синтаксических конструкций русского языка.

С нашей точки зрения, исследование явле-

ний синтаксической экономии и синтаксического плеоназма автору следовало бы развить и углубить как весьма интересную и наименее изученную область узбекского языкознания. Следовало бы также подробнее остановиться на синтаксисе карлукских говоров в их сопоставлении с литературным языком.

А. Ишаев, К. Шарипова

Г. Ф. САТТАРОВ. МӘКТӘПТӘ ТУГАН ЯК ОНОМАСТИКАСЫ

ТАТАРСТАН КИТАП НӘШРИЯТЫ, КАЗАН, 1984, 208 стр.

Отличительной особенностью рецензируемой книги Г. Ф. Саттарова является то, что она связывает ономастику как науку с преподаванием таких школьных дисциплин, как язык, литература, история, география, биология.

Введение к книге знакомит читателя с предметом ономастики, ее ролью в изучении истории народа и его языка.

Первая глава посвящена раскрытию этнонима «татары» и топонима «Татарстан». Автор, анализируя различные мнения по этой проблеме, высказывает, на наш взгляд, правомерное суждение, что «татарами» называли со времен татаро-монгольских завоеваний сперва все неславянские народности, а затем тюркоязычные народы: волжских булгар, мишарей, типтярей, а также тюрков Крыма, Сибири и Астрахани. В этой же главе приводятся сведения о территории, национальном составе Татарии, диалектах татарского языка.

Во второй главе освещается этимология названия столицы Татарии. Относительно происхождения слова *Казан* существует множество предположений. Известно, что этим вопросом интересовался даже А. И. Герцен. Заслуживают внимания в этой связи высказывания таких видных ученых, как П. И. Рычков, М. Н. Пенигин, М. С. Шпилевский, В. В. Радлов, К. Фукс, Ш. Марджани, в наше время М. З. Закиев, А. Х. Халитов и др. Автор рецензируемой работы считает, что название города Казани восходит к названию «Казанка», а последнее представляет собой видоизмененную форму причастия прошедшего времени *казу*- 'рыть, копать': *казыган*→*казган*→*казан*. Нам данное предположение представляется достаточно убедительным¹.

В третьей главе Г. Ф. Саттаров, опираясь на многочисленные лингвистические и исторические труды, с учетом закономерностей фонетических изменений в тюркских языках, раскрывает этимологию названий всех тридцати восьми районов и районных центров Татарии. По нашему мнению, справедливы выводы автора о том, что многие татарские населенные пункты были основаны еще во времена Волжской Булгарии.

Г. Ф. Саттаров, видный специалист по тюркско-татарской ономастике, автор ряда работ в этой области языкознания, в целом, на наш взгляд, верно определяет происхождение названий большинства населенных пунктов. И все же отдельные названия требуют еще дополнительного изучения. Так, значение названия районного центра *Балык бистәсе* (букв. 'Рыбная слобода') автор определяет как «Городская слобода». При этом он исходит из того, что слово *балык* (в современном татарском — 'рыба') в древнетюркском означало «город» и «животное, обитающее в воде». Но если учесть, что село *Балык бистәсе*, находящееся у Камы, как пишется в «Памятной книге Казанской губернии на 1863 год», сперва было заселено рыбаками и что название этого села в современном татарском языке означает «Рыбная слобода», то определение Г. Ф. Саттарова представляется сомнительным. Вероятно, село было основано после присоединения Казанского ханства к Русскому государству и потому получило русское название «Рыбная слобода», а в татарском языке закрепился дословный перевод (*Балык бистәсе*).

Вряд ли можно возводить топоним *Мамдыш* к слову *Мәхәмәтиш*, как это делается в рецензируемой работе. Логичнее, как нам кажется, связывать этимологию данного омонима со словами *Мамад* и *иш* (*ыш*), второе из которых исторически означает «селение, деревня» (здесь проявляется закон исторического соответствия согласных *ш*—*л* в тюркских языках). По такому

¹ Подробнее об этом см. публикующуюся в настоящем номере журнала статью Г. Ф. Саттарова «Происхождение полисинима „Казань“».

же образцу созданы антропотопонимы *Актаныш, Тэкәнеш, Лаеш, Тәтеш* и другие, в которых выделяется второй компонент *иш (ыш, еш)*.

Г. Ф. Саттаров свои доказательства строит на многочисленных языковых фактах, удачно используя большое количество исторических, археологических и других материалов. Раскрытие этимологии топонимов сопровождается краткими сведениями об истории и современном положении районов и районных центров.

Важную часть работы Г. Ф. Саттарова составляет четвертая глава, посвященная изложению методов изучения ономастики родного края. Значительное место в данной главе отведено вопросникам для сбора материалов по ономастике родного села или края, включающие, в свою очередь, вопросники для сбора антропонимов, зоонимов, космонимов.

Изучение учащимися ономастики родного края на уроках родного языка и литературы, истории, биологии, географии и во внеучебное время, приобретение ими подробных сведений по этимологии названий родного села и прилегающих к нему населенных пунктов, рек, озер, лесов, полей, гор, оврагов и т. д., ознакомление с местной флорой и фауной, сбор материалов по антропонимике, составление родословных — все это безусловно способствует лучшему познанию родного края, его исторического прошлого, труда и быта его населения, воспитывает у молодого поколения чувство любви к родной земле, к Родине.

Как справедливо отмечает автор, изуче-

ние родословных может быть успешно использовано преподавателем в трудовом воспитании учащихся, их профориентации.

Специальный раздел четвертой главы работы посвящен изложению методики преподавания ономастики родного края на уроках татарского языка в полном соответствии с действующей программой по татарскому языку для средней школы (Казань, 1983).

В работе большое место отводится раскрытию особенностей синонимичной, антонимичной и омонимичной антропонимии в татарском языке. В другом разделе четвертой главы освещаются методы и приемы изучения ономастики родного края во внеучебное время.

В последней, пятой, главе рецензируемой работы методы и способы изучения в школе ономастики родного края раскрываются на примере научного анализа-исследования ономастики села Молвино Зеленодольского района ТАССР.

В заключение следует отметить, что «Ономастика родного края в школе» содержит немало ценных сведений по истории татарского языка, формированию татарского народа в процессе сложного взаимодействия близкородственных тюркских, а также угро-финских племен.

Работа Г. Ф. Саттарова — полезное пособие для учащихся, студентов и преподавателей, а также для всех тех, кто интересуется вопросами истории татарского народа и его языка.

Р. А. Юсупов

ФАТЫХ УРМАНЧЕЕВ. ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС ТАТАРСКОГО НАРОДА

ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, КАЗАНЬ, 1984, 310 стр.

Монография Ф. Урманчеева «Героический эпос татарского народа» является результатом многолетнего изучения автором эпического творчества татарского и других тюркских народов. До появления книги со статьями, посвященными отдельным сказаниям, выступали Х. Ярмухаметов, Ф. Ахметова и автор рецензируемого издания. Эти статьи явились как бы своеобразной подготовкой к осуществлению капитального монографического исследования татарского народного эпоса. Изучение Ф. Урманчевым истории татарского эпоса, его жанровых разновидностей — эпических сказаний, байтов и исторических песен — в тесной связи с пробле-

мами этногенеза и истории татарского народа является несомненным достоинством монографии.

Определяя задачи своего исследования, автор в первой главе дает подробный обзор развития татарской фольклористики. Как известно, начало сбора и изучения произведений татарского фольклора обычно относят к XVIII веку или даже ко второй половине XIX века. Ф. Урманчев отождествляет эту дату к значительно более раннему периоду, считая, что начало фиксации произведений татарского фольклора следует отнести к первой половине X века, то есть ко времени появления книги Ахмеда ибн-Фадлана «Путешествие на Волгу в

921—922 годах», в которой получили достаточно полное отражение мотивы и сюжеты эпических сказаний волжских булгар — предков татар Среднего Поволжья и Приуралья.

Заслуживает внимания освещение в работе роли носителей эпических традиций и форм бытования в народе сказаний и баитов. Эти вопросы ранее специально не изучались.

Основную часть книги составляет большая глава, посвященная эпическим сказаниям, большинство из которых в данной работе анализируются впервые. В связи с этим автору нужно было решить, какие произведения татарского фольклора следует отнести к народному эпосу, классифицировать их и раскрыть идейно-художественное содержание.

Рассматривая все эти вопросы в соответствии с основными положениями советской фольклористики, Ф. Урманчеев делит эпические сказания татарского народа на архаико-героические, героические, лиро-эпические и сказания книжного происхождения. Такое определение жанровых особенностей отдельных сказаний не вызывает возражений.

Изучение произведений татарского эпоса автор связывает с историей материальной и духовной культуры народа, в свою очередь связанной с историей и культурой других тюркских народов. Татарские версии различных эпических сказаний сопоставляются автором с версиями, бытующими у этих народов. Особенно активно привлекаются материалы алтайского, казахского, киргизского и башкирского эпосов, что углубляет анализ конкретного материала и делает более убедительными высказывания и предположения автора.

Сравнительно-историческое изучение произведений татарского эпоса позволяет выявить их национальное своеобразие. Особенно удачно, с этой точки зрения, проанализированы сказания о Туляке, «Ак Кубек», «Кузы-Курпач и Баян-сылу», легенды о булгарских богатырях, татарская версия сказания об Алпамыше и ряд других.

Наиболее изученным жанром произведений татарского народного эпоса являются, пожалуй, баиты. Но и здесь автор рассматривает этот материал с новой точки зрения, связывая его с древнетюркскими письменностью и героическим эпосом. В главе о баитах Ф. Урманчеев подробно останавливается на древнетюркских истоках этого жанра и его поэтики.

В последней главе книги «Исторические песни» автор обращается к рассмотрению совершенно не изученной проблемы татарской фольклористики. Историческим песням Ф. Урманчеевым ранее был посвящен ряд статей, в которых рассматривались некоторые аспекты их изучения. Однако специальному исследованию этот жанр фольклора до сих пор не подвергался. В книге Ф. Урманчеева исторические песни татарского народа впервые получили научное освещение.

Не можем не отметить, что название книги уже ее содержания, ибо в монографии наряду с героическими сказаниями рассматриваются также лиро-эпические произведения и исторические песни. В данном отношении автор, по-видимому, следовал существующей традиции озаглавливания подобных работ, вопреки своему названию, включающих также исследование лиро-эпических сказаний и дастанов. С другой стороны, название монографии Ф. Урманчеева — своеобразное утверждение существования произведений героического эпоса в жанровом составе татарского фольклора, что рядом исследователей не признавалось.

Определенные возражения может вызвать классификация сказаний, столкновение отдельных произведений татарского фольклора, что вполне естественно для работы подобного масштаба.

В заключение хочется отметить широкую эрудированность автора книги, прекрасно разбирающегося в специфике и закономерностях развития народного эпического творчества, что позволило ему создать монографическое исследование, представляющее несомненный интерес для всех фольклористов-тюркологов.

М. З. Закиев, Х. Ш. Махмутов

«ТАТАР ЭДӘБИЯТЫ ТАРИХЫ».

ТАТАРСТАН КИТАП НЭШРИЯТЫ, I ТОМ. КАЗАН, 1985, 565 стр.

Вышел в свет первый том шеститомной «Истории татарской литературы», охватывающий период со времени первых письменных памятников общетюркского характера по XVIII век.

Том открывается статьей главного редак-

тора Н. Г. Юзиева, в которой сформулированы цели и задачи издания, характеризуется методика работы над многотомником.

Ш. Ш. Абилов в вводной статье дает краткий обзор истории изучения средневе-

ковой татарской литературы, останавливается на вопросах ее периодизации, характерных особенностях и основных жанрах, прослеживает развитие в ней элементов реализма.

Каждому этапу истории средневековой татарской литературы в томе посвящается самостоятельный раздел: литература Булгарского государства (IX—XIII вв.); памятники XIII—XV и XV—XVI веков; литература XVII века, произведения писателей XVIII века. Подобная структура тома способствует раскрытию закономерностей развития литературы на каждом историческом отрезке времени в тесной связи с историей общественной мысли.

В книге прослеживается большое влияние на развитие и становление татарской литературы таких известных тюркоязычных памятников, как поэма Юсифа Баласагуни «Кутадгу билиг», словарь Махмуда Кашгари «Дивану лугат-ит-тюрк», творчество А. Ясави, С. Бакиргали, А. Югнаки и других авторов среднеазийского региона.

В томе значительное место уделено поэме «Кыссаи Йусуф». Разделы, посвященные этой поэме и ее автору, написаны Ш. Абиловым и Н. Хисамовым.

Как известно, в начале XIII века Булгарское государство пало под натиском монгольского нашествия. Однако духовная культура народа продолжала развиваться. Уже в XIV веке, примерно через сто лет после завоевания Булгарии монголами, в городах Поволжья возобновляется интенсивная литературная жизнь. В различных регионах, находившихся под игом Золотой Орды, на литературном языке тюрки создаются такие крупные литературные произведения, как «Хосров и Ширин» Кутба (1342), «Мухаббатнаме» Хорезми (1354), «Нахджуль-фаридс» Махмуда ибн Али (1358), «Джумдзума султан» Кятиба (1370), «Гулистан бит-тюрки» и «Сухайл ва Гюльдерсен» Сайфа Саран. Именно благодаря им в татарской литературе сложились традиции, во многом обусловившие ее дальнейшее развитие. Поэтому вполне оправдано, что в томе каждому из этих произведений посвящен отдельный раздел. Среди этих работ особыми научными достоинствами выделяются разделы, посвященные творчеству Кутба (автор А. Т. Тагирджанов) и Сайфа Саран (автор Х. Ю. Миннегулов).

Проблема взаимодействия и взаимовлияния литератур находится в центре внимания авторов тома. Образцы татарской литературы, ее мотивы, сюжеты, формообразующие элементы сопоставляются с русской, арабской, персидской, западноевропейскими литературами, оказавшими на нее благотворное влияние. Однако некоторые авторы тома, на наш взгляд, слишком прямолинейно сводят взаимосвязи лишь к «заимствованию» и «подражанию». Так, в статье Я. Ахметгалиевой, в целом добротной и глубокой, анализ стихотворной формы «Кисекбаш китабы» основан на уста-

ревшей концепции, согласно которой тюркский стих восходит к двум разнородным истокам — *бармаку* и *арузу*, первый из которых принято считать исконно народным, а второй — заимствованным у арабо-персидской поэзии.

Между тем в татарском литературоведении в последнее время все более широкое признание получает мнение, достаточно убедительно обоснованное Х. Усмановым, сводящееся к тому, что основы двух вышеуказанных форм ритмической организации тюркского стиха возникли еще в дописьменном народном творчестве в синкретическом единстве, а в дальнейшем произошло их разъединение¹.

Литературная жизнь и письменные памятники XV—XVI веков подробно рассмотрены в разделе, написанном Ш. Абиловым, который отдельно останавливается на «бродячих сюжетах», романтических коллизиях добра и зла, любви и долга.

В томе дан литературоведческий анализ творчества видного поэта Казанского ханства Мухамедъяра — автора ряда ярких эпических поэм (Ш. Абилов).

Татарский вариант письменного памятника «Дастан Бабахан» анализируется фольклористом Ф. Ахметовой в сопоставлении с другими тюркоязычными вариантами. По мнению автора, условия средневековья способствовали возникновению у многих народностей, находившихся примерно на одинаковом уровне экономического и культурного развития, однотипных литературных произведений и традиций. К сожалению, в разделе совершенно не говорится о творчестве такого самобытного поэта, как Умми Камал (XV в.), о тюркском переводе «Шахнаме», выполненном Шарифом (XVI в.), что несколько обедняет его.

Присоединение Казанского ханства к Русскому государству положило начало коренным социально-экономическим и культурным преобразованиям в жизни татарского народа. Так, часть населения была привлечена к государственной службе, возникло новое сословие так называемых «служилых» татар. Расслоение общества нашло отражение и в литературе. Например, «Джамигыт-таварих» — «Собранию летописей» Кадира Али-бека противостояло другое направление в татарской литературе рассматриваемого периода, связанное с религией ислама и примыкавшее к суфизму. Правда, в некоторых произведениях суфийской литературы осуждались алчность, стяжательство, жестокость и т. п. Видным представителем этого направления был Мавля Кулий, сумевший во многих случаях преодолеть каноны суфийской мистики (Ш. Абилов, К. Давлетшин). В томе предпринята попытка осветить и объяснить

¹ См.: Х. Госман. Татар шигыре. Казан, 1964, стр. 156; *его же*. Шигырь төзелеме. Казан, 1975, стр. 190.

некоторые особенности влияния суфийской идеологии на татарскую литературу (Ш. Абилов).

Пожалуй, ни одно из мистических, религиозно-философских течений Востока не вызывало столько споров, разноречивых суждений, трактовок, интерпретаций, как суфизм. В томе последний рассматривается лишь в общем плане, интуитивные догадки не всегда подкрепляются литературными материалами. Это литературное направление, ориентированное на арабскую поэтическую культуру, достигнув кульминации в XVIII веке, начинает со временем вытесняться более прогрессивными направлениями, прежде всего народным устно-поэтическим творчеством. Немалую роль в данном процессе сыграли русская литература и культура, а через ее посредство и литература западноевропейская. Так было положено начало сложному процессу перехода от средневековых литературных канонов, религиозных догм и схоластики к литературе нового времени. Историко-теоретическое и литературно-эстетическое осмысление художественного наследия XVIII века имеет особое значение, ибо именно в этот период были заложены основы развития подлинно национальной литературы.

Одним из главных достоинств тома, на наш взгляд, является то, что в нем впервые в татарском литературоведении разбирается творчество таких «забытых» ранее писателей, как Габди (Ш. Абилов), Габдессалам (М. Ахметзянов), анализируется малоизученное прозаическое произведение «Письмо Батырши царю» (Г. Б. Хусанов). Эти материалы обогащают и расширяют представление о татарской литературе XVIII века, характеризующейся новыми для средневековья реалистическими и гуманистическими тенденциями. Отдельный раздел посвящен творчеству талантливого поэта и ученого Габдурахима Утыз-Имани (А. М. Шарипов).

Заключительная часть тома, написанная разными авторами, затрагивает общие теоретические проблемы средневековой татарской литературы. В томе даны очерки языковых особенностей произведений средневековой татарской литературы, истории

развития татарского языка до второй половины XIX века, то есть до формирования татарского литературного языка (М. З. Закиев), стиля и художественных особенностей произведений той эпохи (Х. Р. Курбатова). В них прослеживается сложный и противоречивый процесс становления национального языка, формирования литературных стилей.

Как известно, татарская литература всегда развивалась в тесной связи с другими родственными литературами. В книге рассказывается о взаимосвязях татарской литературы с ними в средневековье (А. М. Шарипов). Более убедительно, на наш взгляд, могли быть раскрыты творческий метод и проблема героя в средневековой литературе (Ш. Абилов, М. Залялиева), хотя сам термин «творческий метод» применительно к средневековой литературе, может быть использован, конечно, лишь условно.

Хотелось бы отдельно отметить текстологическую работу, сделанную авторским коллективом тома. Все древние тексты снабжены добротными переводами на современный татарский язык и научными комментариями. К книге приложена хроника литературных явлений и событий с VII—VIII по XIX век. Удачным следует признать включение в том фотоснимков древнетюркских письменных памятников, болгарских монет X—XII веков и других иллюстративных материалов.

Первый том «Истории татарской литературы» создан большим коллективом авторов, работавших в содружестве с татарскими, башкирскими, азербайджанскими и русскими литературоведами.

Рецензируемый том «Истории татарской литературы» — это капитальный труд, являющийся, несомненно, вкладом в изучение истории национальных литератур нашей страны.

Хочется верить, что последующие тома многотомной «Истории татарской литературы» будут столь же интересны и содержательны и, следует надеяться, — не заставят долго себя ждать.

Т. Галиуллин

PERSONALIA

НОДАР НИКОЛАЕВИЧ ДЖАНАШИА

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения и тридцать пять лет научной и педагогической деятельности заведующего кафедрой тюркологии Тбилисского университета, доктора филологических наук, профессора Джанашиа Нодара Николаевича.

Н. Н. Джанашиа родился 25 мая 1925 года в Тбилиси. С 1943 по 1945 год он служил в Советской Армии, был участником Великой Отечественной войны. Имеет ряд боевых наград.

Демобилизовавшись из армии, Н. Н. Джанашиа в 1946 году поступил на отделение тюркской филологии факультета востоковедения Тбилисского университета. После окончания университета в 1951 году по рекомендации и под руководством академика Академии наук Грузинской ССР С. С. Джиква он продолжает учиться в аспирантуре Тбилисского государственного университе-

та по специальности тюркское языкознание. В 1955 году Н. Н. Джанашиа защитил кандидатскую диссертацию «Особенности речи тюркоязычного населения Верхней Цалки».

Еще будучи в аспирантуре, Н. Н. Джанашиа заинтересовался теоретическими вопросами грамматического строя тюркских языков. Этой теме посвящена вся его дальнейшая научная деятельность. В 1970 году Н. Н. Джанашиа защитил докторскую диссертацию «Исследование по морфологии турецкого глагола». Творчески развивая существующие прогрессивные методологические разработки грамматического строя тюркских языков, Н. Н. Джанашиа внес свою лепту в синхронно-типологическое изучение грамматического строя современного турецкого и азербайджанского языков.

В публикуемых Н. Н. Джанашиа в течение ряда лет работах получили новую трактовку узловые вопросы морфологии глагола и некоторые другие проблемы турецкого и азербайджанского языков: послелоги и служебные имена (1960), деепричастия в турецком языке (1969), система залогов в турецком и азербайджанском языках (1965, 1974), классификация турецких глаголов по формальному признаку (1973, 1983) и др.

На основе системного и строго синхронно-типологического метода изучения Н. Н. Джанашиа обосновал наличие в турецком языке глагольных морфологических категорий взаимно-совместного действия, категории каузатива (1976), категории потенциализа в турецком и азербайджанском языках (1959), категории очного и заочно-го актов действия (1965).

Новую трактовку в работах Н. Н. Джанашиа получили вопросы аспектуально-темпоральных отношений во временных формах турецкого глагола, вопрос о наклонениях в турецком языке, о соотношении времени и акта внутри наклонения (1972), о выражении лица и числа в турец-

ком глаголе (1974), о системе глагольных имен (1967).

Во всех перечисленных разработках особую ценность представляют квалификационные схемы, содержащие весь морфологический ассортимент категорий глагола и полную инвентарно-дистрибутивную характеристику соответствующих морфологических и грамматических средств. Эти схемы, кроме научно-теоретического, имеют и большое практическое учебно-методическое значение.

Многолетние наблюдения над строем глагола в современном турецком и азербайджанском языках нашли также отражение в капитальной монографии ученого «Морфология турецкого глагола» (Тбилиси, 1981).

Необходимо отметить также работу Н. Н. Джанашиа в области художествен-

ного перевода на грузинский язык ряда прозаических произведений азербайджанских и турецких писателей. Им переведены на грузинский язык произведения классиков азербайджанской литературы Дж. Мамедкулизаде и А. Ахвердова, многих современных азербайджанских и турецких писателей.

Н. Н. Джанашиа член Ассоциации востоковедов СССР, Советского комитета тюркологов, председатель специализированного совета при Тбилисском государственном университете.

Коллеги и друзья Нодара Николаевича Джанашиа желают ему в связи с юбилеем доброго здоровья и многих лет плодотворной творческой работы в области тюркологических исследований.

Н. Н. Шенгелия

АЗАМ ШЕРМАТОВ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения видного узбекского языковеда, доктора филологических наук, профессора Азама Шерматова.

А. Шерматов родился 1 сентября 1925 года в селе Пулати Касанского района Кашкадарьинской области Узбекской ССР. Окончив в 1947 году среднюю школу, он

стал работать учителем. После окончания в 1951 году филологического факультета Бухарского государственного педагогического института им. С. Орджоникидзе он по 1956 год преподавал узбекский язык в Каршинском учительском институте, занимая одновременно должность заместителя директора этого института. В 1957 году А. Шерматов поступил в аспирантуру Ташкентского государственного педагогического института им. Низами, по окончании которой в 1961 году успешно защитил кандидатскую диссертацию «Каршинский говор узбекского языка».

С этого времени научно-педагогическая деятельность А. Шерматова неразрывно связана с Ташкентским госпединститутом им. Низами. Доцент кафедры узбекского языкознания, декан историко-филологического факультета, заведующий кафедрой узбекского языка русского отделения. А. Шерматов с 1973 года по настоящее время заведует кафедрой общего языкознания факультета узбекской и казахской филологии. Одновременно А. Шерматов ведет научную работу: он изучает фонетические, лексические и морфологические особенности говоров Кашкадарьинской области. В определении ареала различных говоров этого региона и их классификации А. Шерматов придерживается новейших методов исследования. Он картографирует диалекты и говоры Кашкадарьинского региона, лично обходя все входящие в него населен-

ные пункты. Собранный им материал лег в основу его докторской диссертации «Проблемы современного функционирования и исторического развития узбекских диалектов (на материале говоров Низовья Кашкадарьи)», которая была им защищена в 1978 году. В том же году вышла его монография «Узбекские народные говоры Кашкадарьинской области». В 1982 году А. Шерматову было присвоено ученое звание профессора.

А. Шерматов является автором более десяти научных и учебно-методических работ, пособий и программ; им опубликовано более шестидесяти научных статей, посвященных вопросам диалектологии и другим областям языкознания. В числе трудов А. Шерматова «Узбекские говоры Низовья Кашкадарьи» (1974), «Словарь говоров Низовья Кашкадарьи» (1974), «Материалы по узбекским народным говорам» (1975), «Атлас узбекских народных говоров Кашкадарьинской области» (1978), «Методические указания по узбекской диалектологии для студентов-заочников филологического факультета» (1980). В педагогических институтах республики широко используются составленные А. Шерматовым в соавторстве программы по курсам: «Введение в

языкознание», «Общее языкознание», «Узбекская диалектология». А. Шерматов работает над составлением «Атласа узбекских народных говоров».

А. Шерматов — активный участник всесоюзных и региональных совещаний и конференций, посвященных диалектологии тюркских языков.

А. Шерматов принимает самое активное участие в деле подготовки высококвалифицированных научно-педагогических кадров, является членом специализированных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций при Ташкентском госпединституте им. Низами и Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР.

Указом Президиума Верховного Совета Узбекской ССР от 30 сентября 1985 года ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Узбекской ССР».

Многочисленные коллеги, друзья и ученики, поздравляя А. Шерматова с юбилеем, желают ему доброго здоровья, долгих лет жизни и новых успехов в научной и педагогической деятельности.

А. Ходжиев, Н. Махмудов

Х Р О Н И К А

АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЯЗЫКОЗНАНИИ И ЭТНОГРАФИИ

28—30 января 1985 года в Уфе состоялась пятая конференция по ареальным исследованиям в языкознании и этнографии, организованная по инициативе ордена Дружбы народов Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Института славяноведения и балканистики Академии наук СССР, Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР, ордена «Знак Почета» Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР.

Работа конференции проходила в секциях: общие проблемы лингвоэтнографии, картографирование в языкознании и картографирование в этнографии.

Открывая конференцию, заведующий сектором народов зарубежной Азии Ленинградской части Института этнографии А. М. Решетов отметил, что в последние годы ареальные исследования в Советском Союзе приняли широкий размах. В настоящее время ведется подготовка «Общеславянского лингвистического атласа», «Диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза», «Лингвистического атласа украинских народных говоров», советские лингвисты участвуют в составлении «Лингвистического атласа Европы» и т. д. Одновременно ведутся ареальные исследования по материальной и духовной культуре, проводится картографирование этнографических реалий, накоплен опыт по установлению связи изоглосс с изопрагмами. Картографирование в лингвистике и этнографии приобретает все большее научное значение.

На первом пленарном заседании Р. Г. Кузеев и Н. В. Бикбулатов (Уфа) выступили с докладом «С. И. Руденко — выдающийся этнограф, антрополог и археолог», посвященным столетию со дня рождения ученого.

А. М. Бородина (Ленинград) в своем докладе «Ареалогия и типология ареалов» остановилась на предмете ареалогии и содержании отдельных терминов, указав на необходимость четкого их применения, а также на классификации ареалов, соответственно их форме.

Н. Х. Максютова (Уфа), выступившая с докладом «Диалектологический атлас башкирского языка (итоги и задачи)», отметила преимущества изучения языка способом картографирования, позволяющего выяснять происхождение и эволюцию явлений, определять критерий диалектальности и нормативности. Этот атлас, подводящий итог пятнадцатилетней разработки вопросов диалектологии башкирского языка, включает большой корпус вступительных статей, справочные материалы, вспомогательные карты, таблицы (500 шт.), 171 карту и комментарий к картам, интерпретацию языковых явлений, библиографию. Уточнена классификационная система башкирского языка. Хотя составление атласа и завершено, предстоит еще картографирование фрагментарных явлений, характерных для небольших территорий, лингвогеографическое изучение островных башкирских говоров, находящихся в окружении иносистемных языков.

Н. Н. Широкова (Новосибирск) в докладе «Диалектологический атлас тюркских языков СССР» (ДАТЯ) остановилась на этапах составления атласа, на состоянии зональных разработок, на ходе сбора материалов и составлении таблиц по территориальным группам тюркских языков. Атлас включает введение, справочные материалы, 275 таблиц, 226 карт и комментарий к картам. Таблицы, помимо сведений по заданной теме, содержат дополнительные сведения по лексике, фонетике, морфологии и т. д. Карта-основа составлена на базе карты ГУГ к 1977, 7:15000000, использована опорная карта с фиксированной сетью населенных пунктов. Карты отдельных явлений представляют собой основной тип карт атласа. В ДАТЯ это фонетические и лексические карты. Что касается морфологии, то здесь роль исходных карт играют таблицы. Атлас включает 186 таких таблиц.

В сообщении А. О. Васильевой и Н. А. Кожиной (Москва) «Принципы организации лексических карт в Лингвистическом атласе Европы» (ЛАЕ) говорилось о зада-

чах и различных методах решения карт. Отмечалось, что в 1985 году вышел из печати Первый выпуск ЛАЕ (изд-во Ван Горкум, Эссен, Нидерланды), посвященный памяти первого председателя Советской комиссии ЛАЕ, чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова. Выпуск состоит из двух частей: тома карт с легендами и тома комментариев. Комментарии написаны в форме научных статей и объясняют основные принципы построения карт и их символизации. Выпуск содержит 19 карт, 4 из них принадлежат советским авторам. Карты подразделяются на ономаσιологические и мотивационные. М. Алинеи (Нидерланды) выделил названия радуги, в основе которых лежит признак «дуги», сделав одну ономаσιологическую и три мотивационные карты. Комплекс карт «радуга» особенно показателен тем, что одновременно затрагивает вопросы этнографии, фольклора, взаимодействия культур разных народов. К печати готовятся два очередных выпуска, в которые войдут шесть советских карт растительного мира. В настоящее время начаты подготовительные работы по второму «Вопроснику», который включает фонологию, морфологию, синтаксис, семасиологию. Карты, опубликованные в первом выпуске, дают полное представление о теоретической и практической ценности атласа.

И. А. Попов (Ленинград) в докладе «О некоторых аспектах лингвогеографического изучения диалектной лексики» поставил вопрос о дальнейшем этапе лингвистических поисков в области лексики диалектов русского языка. В последние десятилетия благодаря большим работам, проведенным по диалектной лексикографии и лексикологии, необходимость создания лексических атласов не только на материалах русского языка, но и других славянских языков становится все более ощутимой. В настоящее время имеется два основных направления практической и теоретической разработки проблемы: 1) лексические атласы, включающие разные как в тематическом, так и в лексико-семантическом плане группы лексики; 2) этнолингвистические атласы. Эти направления лингвогеографического изучения диалектов и лексики являются взаимно дополняющими. Очень важно при этом активизировать усилия по созданию разных типов атласов, что позволит наиболее полно отразить основные фрагменты словарного состава в условиях их нивелирования.

Н. Л. Сухачев (Ленинград), выступивший с докладом «Атласная картография и ареальные исследования», сосредоточил внимание на определении теоретических основ атласной картографии, включающей круг проблем, связанных с подготовкой атласа и его программы, с организацией полевых исследований и картированием полученных данных; с использованием материала карт в качестве источника дальнейшего лингвистического и этнографического

анализа; с использованием карты в качестве иллюстрации и как метода анализа; с интерпретацией данных картографического анализа; с отнесением полученной модели к конкретной этнолингвистической ситуации.

И. А. Дзедзевский (Ужгород) в докладе «К вопросу о содержании комментариев к лексическим картам (на материале славянских лингвистических атласов)» говорил о достижениях славянской диалектологии, характеризующейся развитием лингвогеографии. Издано свыше 30 и подготовлено около 20 национальных и региональных атласов. Издана также монография «Вопросы теории лингвистической географии» (М., 1962), опубликован и ряд статей по общим и частным вопросам теории лингвогеографии. Славянские атласы по содержанию комментариев не однотипны. В некоторых из них отсутствуют комментарии, скартографированные лексемы комментируются текстом, схемами, таблицами, а изучаемые реалии материальной культуры — рисунками, фото и т. п. Комментарии должны содержать информацию, способствующую правильному прочтению и интерпретации карт. Желательно также в конце комментария к карте дать информацию о монографии, статьях, написанных на тему карты, а также снабжать диалектологические карты библиографией.

З. П. Здобнова (Уфа) посвятила свой доклад «Из опыта составления тематических и обобщающих карт» использованию при составлении национальных и региональных атласов принципов и методов лингвогеографии, разработанных в процессе создания «Диалектологического атласа русского языка» (ДАРЯ). Эти принципы полностью учитывались в составлении периферийного атласа русских говоров на территории Башкирии.

З. Г. Ураксин (Уфа) в докладе «Ареальные признаки топонимов» остановился на топонимических формантах, имеющих значение с точки зрения ареальной, исторической лингвистики и этнографии. Установление границ топонимов в связи с ареальными языковыми признаками проливает свет на расселение и миграцию башкир.

В. А. Никонов (Москва) в докладе «Карта — не иллюстрация» отметил значение карт как основного метода исследования исторической географии, диалектологии и этнографии. Картотирование количественных соотношений способствует решению труднейших историко-лингво-этнографических проблем.

В докладе В. К. Павела (Кишинев) «Составные наименования как объект картографирования» говорилось о фиксировании наименований разной структуры, в том числе расчлененных единиц номинации. Сложноструктурные наименования отражают один из этапов развития процесса номинации и становления словесных знаков. На

картах новой серии, предназначенных для молдавского атласа, будут отражены все основные разновидности словосочетаний-названий.

Н. Н. Пшеничнова (Москва) в докладе «Введение в память ЭВМ материалов „Диалектологического атласа русского языка“» охарактеризовала работу сектора диалектологии и лингвгеографии Института русского языка Академии наук СССР по созданию «Автоматического варианта ДАРЯ» (АВ ДАРЯ), ведущуюся в соответствии с единым координационным планом разработки машинного фонда данных русского языка. Была аргументирована целесообразность создания информационной автоматизированной базы данных по русской диалектологии.

Ю. Д. Каражаев (Орджоникидзе) выступил с докладом «Синтаксические отношения в методике атласной картографии», в котором высказал мнение о том, что синтаксис как центр взаимодействия различных уровней языка, как организующее средство коммуникации, отражающее образ мышления и этнографическое бытие людей, должен стать объектом лингвгеографического изучения. Исследования должны строиться по заданной формуле — синтаксические отношения и способы их выражения в тех или иных ареалах.

А. К. Байбури и **Н. Б. Вахтин** (Ленинград) в докладе «О программе этнолингвистического ареала» предложили новую программу исследования северо-восточных палеоазиатских языков, акцентируя внимание на необходимости обследования всей системы сохранившихся явлений. Степень владения родным языком, народные верования, элементы материальной культуры создают специфические положения, представляющие интерес как для изучения языковых интерференций, так и особенностей перестройки духовной и материальной культуры этноса.

В докладе **А. Ф. Ивановой** (Москва) «Специфика составления одного из атласов Центральной зоны» говорилось об опыте создания атласа отраслевой терминологической лексики.

М. И. Дилмухаметов (Уфа) в сообщении «Изолинии гласных а, э в диалектах башкирского языка» рассмотрел распространение параллельных слов, употребляемых с а, э в различных регионах, на материале «Диалектологического атласа башкирского языка». Это позволило автору пересмотреть существующее в башкирском языкознании представление о распределении указанных гласных звуков.

Н. Х. Ишбулатов (Уфа) выступил с сообщением «Северо-восточные говоры башкирского языка и их отношение к восточным тюркским языкам».

Л. Ш. Арсланов (Елабуга) в сообщении «Об атласе тюркских языков Нижнего Поволжья и Ставропольского края» поделился опытом составления по определенной

программе регионального атласа, охватывающего территории Астраханской, Волгоградской областей, Ставропольского края, Калмыцкой АССР.

С. Ф. Миржанова (Уфа) в докладе «Указательное местоимение *ошо, шул, шу, шушы* 'это' в говорах башкирского языка по данным лингвгеографии» сообщила об установлении ею на основе лингвистической карты ареалов функционирования данных форм и их семантические различия в сравнении с соответствующими фактами других тюркских языков.

В докладе «Башкирская топонимия в ареальном отношении» **А. А. Камалов** (Уфа) на примере названий *айыр, акма, арал, арка, арык, ауыз, баз, балак* говорил о сделанном им выводе, о том, что широко локализованные апеллятивы, распространенные и на территории других тюркоязычных народов, в пределах Башкирии составляют замкнутый ареал.

Н. И. Егоров (Чебоксары) в докладе «К ареальному изучению среднебулгарских лингвистических этнокультурных интерференций в Волжско-Уральском регионе» указал на определенную лингвистическую и этнокультурную общность народов, населяющих Волжско-Уральский регион. Эта общность сложилась в результате многовековых интерференций в контактировавшие этносы среднебулгарских (VII—XIV вв.), казанско-татарских (XV—XIX вв.), собственно чувашских (XIV—XIX вв.), финно-угорских (VII—XIX вв.) и русских (XVI—XX вв.) языковых и этнокультурных элементов, что привело к появлению многочисленных лингвистических и этнокультурных параллелей у народов данного ареала. Изоглоссы и изопрагмы показывают, что по всему региону распространялось языковое и культурное влияние волжских булгар.

У. Ф. Надергулов (Уфа) в сообщении «К проблеме реализации некоторых анлаутных согласных башкирского языка» на основе материалов «Диалектологического атласа» проследил проявление фонетических вариантов анлаутного согласного в слове *зур* 'большой' в зависимости от его ареалов. В диалектах башкирского языка встречаются следующие фонетические варианты этого слова: *зур, зур, дур, нур, йур, тур, сур*. Ареалы и частотность употребления каждого из них весьма различны.

В сообщении **Т. Эшенкулова** (Фрунзе) «Из опыта составления топонимических карт Киргизии» говорилось о результатах картографирования топонимии республики. Ойконимы, отражающие природные особенности, составляют 46%, названия социально-экономического характера 54%. Новым в ойконимии Киргизии являются названия мемориального характера, связанные с политическими социально-экономическими изменениями в жизни киргизов.

Ф. Г. Хисамитдинова (Уфа) в сделанном ею сообщении «К ареальной характеристике названий с булгарскими чертами в топо-

нимии Башкирии» указала на территорию наибольшего распространения болгарских элементов в топонимии (бывшей Белебеевский, Бугульминский, Мензелинский уезды). Названия с болгарскими чертами имеются и в северо-восточном регионе (бывшие Троицкий и Челябинский уезды), что свидетельствует о наличии более древнего общего субстрата, воздействовавшего на язык как болгар, так и башкир.

Е. В. Перехвальская и *А. Ю. Русаков* (Ленинград) в сообщении «Лингвистические ареалы и внешние контакты (севернорусский диалект цыганского языка)» рассмотрели изменения в речи цыган под влиянием контактирования с окружающим населением. Северный диалект русских цыган сохранил следы воздействия на него балканского языкового союза и германских языков, что позволяет судить о путях их миграции. Этот диалект испытывает интерференционное воздействие русского языка, которое выражается в употреблении видоизмененной системы, освоении союзов, союзных слов, а также в утрате отдельных исконных черт (утрата артикля).

Р. Х. Халикова (Уфа) в сообщении «Ареальные признаки тюрки Урало-Поволжья и их роль в формировании башкирского литературного языка» остановилась на особенностях фонетики, морфологии и лексики тюрки Урало-Поволжья.

Н. В. Подольская (Москва) и *А. Г. Шайхулов* (Уфа) выступили с сообщением «Методологические аспекты составления Атласа тюркских топонимов Волго-Камско-Уральского лингвономастического региона».

Р. Ш. Насибуллин и *В. А. Ляшев* (Ижевск) в сообщении «Аспекты картографирования пермской лексики» отметили, что стимулом для некоторого оживления пермской лингвогеографии послужило включение пермских языков в Лингвистический атлас Европы. Первые пробные лексические карты составлялись по сетке ЛАЕ. Понятие «радуга» получило в пермских говорах свыше двадцати наименований, приобретая значения то водяного, то охотничьего пояса, коромысла, божьей дуги, божьей дороги и т. п. Лексические карты дают много ценного и в изучении взаимодействия пермских языков (пермско-прибалтийско-финского, пермско-самодийского) с уральскими. Составление атласа заимствованной лексики из тюркских и русского языков показывает, что для обозначения одних и тех же понятий заимствовано более 2000 слов. Интенсивное усвоение тюркизмов пермскими языками началось с VIII века, а русского — с XIII века.

М. Г. Усманова (Уфа) в сообщении «География топонимов, связанных с племенем *бурйан* (бурзян)» говорила об этнотопонимах башкир. Топонимы, возникшие на основе этнонима «бурзян», функционируют главным образом в юго-западном и западном районах Башкирии. Территория рас-

пространения этих топонимов намного шире территории обитания исторического племени бурзян.

Ю. П. Чумакова (Уфа) выступила с сообщением «К проблеме лексических связей южновеликорусских и белорусских говоров».

Г. Г. Гареева (Уфа) в сообщении «Ареальное отражение женского нагрудного украшения», основываясь на материале «Диалектологического атласа башкирского языка», говорила о распространении названия украшения *муйса* и о его лексических параллелях в говорах башкирского языка.

Л. Л. Аюпова (Уфа) выступила с сообщением «Об ареальном подходе к изучению иноязычных диалектных явлений в русских говорах Башкирии».

На секции «Картографирование в этнографии» обсуждался широкий круг вопросов, связанных с ареальными этнографическими исследованиями.

Доклады и сообщения на пленарных и секционных заседаниях вызвали живой обмен мнениями. В их обсуждении приняли участие лингвисты и этнографы Ленинграда, Москвы, Новосибирска, Киева, Ужгорода, Минска, Уфы, Фрунзе, Ижевска и других городов, а также преподаватели высших учебных заведений Башкирской республики и других областей. Конференция отметила успехи в развитии ареальных исследований в области языкознания и этнографии, их возросший научно-теоретический уровень и практическое значение. Доклады и сообщения представляли значительный интерес с точки зрения методологии и теории ареалистики, добротности привлеченного фактического материала, обширности ареала предмета обсуждения. Несмотря на недостаточно представленное картографирование тюркских языков, деловая встреча славянских, тюркских, финно-угорских лингвогеографов и этнографов, обсуждение ими назревших проблем убеждают в научной результативности и полезности конференции. Тюркская лингвогеографическая школа, имеющая почти полувековую традицию, за последние годы достигла заметных успехов. Тесное научное содружество славянских и тюркских лингвогеографов — залог успешной работы в области ареальных исследований.

Участники конференции говорили и о недостатках в выборе темы карт, в составе и структуре комментариев к картам, в графическом их решении и т. д. Отмечалось, что большой накопленный материал по русским диалектам требует создания информационной автоматизированной базы, для анализа данных с помощью ЭВМ.

Конференция указала на необходимость регулярного обсуждения проблем ареальной лингвистики и на целесообразность проведения обсуждений по группе языков (например, тюркских языков — в связи с ДАТЯ). Было высказано пожелание об организации и более частной конференции по проблемам ареальной лингвистики и диалектологии башкирского языка.

С заключительным словом на конференции выступил А. М. Решетов.

В резолюции конференции большое внимание придается улучшению и широкому развертыванию изучения языков и материальной культуры народов способом кар-

тографирования, который способствует выяснению многих вопросов происхождения и эволюции лингвистических и этнографических явлений.

Н. Х. Максимова

ТРЕТЬИ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ АКАДЕМИКОВ И. А. БАТМАНОВА, К. К. ЮДАХИНА, Б. М. ЮНУСАЛИЕВА

19—20 сентября в Ошском государственном педагогическом институте (Киргизская ССР) состоялись «Третьи научные чтения, посвященные памяти академиков И. А. Батманова, К. К. Юдахина, Б. М. Юнусалиева»¹.

Ректор пединститута С. Дж. Джумагулов, открывший научные чтения, в своем выступлении охарактеризовал многостороннюю творческую деятельность академиков И. А. Батманова, К. К. Юдахина, Б. М. Юнусалиева, их заслуги в развитии тюркологии и киргизской филологии, в создании программ, словарей, учебников, учебных пособий по киргизскому языку и языкам народов СССР.

В работе конференции приняли участие научные сотрудники Института языка и литературы Академии наук Киргизской ССР, преподаватели Киргизского, Алма-Атинского, Ташкентского, Самаркандского государственных университетов, Ошского, Пржевальского, Фрунзенского, Алма-Атинского, Самаркандского и других педагогических институтов, а также аспиранты, стажеры вузов, преподаватели средних школ Ошской области.

Работа конференции проходила на пленарных заседаниях и заседаниях секций тюркского языкознания, сопоставительной типологии языков, методики преподавания языка и литературы, литературы народов СССР².

На пленарном заседании было заслушано 6 докладов, на секционных научных чтениях — 102 доклада, посвященных следующим проблемам: наследие И. А. Батманова, К. К. Юдахина, Б. М. Юнусалиева; языковые процессы в тюркоязычных республиках Средней Азии и Казахстана; особенности структуры текста; закономерности развития лексикографии, фразеологии, морфоло-

гии и синтаксиса; семантико-синтаксические явления и языковые параллели; сопоставительная типология родственных и неродственных языков; обучение родному, русскому и иностранным языкам в условиях билингвизма; особенности восприятия русской и зарубежной классики, вопросы литературного процесса на фоне развития многонациональной советской литературы.

В докладах и выступлениях отмечался широкий диапазон научных интересов академиков Б. М. Юнусалиева, К. К. Юдахина, И. А. Батманова, заложивших основы ряда отраслей тюркского и киргизского языкознания, разработавших многие вопросы истории формирования литературного языка и его лексики, а также лексикографии, фонетики, синхронной, диахронной и сопоставительной грамматики.

Ряд докладов и сообщений был посвящен малознанным проблемам тюркских языков, в частности лингвистическому исследованию языка карлуков, принципам выделения частей речи, особенностям структуры художественных и специальных текстов, грамматическим категориям, анализу синтаксических конструкций, социальным функциям киргизского и русского языков и т. д.

На пленарном заседании были заслушаны доклады: П. Бейшекеева (Ош) «Академик И. А. Батманов и вопросы киргизской диалектологии», С. Исаева (Алма-Ата) «К вопросу об общетюркской основе казахского литературного языка», Д. Шериева (Ош) «История киргизского литературоведения». В совместном докладе Х. Даниярова и Б. Юлдашева (Самарканд) характеризовались основные этапы формирования и развития узбекского литературного языка. Дж. Мамытов (Ош) в своем докладе рассмотрел язык художественной литературы как эстетическую категорию.

На секции «Тюркское языкознание» было прочитано 36 докладов.

К. Ибрагимов (Ош) в докладе «О языке карлуков» выделил ряд особенностей в языке этнической группы карлуков, проживающих на территории Узбекской ССР и Таджикской ССР, проследил исторические корни генезиса их языка. Выступление И. Абдувалиева (Фрунзе) посвящалось

¹ См.: Вторые научные чтения, посвященные памяти академиков И. А. Батманова, К. К. Юдахина, Б. М. Юнусалиева. — «Советская тюркология», 1984, № 1, стр. 98—99.

² См.: «Третьи научные чтения, посвященные памяти академиков И. А. Батманова, К. К. Юдахина, Б. М. Юнусалиева». Тезисы, Ош, 1985.

изучению и этимологическому анализу профессиональных терминов и слов, связанных с подготовкой коня к играм и состязаниям.

А. Орусбаев (Фрунзе) выступил с обзором «Языковая жизнь в республиках Средней Азии», отметив, что в Средней Азии в условиях национально-русского двуязычия сложилась весьма своеобразная языковая ситуация.

Ш. Мараш-Оглы (Ош) говорил о некоторых закономерностях процесса заимствования в киргизский язык лексики из германских языков через посредство русского.

В выступлении **К. Конкобаева** (Фрунзе) «Проблемы стратиграфии древнетюркской топонимии Киргизии» анализировалась тюркская топонимика Киргизии и прослеживались ее связи с различными тюркскими языками.

Расширению семантики исконно киргизских слов в условиях современного социального и культурно-экономического развития, в первую очередь под влиянием русского языка, было посвящено выступление **С. Омуралиевой** (Фрунзе) «Семантические оживления в современном киргизском языке».

А. Джалилов (Ош) на материале произведений Т. Садыкбекова остановился на фактах утраты некоторых значений многозначными словами в киргизском языке.

М. Трофимов (Ош) выступил с докладом «К этимологии некоторых уйгурских глаголов с основой на -р», представив данные о происхождении глаголов с двусложными основами, оканчивающихся на -р, в современном уйгурском языке.

Н. Чечейбаева (Фрунзе) остановилась на односоставных предложениях со значением побуждения, инфинитивности и императивности, выделив их дифференциальные признаки.

Т. Нуриев (Ош) выступил с сообщением «Семантические варианты неопределенно-личных предложений в современном киргизском языке», подразделив неопределенно-лические предложения на собственно-субституционно- и обобщенно-неопределенно-лические предложения, охарактеризовал каждую из этих разновидностей.

В докладе **С. Ибрагимова** (Ош) «Особенности структуры текста периодической печати на киргизском языке» содержались предварительные данные о статистической структуре текстов периодической печати.

Т. Ахматов (Фрунзе) в докладе «Бытовая лексика киргизского языка» рассмотрел лексико-семантические подгруппы бытовой лексики и способы словообразования в киргизском языке, перечислив источники заимствования лексики этого пласта из других языков, в частности из русского.

А. Аттокуров (Фрунзе) охарактеризовал лексико-грамматическую сущность определений в современном киргизском языке.

Т. Аширбаев (Ош) на материале произведений киргизских писателей охарактеризовал стилистические особенности употребле-

ления глаголов в художественной литературе.

В докладе **Л. Джусупахматова** (Ош) «Об одной особенности стратификации топонимов в эпосе „Манас“» была предложена генетическая классификация топонимов эпоса «Манас».

И. Лихолет (Фрунзе) в своем выступлении «О языковых особенностях произведений Ч. Айтматова» охарактеризовала лексические и стилистические особенности языка произведений Ч. Айтматова.

А. Закиров (Ош) в докладе «Политико-идеологическая направленность турецкой прессы» привел примеры некоторых слов, словосочетаний и выражений, характеризующих политический язык современной турецкой прессы.

А. Назаров (Ош) рассмотрел прием усиления экспрессивности фразеологизмов путем замены их отдельных компонентов.

Э. Абдуллаев (Фрунзе) посвятил свое выступление орфографии сложных слов в киргизском языке.

Секция «Сопоставительная типология языков» была в основном представлена докладами преподавателей Ошского пединститута. О типологических различиях между нулевыми морфемами в киргизском и русском языках сообщалось в докладе **М. Д. Тагаева** (Ош), отметившего, что в киргизском языке нулевые показатели проявляются на парадигматическом уровне.

Н. К. Салахитдинова (Ош) в докладе «О направлении различных типов интерференции в русской речи киргизов» продемонстрировала важность данных сопоставительно-типологических исследований.

А. И. Васильев (Фрунзе) в сообщении «Основы обучения русскому произношению киргизов» обратил внимание на плодотворность использования опыта московской фонологической школы для разработки методики преподавания русской фонетики в национальной школе в целях развития навыков русского произношения.

Вопрос о вычленении фразеологически связанных значений на материале киргизского языка рассматривался в докладе **Л. Лупачевой** (Ош).

М. Б. Примова (Ош) посвятила свое сообщение «Фрагмент активной грамматики русского и киргизского языков» проблеме психолингвистического обоснования зрительно-слухового восприятия учебной грамматики.

В докладе **М. Момунбаевой** (Фрунзе), посвященном вопросу восприятия и усвоения русских согласных киргизами, был выдвинут тезис о том, что в условиях двуязычия возможны случаи заимствования некоторых русских согласных фонем.

В докладе **Д. Омукеевой** (Ош) рассматривались падежные признаки модальных слов и их функции в русском и киргизском языках.

Способы выражения категории залога и модальности в киргизском и русском язы-

ках были впервые представлены в сопоставительном аспекте в докладах *В. Ниязалиева* (Фрунзе) и *М. Сагыналиева* (Ош).

Некоторым частным проблемам сопоставительно-типологического изучения языков были посвящены доклады *М. К. Ахмедовой* (Москва), *М. Дарбанова*, *А. Мурзакуловой* (Ош), *К. Токтоналиевой*, *Г. Шатмановой* (Ош), *Г. Бубанова* (Ташкент), *Ф. Музитовой* (Ош).

На секции «Литература народов СССР» был заслушан ряд докладов, представляющих значительный теоретический и практический интерес. О вкладе академика *Б. М. Юнусалиева* в изучение эпоса «Манас» и необходимости бережного отношения к его творческому наследию говорил в своем докладе «*Б. М. Юнусалиев — исследователь эпоса „Манас“*» *С. Бегалиев* (Фрунзе).

Д. Туратов (Ош) подчеркнул роль художественной литературы в формировании личности и заострил внимание слушателей на проблемах преподавания литературы в связи с реформой общеобразовательной школы.

П. Ирисов, *К. Оморкулов*, *Т. Танаев*, *Д. Мусаева* (Ош) посвятили свои доклады вопросам изучения устного народного творчества акынов-импровизаторов. Проблемы плодотворных взаимосвязей и взаимных влияний братских тюркоязычных литератур рассматривались в сообщениях *М. Акматалиева* (Фрунзе) и *Н. Мурадымова* (Ош).

С. Момуналиев, *А. Кадырова*, *С. Искендорова*, *М. Садыков* (Ош) остановились на творчестве некоторых киргизских писателей и поэтов.

Пути развития киргизской детской литературы и проблемы ее научного исследования были рассмотрены в докладах *М. Сулейманова* и *К. Абакирова* (Ош).

К. Тургунов (Ош) посвятил свой доклад анализу жанра поэмы и тесной связи это-

го жанра с традиционными мотивами киргизской поэзии.

На секции «Методика преподавания языка и литературы» были представлены доклады, посвященные проблемам развития русской речи в национальной аудитории, а также совершенствованию методов обучения фонетике и грамматике.

В докладе *А. Бельдиян* (Ташкент) «Создание речевых установок на занятиях по развитию русской речи у студентов национальных групп» сообщалось, как различные виды общения позволяют развивать активную умственно-речевую деятельность обучающихся. На фактическом материале этот вопрос был рассмотрен в докладах *Д. Акпаралиева*, *С. Эргешова*, *Ф. Ахмедовой* (Ош), *А. Токтомамбетовой* (Фрунзе). В сообщениях *В. Орловой* и *Г. Чен* (Ош) подчеркивалась важность использования звукозаписи при обучении студентов и учащихся различным видам речевой деятельности.

В докладах *С. Русляковой* (Фрунзе) и *Н. Калымбетовой* (Караганда) рассматривались словообразовательные структуры производных слов в методическом аспекте.

Т. П. Апполонова (Ош) на основе опыта работы со студентами рассказала об аудиовизуальных приемах обучения навыкам конспектирования.

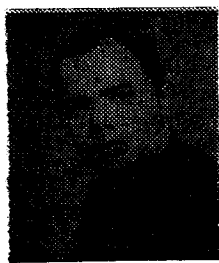
В докладах *А. Лисса* (Ош) и *В. Румянцева* (Чебоксары) излагались результаты экспериментов по овладению киргизскими и чувашскими студентами и школьниками иностранным языком.

По многим из докладов развернулись оживленные прения.

Проведенные чтения, ставшие традиционными, показали их несомненную полезность, ибо большинство докладов было посвящено наиболее актуальным проблемам тюркологии и практике преподавания тюркологических дисциплин в вузах.

К. Ибрагимов, *С. Ибрагимов*

«КЛАССИЧЕСКАЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ПОЭЗИЯ (XIX—НАЧАЛО XX ВЕКА) И УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО»

22 марта 1985 года на заседании специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР состоялась защита докторской

диссертации «Классическая азербайджанская поэзия (XIX—начало XX века) и уст-

ное народное творчество», представленной старшим научным сотрудником Музея азербайджанской литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР **Мехтиевым Али Саледдином Муса оглы**.

В диссертации исследуются особенности азербайджанской поэзии XIX—начала XX века и ее взаимосвязь с фольклором. Диссертант проанализировал в сопоставлении азербайджанскую поэзию (XIX—начала XX века) и фольклор. Важной составной частью диссертации явилось исследование фольклорных произведений об азербайджанских писателях.

Выступившие на защите официальные

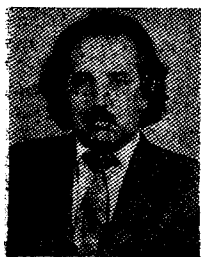
оппоненты д-ра филол. наук, профессора Н. М. Маллаев, Б. П. Кирдан и Х. Г. Мамедов, а также выступившие на защите д-ра филол. наук М. Ю. Юнусов, Дж. Ш. Шарипов, М. М. Сеидов и С. М. Гусейнов отметили, что в диссертации глубоко разработана проблема взаимосвязи и взаимовлияния азербайджанской поэзии и фольклора, указали на новизну работы и широту охвата ею темы.

Специализированный совет вынес решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении Мехтиеву А. М. искомой ученой степени.

Решением ВАК СССР от 11 октября 1985 года (протокол № 37, д/5) Мехтиеvu А. М. присуждена ученая степень доктора филологических наук.

Б. А. Назаров

«ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ АЗЕРБАЙДЖАНА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕНКОРАНСКОЙ ЗОНЫ)»

25 марта 1985 года на заседании специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита диссертации «Лингвистический анализ географических названий Азербайджана (на материале ленкоранской зоны)», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук доцентом Сырдарьинского госпединститута им. Г. Гуляма Мамедовым Масудом.

Диссертантом впервые исследуются географические названия ленкоранской зоны Азербайджана, богатой палеотопонимами из разных языков, часто с затемненными значениями. Основываясь на исторических фактах, а также на материалах многих тюркских и нетюркских языков, М. А. Мамедов раскрывает этимологию ряда этно-топонимов.

В диссертации исследуются структурные типы топонимов на основе способов их образования, исходя из предположения, что они образовывались как лексическим и

морфологическим, так и синтаксическим способами. Диссертант подробно останавливается на образовании топонимов морфологическим способом. При этом он особо оговаривает, что в некоторых районах ленкоранской зоны, где бок о бок живут азербайджанцы и талыши, топонимы часто оказываются смешанного происхождения.

На основании лингвистического анализа топонимов диссертант приходит к заключению, что в изучаемом регионе имеются в основном два топонимических пласта: азербайджанский и талышский; гибридные топонимы также восходят к этим языкам.

Официальные оппоненты: д-ра филол. наук, профессора С. М. Молла-заде, А. Ш. Шерматов, Ф. Агаева, д-р филол. наук В. Л. Гукасян, а также выступившие на защите член-корр. АН Азерб. ССР А. Курбанов, канд. геогр. наук Н. Мамедов дали высокую оценку диссертационной работе М. А. Мамедова.

Специализированный совет вынес решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении М. А. Мамедову искомой ученой степени.

Решением ВАК СССР от 13 сентября 1985 года (протокол № 33, д/5) М. А. Мамедову присуждена ученая степень доктора филологических наук.

Н. Я. Мингбаев

НЕКРОЛОГИ

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ НАДЕЛЯЕВ

19 августа 1985 года на семьдесят четвертом году жизни после тяжелой болезни скончался ветеран труда, заслуженный деятель науки Туvinской АССР, заведующий лабораторией экспериментально-фонетических исследований при отделе филологии Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук (ИИФФ СО АН) СССР Владимир Михайлович Надеяев, видный исследователь монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков, талантливый педагог.

Как исследователь-лингвист В. М. Надеяев проявил себя еще будучи молодым учителем, когда приехал на Таймыр обучать грамоте детей долган. Им был создан первый рукописный букварь долганского языка, разработаны учебные пособия для учащихся и преподавателей.

После окончания в 1944 году тюрко-монгольского отделения филологического

факультета Ленинградского госуниверситета В. М. Надеяев был оставлен на кафедре монгольской филологии в качестве преподавателя. В это время он разрабатывал теоретические и практические курсы по монгольскому языку, написал работу по фонетике современного монгольского языка, совместно с учеными Института языка и литературы Академии наук Монгольской Народной Республики провел экспериментально-фонетическое обследование звуковых систем территориальных диалектов монгольского языка. Он был учителем и наставником первой группы тувинских студентов, приехавших учиться в Ленинградский университет. По просьбе руководящих организаций Тувы В. М. Надеяев подготовил для республики необходимые филологические пособия и разработал лекционные курсы.

С 1958 года В. М. Надеяев работал в Ленинградском отделении Института языкознания Академии наук СССР и как знаток языка древнетюркских памятников и ряда тюркских языков Сибири участвовал в создании «Древнетюркского словаря», изданного в 1969 году.

В 1967 году В. М. Надеяев был приглашен в ИИФФ СО АН СССР, где организовал лабораторию экспериментально-фонетических исследований. Под его руководством и по разработанной им методике были изучены и описаны фонетические особенности монгольских (бурятского, калмыцкого, монгольского), тюркских (алтайского, долганского, думандинского, телеутского, шорского, тувинского, чалканского и якутского), самодийских (ненецкого, энецкого, иганасанского) и ряда других языков Сибири и сопредельных регионов.

Так широко фонетика сибирских языков стала изучаться впервые. Сочетание научной методики изучения с использованием стационарной аппаратуры позволило В. М. Надеяеву и его ученикам сделать важные теоретические и историко-этнографические выводы. В результате многолетней исследо-

вательской деятельности В. М. Наделяеву удалось создать фонетическую школу, которая объединяет свыше пятидесяти специалистов, работающих в научных институтах Якутска, Горно-Алтайска, Кызыла, Улан-Удэ, Улан-Батора, а также в вузах Кемерово, Новокузнецка, Новосибирска, Томска.

Изучение фонетики современных тюркских, монгольских, самодийских, обско-угорских, тунгусо-маньчжурских и палеоазиатских языков на большом экспериментальном материале позволило коллективу исследователей, возглавляемому В. М. Наделяевым, разработать и решить ряд проблем, связанных с общей, экспериментальной и сравнительно-исторической фонетикой. Им были уточнены принципы научной классификации гласных и согласных звуков. При описании результатов исследования ныне во многих работах используются знаки транскрипционной системы Л. В. Щербы с уточнениями В. М. Наделяева. Эта же транскрипция принята в качестве обязательной и при составлении «Диалектологического атласа тюркских языков СССР». В связи с этим В. М. Наделяевым было проведено большое количество семинаров для тюркологов, составителей атласа, в

Ленинграде, Новосибирске, Алма-Ате, Горно-Алтайске и др.

В. М. Наделяев был большим другом и наставником молодых исследователей фонетики казахского, киргизского, узбекского и других языков. За годы своей научно-педагогической деятельности он воспитал сто тридцать пять учеников, пятерым из них присвоена ученая степень доктора, пятидесяти — кандидата наук.

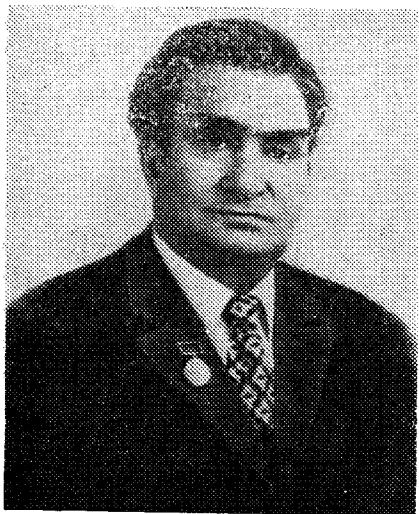
В. М. Наделяев был награжден орденом «Знак Почета» и семью медалями, в том числе медалью «За оборону Ленинграда».

Трудно переоценить значение более чем полувековой научно-педагогической деятельности В. М. Наделяева. Необычайно мягкий, отзывчивый и чрезвычайно скромный человек, он как ученый отличался принципиальностью в своих суждениях и требовательностью к своим ученикам. В. М. Наделяев прожил интересную, исполненную энтузиазма трудовую жизнь. Его имя вошло в историю изучения фонетики многих языков Сибири и сопредельных с ней регионов.

Светлая память о покойном Владимире Михайловиче Наделяеве, прекрасном ученом и замечательном человеке, навсегда останется в сердцах его коллег и учеников.

Коллеги и ученики

МУХТАР ГУСЕЙН ОГЛЫ ГУСЕЙНЗАДЕ

5 октября 1985 года на восемьдесят шестом году жизни скончался один из осново-

положников азербайджанского советского языкознания, доктор филологических наук, профессор Мухтар Гусейн оглы Гусейнзаде.

М. Г. Гусейнзаде родился 21 марта 1900 года в селении Зунуз (Иранский Азербайджан). Свою трудовую деятельность он начал с тринадцати лет. После установления Советской власти в Азербайджане М. Г. Гусейнзаде поступил на рабфак в Гяндже (ныне Кировабад), а затем окончил Государственный университет в Баку и аспирантуру в Москве.

В 1946 году М. Г. Гусейнзаде защитил кандидатскую диссертацию «Современный азербайджанский язык (лексика, фонетика, морфология)», на основе которой им был подготовлен учебник для вузов республики (1954), ставший первым капитальным трудом по лексике, фонетике и морфологии современного азербайджанского языка. Раздел, посвященный лексике, положил начало исследованиям в новой для азербайджанского языкознания области — лексикологии и семасиологии. Учебник выдержал четыре издания, долгое вре-

мя оставался незаменимым пособием для специалистов и вошел как самостоятельная часть (морфология) в капитальный коллективный труд — учебник «Современный азербайджанский язык» в четырех частях, авторы которого были удостоены в 1974 году Государственной премии Азербайджанской ССР.

В 1973 году М. Г. Гусейнзаде защитил докторскую диссертацию «Определительные словосочетания в современном азербайджанском языке». Его работы по морфологии и синтаксису азербайджанского языка отличались глубиной анализа грамматической структуры языка. В монографии «Односоставные и сложные словосочетания в современном азербайджанском языке», в разделах, написанных им для двухтомника «Синтаксис азербайджанского языка», в многочисленных статьях об определительных словосочетаниях первого и второго типов в современном азербайджанском языке, ученый разработал основы научного синтаксиса азербайджанского языка, уделив особое внимание грамматической семантике.

М. Г. Гусейнзаде был одним из создателей школьной грамматики азербайджанского языка. Учебник для средней школы «Азербайджанский язык (синтаксис)», написанный им в соавторстве с М. Ш. Ширалиевым, вышел в свет в 1938 году. В нем на большом фактическом материале были раскрыты все основные понятия азербайджанского синтаксиса. Вопросы, впервые получившие освещение в этом учебнике, имели важное значение для дальнейшего развития теоретической грамматики в Азербайджане.

В научном наследии ученого особое место занимают труды по истории азербайджанского языкознания. М. Г. Гусейнзаде много лет работал в этой области. Им на-

писаны «История развития азербайджанского языкознания» (1948), «Развитие азербайджанского языкознания за годы Советской власти», «Очерк сорокалетней истории азербайджанского языкознания» (1960).

Более полувека М. Г. Гусейнзаде преподавал в высших учебных заведениях Баку. Много лет его педагогическая деятельность проходила в стенах Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова, где он занимал последовательно должности декана филологического факультета и заведующего кафедрой общего языкознания. С 1953 по 1957 год он одновременно заведовал отделом современного азербайджанского языка Института литературы и языка им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР (ныне Институт языкознания им. Насими).

М. Г. Гусейнзаде принадлежат большие заслуги в подготовке языковедческих кадров. Практически все дипломированные специалисты — кандидаты и доктора наук, занимающиеся исследованием современного азербайджанского языка, — его ученики.

М. Г. Гусейнзаде принимал активное участие в общественной жизни университета, был членом ряда ученых советов и комитетов.

М. Г. Гусейнзаде был награжден орденом Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями СССР, ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки Азербайджанской ССР.

Светлая память о Мухтаре Гусейн оглы Гусейнзаде, большом ученом, чутком и добром педагоге и человеке, навсегда сохранится в сердцах его коллег, друзей и учеников.

А. Ахундов

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- М. Ш. Ширалиев (Баку). Закономерности развития азербайджанского языка . 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- А. Меметов (Ташкент). Арабские заимствования в современном крымскотатарском языке . 9
Л. Ш. Арсланов (Елабуга). О туркменско-татарском языковом взаимодействии на территории Ставропольского края . 22

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

- Р. Арзибеков (Самарканд). О генезисе и типологии рубаи . 25

ОНОМАСТИКА

- Г. Ф. Саттаров (Казань). Происхождение полисонима «Казань» . 34

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- А. Махаматов (Ташкент). Акцентуация речевого такта в русском и узбекском языках . 44

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

- Э. А. Умаров (Ташкент). В. В. Вельяминов-Зернов — издатель словаря «Абушка» 47

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- Г. Н. Зикриллаев (Бухара). Синонимические отношения форм условно-желательного наклонения в узбекском языке . 52
Ю. В. Шека (Москва). Смещение значения категориальных форм глагола в турецкой разговорной речи . 62
З. М. Муртазов (Ташкент). Сопоставительно-стилистический анализ синонимов узбекского и русского языков . 72
К. Адягаши (Сегед, ВНР). О шести чувашских глоссариях XVIII века . 76

РЕЦЕНЗИИ

- М. И. Исламов (Баку). М. С. Воронкин. Северо-западная группа говоров якутского языка . 89
А. Ишаев, К. Шарипова (Ташкент). Машхура Туропова. Узбек шевалари синтаксиси . 90
Р. А. Юсупов (Казань). Г. Ф. Саттаров. Мәктәптә туган як ономастикасы . 92
М. З. Закиев, Х. Ш. Махмутов (Казань). Фатых Урманчиев. Героический эпос татарского народа . 93
Т. Галиуллин (Казань). «Татар әдәбияты тарихы» . 94

PERSONALIA

- Н. Н. Шенгелия (Тбилиси). Нодар Николаевич Джанашиа . 97
А. Ходжиев, Н. Махмудов (Ташкент). Азам Шерматов . 98

ХРОНИКА

- Н. Х. Максютובה (Уфа). Ареальные исследования в языкознании и этнографии . 100
К. Ибрагимов, С. Ибрагимов (Ош). Третьи научные чтения, посвященные памяти академиков И. А. Батманова, К. К. Юдахина, Б. М. Юнусалиева . 104
«Классическая азербайджанская поэзия (XIX—начало XX века) и устное народное творчество» . 106
«Лингвистический анализ географических названий Азербайджана» . 107

НЕКРОЛОГИ

Владимир Михайлович Надеяев	108
Мухтар Гусейн оглы Гусейзаде	109

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- M. Sh. Shiraliyev* (Baku). Regularity of development of Azerbaijani 3

LANGUAGES IN CONTACT

- A. Memetov* (Tashkent). Arabic borrowings in modern Crimean-Tatar language 9
L. Sh. Arslanov (Yela'buga). On Turkmen-Tatar linguistic interaction on the territory of Stavropol region 22

QUESTIONS OF LITERARY CRITICISM

- R. Arzibekov* (Samarkand). On genesis and typology of rubai 25

ONOMASTICS

- G. F. Sattarov* (Kazan). An origin of polysonym «Kazan» 34

DISCUSSIONS

- A. Mahamatov* (Tashkent). Link accentuation in Russian and Uzbek 44

HISTORY OF HOME TURKOLOGY

- E. A. Umarov* (Tashkent). V. V. Velyaminov-Zernov is a publisher of «Abushka» dictionary 47

REPORTS, SURVEYS

- G. N. Zikrillayev* (Bukhara). Synonymous relations of forms of subjunctive mood in Uzbek 52
Yu. V. Sheka (Moscow). Shifting of meaning of verbs categorial forms in Turkish colloquial speech 62
Z. M. Murtazov (Tashkent). Contrastive-stylistic analysis of synonyms in Uzbek and Russian 72
K. Adyagashi (Seged, Hungary). On six Chuvash glossaries of XVIII 76

REVIEWS

- M. I. Islamov* (Baku). М. С. Боровкин. Северо-западная группа говоров якутского языка 89
A. Ishayev, K. Sharipova (Tashkent). Машхура Туропова. Ўзбек шевалари синтаксиси 90
R. A. Yusupov (Kazan). Г. Ф. Саттаров. Мөктәптә туган як ономастикасы 92
M. Z. Zakiyev, H. Sh. Makhmudov (Kazan). Фатых Урманчиев. Геронический эпос татарского народа 93
T. Galiullin (Kazan). «Татар әдәбияты тарихы» 94

PERSONALIA

- N. N. Shengeliya* (Tbilisi). Нодар Николаевич Джанашиа 97
A. Khodjiyev, N. Makhmudov (Tashkent). Азам Шерматов 98

CHRONICLE

- N. Kh. Maksutova* (Ufa). Areal studies in linguistics and ethnography 100
K. Ibragimov, S. Ibragimov (Osh). IIIrd scientific readings devoted to the memory of academicians I. A. Batmanov, K. K. Yudakhin, B. M. Yunusaliyev 104
«Classical Azerbaijan poetry (XIX—early XX) and folk-lore» 106
«Linguistic analysis of place-names of Azerbaijan» 107

OBITUARY

- Vladimir Mikhailovitch Nadelyayev 108
Mukhtar Gusein ogly Guseinzade 109